

Очерки по медицинской социологии,
том 2 (из 2)

Элизабет Блэкуэлл

ESSAYS

IN

MEDICAL SOCIOLOGY

BY

ELIZABETH BLACKWELL, M.D.

VOLUME II.

LONDON

ERNEST BELL, YORK STREET
COVENT GARDEN

1902

The Project Gutenberg eBook of Очерки медицинской социологии, том 2 (из 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Очерки медицинской социологии, том 2 (из 2)

Автор: Элизабет Блэквелл

Дата выхода: 10 февраля 2023 [eBook #69998]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальное издание: Великобритания: Ernest Bell, 1902

Кредиты: MWS и Online Distributed Proofreading Team на <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/Canadian Libraries)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ESSAYS IN MEDICAL SOCIOLOGY, VOLUME 2 (OF 2)

ОЧЕРКИ ПО МЕДИЦИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ЭССЕ ПО МЕДИЦИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

BY ELIZABETH BLACKWELL, M.D.

VOLUME II.

ЛОНДОН
ЭРНЕСТ БЕЛЛ, ЙОРК-СТРИТ
КОВЕНАНТСКИЙ САД
1902

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА. II.

ЭССЕЯ

I. Влияние женщин на профессию врача

СТРАНИЦА

1

II.	Ошибочный метод в медицинском образовании	33
III.	Почему проваливаются гигиенические конгрессы	47
	Приложение	85
IV.	Научный метод в биологии	87
V.	Христианский социализм	151
VI.	Об упадке муниципального представительного правления	173
VII.	Речь, произнесенная на открытии Женского медицинского колледжа в Нью-Йорке	197
VIII.	Религия здоровья	211

ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН НА ПРОФЕССИЮ ВРАЧА

Выступление на открытии зимней сессии Лондонской школы медицины для женщин, октябрь 1889 года

ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН НА ПРОФЕССИЮ ВРАЧА

За то короткое время, что мы сегодня встречаемся вместе, я попрошу вас позволить мне остановиться на том, как можно использовать наиболее благотворное влияние женщин в медицинской профессии. Я также хочу указать на некоторые опасности, а также преимущества, которыми сейчас окружено медицинское образование.

Пути, по которым каждый может войти в профессию, теперь настолько широко открыты, что нет особых трудностей на пути любого мужчины или женщины, желающего получить законное право заниматься медицинской практикой. В Париже все государственные медицинские учреждения, как колледжи, так и больницы, открыты для студентов без различия пола. Не только как обычные студенты, но и как интерны и экстерны, пол больше не рассматривается там как барьер для возможностей и положения. Демократический принцип повсюду неуклонно завоевывает позиции, а человеку дают возможность испытать свои силы в великой битве жизни. Большое количество женщин пользуются этой более широкой индивидуальной свободой, чтобы поступить на медицинский факультет. В Великобритании семьдесят три зарегистрированные леди-доктора - это немного по сравнению с 3000 в Соединенных Штатах, но девять студентов, которые сейчас учатся в нашей лондонской школе, а также эдинбургские классы, дублинские студенты и последний факт, что медицинский колледж в Глазго только что открыл свои двери для женщин, ясно показывают, что это движение пустило крепкие корни в нашей стране, и когда наша английская работа будет продолжаться уже сорок лет, есть все шансы, что наши британские леди-доктора численно сравняются с нашими соотечественниками за океаном.

Поэтому я думаю, что все поймут важность рассмотрения будущего этой растущей армии женщин-медиков, и я особенно хочу, чтобы наши студенты-медики осознали далеко идущий характер, социальные последствия этой медицинской карьеры, которую они начинают. Совершенно очевидно, что широкое распространение медицинской профессии среди

женщин не может оставаться незначительным делом; оно должно оказать заметное влияние на будущее общество, как во благо, так и во зло.

Если бы мы были детьми, начинающими обучение, было бы преждевременно подводить итоги образования и заглядывать в будущее.

Но совсем другое дело взрослые женщины - женщины образованные, несколько нетерпеливые к ограничениям, вступающие на путь большей свободы и законно ревнующие к любому вмешательству в эту свободу. Поэтому в самом начале медицинского образования нам необходимо очень серьезно рассмотреть этот вопрос самоориентации, широко взглянуть на будущую ответственность и задать себе самый важный вопрос, касающийся медицинского образования: Каков будет его эффект?

Легкомысленный или поверхностный человек может сразу же ответить: Наша цель - зарабатывать деньги и заниматься доходным делом, ухаживая за больными людьми. Женщинам так трудно честно обеспечивать себя, что вполне разумно, что они могут делать это таким образом, а трудящийся достоин своего найма. Но я решительно заявляю, что тот, для кого материальная выгода является главным мотивом для начала медицинской карьеры, - недостойный ученик; он не годится для того, чтобы стать врачом, и он будет работником, недостойным своего найма. Что следует думать о государственном деятеле, который стремится к руководству национальными делами из-за зарплаты в 10 000 фунтов стерлингов? Благородство побуждений должно увеличиваться вместе с благородством занятий, иначе недостойный человек опускается до деградации, измеряемой высотой, на которую его должна была поднять карьера.

Нет более благородной карьеры, чем карьера врача. Прогресс и благосостояние общества теснее связаны с преобладающим тоном и влиянием медицинской профессии, чем со статусом любого другого класса людей. Это исключительное влияние обусловлено не только огромной важностью решения вопросов жизни и смерти в условиях здоровья и болезни, но и тем, что тело и разум так неразрывно связаны в человеческой конституции, что мы не можем иметь дело с одной частью этой сложной природы, не затрагивая в большей или меньшей степени другую. Наше служение телу и душе не может быть разделено резко очерченной линией. Произвольное различие между врачом тела и врачом души - доктором и священником - имеет тенденцию к исчезновению по мере развития науки. Любая отрасль медицины связана с моральными соображениями, как в отношении врача, так и в отношении пациента. Даже ампутация конечности, уход за больным с лихорадкой, рождение ребенка - все это содержит моральный элемент, который очевиден для ясного понимания и которым нельзя пренебрегать без ущерба для врача, человека и общества. Но, вероятно, все согласятся с тем, что надежда на получение денег не должна быть главным мотивом для выбора медицинской карьеры; но что интерес к роду занятий и виду жизни, с осознанием широкого и благотворного влияния, которое он может оказать, должен стать определяющим мотивом для того, чтобы стать врачом.

Если мы признаем, что, хотя справедливое вознаграждение за честный труд справедливо, мы должны заниматься медициной не ради получения денег, а из более высоких побуждений, то эти побуждения, влияющие на поведение, становятся моральными мотивами или идеалом, которым мы должны руководствоваться в своей будущей практической жизни как врачи. Этот идеал требует четкого представления о том, что является правильным или неправильным для нас в медицине, как для людей, так и для женщин. Простая чувственная жизнь, без идеала или без более высоких принципов действия, чем ограниченные потребности каждого дня, имеет тенденцию к деградации человека и всех, кто его окружает.

Нам необходимо четкое представление о том, что действительно правильно или неправильно, с указанием причин, на которых основано суждение, вместо путаных понятий или расплывчатых и постоянно меняющихся стандартов.

Ни одна женщина, изучающая медицину, не может спокойно игнорировать эту тему. Она жизненно важна для нас, и только правдивый ответ на нее сделает наш приход в профессию заметным продвижением в социальном прогрессе.

Я не пытаюсь скрыть сложность установления закона добра и зла в медицине; не только потому, что медицина, как и любая другая часть общественной жизни, подвержена эволюционному росту, но и потому, что в обществе, которое еще не смогло сформироваться на основе фундаментальных принципов христианства, мы вовлечены в несовершенные социальные условия, которые не позволяют нам воплотить наши нравственные представления на каждом этапе практической жизни. Но, помните, мысль и стремление могут жить праведной жизнью независимо от того, какие порочные условия нас окружают. Когда у нас есть четкое представление о добре и зле, мы можем мысленно отвергнуть все, что кажется нам нарушающим нравственный закон. Мы можем упорно противостоять омертвляющей силе привычных неправильных поступков и никогда не прекращать усилий, чтобы найти способ превратить наш мысленный протест в практическое противостояние всем формам безнравственности.

В процессе изучения медицины - особенно, если вы учитесь за границей, - вы увидите много такого, что может шокировать ваш просвещенный интеллект и возмутить ваше нравственное чувство. На практике вы также будете подвергаться сильным искушениям самого разнообразного характера. Но именно потому, что мы, как женщины, должны яснее видеть разрушенный мост или приближающуюся опасность в порыве мужского интеллекта, я останавливаюсь на нашей особой ответственности и пытаюсь объяснить ее причины.

Моя цель - не ограничить, а расширить нашу работу в медицине, когда я пытаюсь определить наш идеал. Верно, что великая цель нашей человеческой жизни, по сути, одна для каждого человека, мужчины или женщины, варвара или цивилизованного. Она заключается в том, чтобы стать более благородным существом и помочь всем остальным достичь более высокого человеческого статуса в течение этого короткого периода земной жизни. Но как разнообразие в единстве является законом творения, так и существует бесконечное множество методов прогресса, приводящих к гармонии вместо монотонности, когда человек или классы людей верны руководящим принципам своей собственной природы.

Ибо идеал каждого существа должен быть найден в отношении его собственной природы к окружающей его вселенной. Правота и неправота основаны на здравом понимании этой позитивной основы. Именно этот факт разнообразия в единстве, в прогрессе расы, оправдывает надежду на то, что приход женщин в медицину будет способствовать развитию этой профессии.

Чтобы осуществить это благородное стремление, мы должны понять, какой особый вклад могут внести женщины в медицину, какой аспект нравственности они призваны подчеркнуть.

От нас требуется не слепое подражание мужчинам, не бездумное принятие всего, чему они могут научить, ибо это означало бы одобрение широко распространенной ошибки, согласно которой раса - это мужчины. Наш долг - верность добру и противостояние злу в соответствии с основными принципами нашей собственной природы.

Так вот, великий существенный факт женской природы - это духовная сила материнства.

Мы поступим несправедливо по отношению к этому великому факту, если, глядя на него полуслепыми глазами, увидим лишь поверхностный материальный аспект этой замечательной особенности. Именно великая духовная жизнь, лежащая в основе физической, дает нам истинный женский идеал.

Каковы же духовные принципы, неизбежно связанные с этим особым созданием половины расы, - принципы, которые лежат внутри материальных фактов беременности и ухода за младенцем и ребенком, составляющих отличительную материальную область женщины?

Это подчинение себя благополучию других; признание претензий, которые беспомощность и невежество предъявляют к более сильным и умным; радость создания и дарования жизни; жалость и сочувствие, которые стремятся сделать каждую женщину прирожденным противником жестокости и несправедливости; и надежда - то *есть* осознание невидимого - которая предвидит взрослого в младенце, будущее в настоящем.

Все это - великие нравственные тенденции, и они обязательно связаны с могущественной потенцией материнства. Они возлагают на женщин тяжелую ответственность за то, чтобы все больше и больше становиться нравственными проводниками на жизненном пути. Женщины призваны судить о правильности или неправильности всех практических действий и оказывать влияние на эту высокую нравственность в любом направлении, где это влияние может быть наиболее сильным.

Мы видим свидетельство этого унаследованного от провидения импульса к нравственным действиям в огромной и все возрастающей преданности женщин облегчению социальных страданий и их твердом противостоянии несправедливым поступкам, которые составляют отличительную черту нашего века. Эти духовные матери расы часто являются более истинными воплощениями великой материнской жизни, чем те, кто технически является матерью в низшем физическом смысле.

По мере разумного интеллектуального роста расширяется диапазон морального влияния. Но такой рост может происходить только под руководством морального принципа; ведь нравственное восприятие становится разумом по мере развития интеллектуальных способностей, а разум - это истинный свет для всех. Именно в этой высокой нравственной жизни, расширенной интеллектом, заключается идеал женственности. Именно через мораль, направляющую интеллект, будет ощущаться благотворное влияние женщины в любой новой сфере деятельности.

Таким образом, исходя из своих унаследованных склонностей, а также из существующей индивидуальности своей природы, женщины должны стремиться к высокому нравственному стандарту в качестве своего идеала и признавать верховенство права над каждой сферой интеллектуальной деятельности. Высший тип нравственного совершенства, который мы можем найти в эпоху, в которой мы живем, благодеяния, которые он оказывает, средства, которыми он был достигнут, образуют так много ориентиров, чтобы направлять нас в наших поисках права.

Этот очень важный метод роста был хорошо изложен Хаксли, этим отважным борцом за свободу мысли в прошлом. Он сформулировал такой весомый принцип: "Прошлое должно быть объяснено настоящим".

Этот принцип имеет очень широкое применение.

Что порождает самые благородные человеческие существа сейчас, в нашем девятнадцатом веке? Что вселяет надежду? Что поддерживает нас в мужественной борьбе за жизнь? Что делает жизнь наиболее достойной?

Когда мы выясним эти факты в настоящем, они объяснят прошлое и дадут правильные основы для руководства в будущем.

Примечательная особенность сегодняшнего дня заключается в том, что некоторые из наших лучших мужчин, видя неудачу стольких панацей от невыносимых зол, от которых страдает общество, жаждут этой неиспытанной силы - действия и сотрудничества хороших женщин. "Наша единственная надежда - в женщинах!" - этот крик иногда можно услышать от просвещенной мужской совести. Но еще более значительным является пробуждение все большего числа самих женщин. Они начинают понимать, что истина приходит к нам через несовершенные человеческие средства передачи информации и, таким образом, становится несовершенной; что каждый человеческий учитель должен быть принят только за его внушение, а не как абсолютный авторитет. Таким образом, женщины поднимаются над ошибками прошлого, над слепым принятием несовершенных авторитетов и искренне стремятся познать волю Творца и идти исключительно в соответствии с тем, что они сами, усердно ища, могут узнать об этой Божественной воле.

Нет ни одного направления практической деятельности за пределами домашней жизни, которое бы так хорошо соответствовало этим благородным устремлениям, как законное изучение и практика медицины. Законное изучение требует сохранения в полной силе тех благотворных моральных качеств - нежности, сочувствия, опеки, - которые составляют неотъемлемый духовный элемент материнства; в то же время прогресс расы требует, чтобы интеллектуальный горизонт был расширен, а понимание укреплено наблюдениями и рассуждениями, которые придадут большую эффективность этим моральным качествам.

Настоящий врач должен обладать основными качествами материнства. Больные так же беспомощны в его руках, как и младенцы. Они полностью зависят от проницательности и рассудительности, честности и надежды врача.

Нельзя забывать и о том, что каждый человек, которого мы призваны лечить, подобно младенцу и ребенку, является душой, а также телом. Успешное лечение требует проницательности, которая приходит от осознания этих фактов, и сочувствия, которого они требуют. В бесконечном разнообразии человеческих недугов врач обнаружит, что часто должен быть исповедником своего пациента, а консультационная комната должна иметь святость исповедальни, и она всегда должна быть советчиком и проводником.

В тех двух областях медицины, которые кажутся мне особенно ценными для женщин-врачей и о которых я расскажу позже, - акушерстве и профилактической медицине - трудно сказать, какие качества врача в наибольшей степени востребованы: моральные или интеллектуальные, настолько неразрывно они сочетаются. Какое терпение и надежда требуются в затяжных испытаниях хронических заболеваний! Какой дискриминации и союза мягкости и твердости требуют эти случаи! Подумайте о детях в наших семьях! Девочки и мальчики, молодые женщины и мужчины, которые растут под нашим присмотром, - каким вдохновителем благородства и чистоты, каким защитником от искушений может быть настоящий врач!

В обращении с бедняками от нас требуется огромная жалость, терпение и мужество. Эти несчастные жертвы нашей социальной глупости часто подвергаются огромным испытаниям. Ошибочные схемы, которые заставляют нас принимать по тридцать, пятьдесят человек за

час, истощают нервную систему врача. Требуется вера и мужество, чтобы распознать настоящую человеческую душу под ужасной маской убожества и болезней в этих переполненных нищетой массах и не поддаваться искушению рассматривать их как "клинический материал". Отношение студента и врача к больным беднякам - это настоящее испытание для истинного врача.

Осознав таким образом глубокую приспособленность женской природы к практике Искусства исцеления, давайте подумаем, каким образом можно укрепить интеллектуальные способности, чтобы придать большую эффективность материнским качествам. Другими словами, как нам стать надежными врачами?

До сих пор я останавливалась на необходимом складе ума или атмосфере и свете, в которых должны дышать и работать женщины-врачи, если они хотят достичь своей особой эффективности; теперь позвольте мне более подробно остановиться на методе подготовки к нашей практической работе.

Интеллектуальная подготовка, необходимая для врача, прекрасно приспособлена для восполнения недостатков обычного опыта женщин.

Интеллектуальные характеристики, которые должны быть особенно развиты во время студенческой жизни: способность к терпеливому наблюдению, точному изложению того, что наблюдается, и осторожным выводам из этих наблюдений.

Эти качества составляют основу здравого суждения и умелой медицинской практики. Больному нужен не блестящий теоретик, а опыт, приобретенный в результате тщательного наблюдения и здравого смысла, в сочетании с добрым чувством и жизнерадостностью, которые делают сам вид врача радушным для больного. Если эти необходимые результаты интеллектуального обучения могут быть обеспечены в гармонии с моральной структурой женственности, то изучение медицины станет шагом реального социального прогресса.

Необходимость кропотливого наблюдения за фактами - основа, которую должна заложить студентка в каждой отрасли своего образования, - хорошо проиллюстрирована в жизни Дарвина, который так пишет другу: "Последний месяц я упорно занимался препарированием маленького животного размером с булавочную головку с архипелага Хронос, и я мог бы провести еще месяц и ежедневно видеть более красивое строение". О ценности этого метода упорного труда его друг дает следующее примечательное свидетельство: "Твой мудрый отец никогда не поступал более мудро, чем посвятив себя этим годам терпеливого труда. Это замечательный пример его научной проницательности и мужества, что он видел необходимость надлежащего обучения и не уклонялся от труда по его приобретению".

В медицине анатомия, физиология и химия являются основными предметами, где закладывается тот фундамент добросовестной точности, от которого во многом зависит мастерство будущего врача.

Первой и незаменимой основой медицины является анатомия, с которой неразрывно связана физиология; ведь физиология человека может быть правильно изучена только в связи с его строением, состояние которого в здоровье и болезни составляет непосредственный объект нашей профессии. Ни один студент не должен быть удовлетворен, пока не проследит самым тщательным образом строение каждой области того человеческого тела, с жизнью которого нам придется иметь дело. Тщательное анатомическое изучение - это надежная и необходимая подготовка к следующему этапу

клинических наблюдений, когда патология и терапия вводят нас в непосредственное изучение больного.

Чем тщательнее будет изучена человеческая организация, тем более удивительным покажется неприступный механизм использования человеческой жизни. Мы никогда не пожалеем о времени и заботах, потраченных на приобретение самых глубоких знаний об анатомии человека. Даже если мы никогда не будем проводить хирургические операции, глубокое знание человеческого каркаса, с отклонениями которого нам приходится иметь дело, заложит прочную основу для практики, которую не сможет обеспечить ничто другое.

Бездумное разрезание тонкой и сложной структуры тела, в котором иногда повинны необученные студенты, свидетельствует о небрежности и бессознательности будущего врача. Если бы небрежность, подобная той, что иногда наблюдается в кабинете препарирования, проявлялась в химической лаборатории, то вскоре в жертву были бы принесены жизнь или конечности. И все же тщательное изучение строения каждого жизненно важного органа для нас более необходимо, чем химия, как бы ни было важно ее изучение. Позвольте мне отметить, как моральный элемент, на котором я так настаивал, вступает в игру в этом первом из наших медицинских занятий. В использовании и обустройстве анатомических кабинетов всегда должно проявляться благоговение перед этой нашей физической структурой. Небрежность и неаккуратность в этом отделе обучения оказывают действительно пагубное влияние на студентов-медиков. Уважение к используемому материалу, аккуратность в его расположении, приличное покрытие каждого рабочего стола в перерывах между работой, могут показаться незначительными мероприятиями, но они оказывают большое влияние на моральное воспитание студента, если настойчиво выполняются.

Я не ставлю своей целью подробно останавливаться на правильном методе изучения каждой отрасли медицины, так как это потребовало бы целой серии лекций. Но я должен решительно предостеречь от странного пренебрежения физиологией человека, которое я наблюдаю. По-видимому, это происходит от ошибочной идеи, что необходимые знания можно получить от других организмов, которые имеют обманчивое сходство с человеком.

Я бы настаивал на том, что мы должны стремиться досконально ознакомиться с природой и вариациями физиологии здорового человека, прежде чем озадачиваться изменениями патологии.

Аускультация и перкуссия; наблюдения за здоровыми изменениями пульса, языка, кожи и различных выделений у стольких здоровых людей, как взрослых, так и младенцев, которых можно исследовать, сравнить и записать; жизненная химия человеческих тканей и выделений в здоровье и болезни; изменяющее влияние темперамента, наследственности, идиосинкразии и т.д. - все это составляет отдел физиологии человека, странно пренебрегаемый в качестве практического исследования, но, безусловно, имеющий первостепенное значение для прогресса медицины.

Но я должен перейти к тому, что является моей непосредственной целью, а именно к вопросу об отношении женщин к медицине. Остановившись на моральных и интеллектуальных преимуществах изучения медицины, я должен обратиться к другому аспекту этой темы - опасностям, которые подстерегают наших искренних студентов.

Доктор Карпентер зафиксировал широко распространенное признание этого опасного аспекта медицинского образования, когда он сказал: "Кажется, что в процессе подготовки студентов к медицинской профессии есть что-то, что поощряет в них вялость мысли и выражения, которая слишком часто заканчивается вялостью принципов и действий"; и далее он осуждает тон некоторых работ, опубликованных в медицинской прессе. Это суждение очень осторожного учителя, высказанное столько лет назад, заслуживает самого серьезного рассмотрения в наши дни. Свобода входа женщин в медицинскую профессию возлагает на нас очень большую ответственность - доказать, что это новое и растущее движение будет в будущем благословением для общества.

Мы имеем счастье привлекать в наши школы большое количество способных женщин - женщин, которые могут не только принести пользу как врачи, но и оказать самое благотворное влияние на саму профессию, если они привнесут в нее свежую и независимую жизнь.

Приходится сожалеть, что наши студенты теперь вынуждены уезжать за границу для получения медицинского образования, так как за рубежом преувеличиваются методы обучения, наносящие вред нравственности. Злоупотребление бедняками как объектами экспериментальных исследований, при обращении с которыми так часто уничтожаются все приличные запасы скромности; презрение, испытываемое к массе женщин там, где целомудрие не признается обязательной мужской добродетелью; зверская жестокость экспериментов над животными - все эти результаты активного интеллекта, не направляемого большой моралью, в полной мере проявляющиеся за рубежом, заставляют меня сожалеть о необходимости, которая заставляет столь многих наших лучших, но неопытных студентов уезжать в поисках более эффективного обучения, чем они могут получить на родине.

Две особые опасности, от которых я хотел бы предостеречь наших студентов, таковы:

Во-первых, слепое принятие того, что в медицине называется "авторитетом".

Во-вторых, узкий и поверхностный материализм, который так широко распространен среди ученых.

Что касается первого пункта - недоверия к авторитетам, - хотя я полностью признаю уважение, которое всегда должно быть оказано положению учителя, и уважение, которое следует проявлять ко всем, кого называют "главами профессии", - я бы очень настоятельно попросил вас помнить, что медицина - это неопределенная наука.

Жизнь в ее сущности мы не можем постичь. Мы понимаем ее только через ее последствия, а все человеческие суждения ошибочны. Внимательное и мудрое наблюдение все больше приближает нас к знанию условий, необходимых для благополучия человека; но опыт заставляет нас признать постоянную несостоятельность теории или догматизма в работе с любой из бесконечно разнообразных фаз жизни. В медицине мы вынуждены признавать ошибки в диагностике, совершаемые даже выдающимися людьми, и испытывать тягостное разочарование от неэффективности средств, призванных излечить больных. Нельзя не отметить противоречивые результаты экспериментов, одни и те же факты, различающиеся в зависимости от наблюдателя - один факт расстраивает другой, а одна теория вытесняется более поздней. Эта неопределенность, возникающая в результате эксперимента, ярко иллюстрируется битвой экспертов о действии мышьяка, показанной в одном из поздних уголовных процессов. Или рассмотрим частые ошибки статистики (отрасль знаний, которая в значительной степени входит в медицинскую науку) из-за несовершенства данных, на которых они часто основываются, из них делаются важные выводы, которые логически

неоспоримы, но совершенно ложны из-за несостоятельных предпосылок, на которые они опираются. Так, уровень смертности в Лондоне, хотя обычно указывается 23 или 24 на 1000 человек, на самом деле является неизвестной величиной из-за огромного притока новой жизни и оттока сломанных жизней.

Наши студентки особенно нуждаются в осторожности в отношении слепого принятия авторитетов. Поступая на медицинский факультет, молодые женщины попадают в такую новую и стимулирующую интеллектуальную атмосферу, что вдыхают ее с острым восторгом; они склонны с энтузиазмом принимать блестящую теорию или утверждение, которые выкладывает перед ними активный интеллект умного преподавателя. Они привыкли воспринимать руководство и наставления людей как окончательные, и им вряд ли придет в голову подвергать их сомнению. Не принято осознавать тот положительный факт, что методы и выводы, сформированные только одной половиной расы, обязательно потребуют пересмотра по мере того, как другая половина человечества будет подниматься к сознательной ответственности.

Трудным уроком является также полное признание ограниченности человеческого интеллекта, которое, тем не менее, необходимо, прежде чем мы сможем понять этот важный и положительный факт в человеческом опыте - а именно, что мораль должна направлять интеллект, иначе нет никакой остановки в стремительном движении к ошибкам. Блестящий профессор всегда будет оказывать чрезмерное влияние на неопытного студента, и особенно на студенток. Поэтому я решительно настаиваю на необходимости сохранять мягкий скептицизм по отношению к сентенциям так называемой медицинской науки в период студенческой жизни - скептицизм не по отношению к истине - этому благородному объекту, к которому мы надеемся приблизиться еще ближе, - а скептицизм по отношению к несовершенному или ошибочному изложению того, что часто выдается за истину.

Мы можем быть совершенно уверены в том, что все, что возмущает наше нравственное чувство как искренних женщин, не соответствует неуклонному прогрессу; это не может быть постоянной правдой, и никакая умная или логическая софистика не сможет сделать это правдой. Мы, женщины-медики, окажем настоящую услугу профессии, если спокойно, терпеливо, но решительно выясним, почему то, что возмущает наше просвещенное чувство добра и зла, не является правдой. Таким образом, мы откроем глубокую причину того, почему моральные способности предшествуют или превосходят интеллектуальные, и почему чувство добра и зла должно управлять медицинскими исследованиями и практикой, а также всеми другими направлениями человеческих усилий.

По мере накопления опыта мы наблюдаем огромное различие в линиях поведения, которое постепенно вытекает из первоначального расхождения между добром и злом - расхождения, почти незаметного вначале. Таким образом, применительно к нашей профессии мы вынуждены прийти к выводу, что поклонение интеллекту, или так называемому знанию, как самоцели, совершенно независимо от характера средств, с помощью которых мы стремимся его получить, является самой опасной ошибкой, которую может совершить наука. Этот ложный принцип, если он будет принят медицинской профессией, приведет к ее деградации и неизбежно породит недоверие и презрение в народном сознании.

Вторая опасность, от которой должен защищаться студент-медик, - это материализм, который, как кажется, возникает из-за чрезмерного увлечения физическим аспектом природы и который распространяется в нашей профессии как беда.

В основе материализма лежит утверждение, что реальны только ощущения.

Наши медицинские исследования обязательно начинаются с подробного и длительного изучения того, что мы называем "мертвой материей". Если это изучение проводится без благоговения, то, как представляется, оно ослепляет студента и не замечает никакой реальности, кроме той, что находится под его скальпелем или в его тигле - то *есть* фактов, которые выявляют органы чувств. Исходя из этой ложной предпосылки, что реальны только ощущения, разум рассматривается как результат работы мозга, а жизнь - как результат организации материи, которая разрушается, когда разрушается организация материального тела.

Некоторые люди, наследники материалистически настроенных церковников, осудивших Галилея, не могут подняться выше грубых доказательств своих чувств. Для таких людей разум, превосходящий чувство, - это смутная нереальность, и ясное учение разума может показаться им сомнительным или суеверием. Но упорная борьба, которую благородно начал старый итальянец и которая так мужественно ведется за свободу мысли в наши дни, начинает приносить плоды и богатую награду. Доказано, что наши органы чувств, далекие от того, чтобы быть границей реального существования, являются такими же ненадежными проводниками, как и тогда, когда обвинители Галилея настаивали на том, что солнце движется вокруг земли за двадцать четыре часа. Отношения наших органов чувств к нашему сознанию меняются с биологическими различиями, поскольку одно существо может видеть то, что совершенно невидимо для другого. Граница, существующая между нашими органами чувств и нашим сознанием, постоянно меняется, и показывается существование реальностей, о которых наше обычное сознание, связанное с органами чувств, не имеет никакого представления. Таким образом, жизнь вне и независимо от органов чувств доказывается как позитивный и беременный факт.

Великие обобщения современной науки - сохранение энергии, процесс эволюции - являются продуктами Разума. Это метафизические концепции. Подобно атомной теории или закону всемирного тяготения, они являются практическими формулами, необходимыми для развития науки, исходя из структуры нашего разума, но они являются результатами разума, а не чувства.

Любовь, Надежда, Почитание - это реальности иного порядка, чем чувства, но они являются позитивными и постоянными фактами, всегда активными, всегда производящими могущественные изменения в человеческой жизни.

Один вдумчивый писатель охарактеризовал материализм как попытку объяснить Вселенную в терминах массы и движения, а не в терминах Разума, Любви и Воли, и это верная критика. Позвольте мне напомнить о серьезном предупреждении, которое Хаксли дает поверхностному материалисту, ограничивающему существование органами чувств.

Он говорит: "Большая опасность, которая подстерегает спекулятивный факультет, - это соблазн относиться к принятому изложению фактов в естественных науках так, как будто они не только верны, но и исчерпывающи, как будто их можно рассматривать исчерпывающе, подобно тому как можно рассматривать предложения Евклида. В действительности же

каждое такое утверждение, каким бы верным оно ни было, верно лишь относительно средств наблюдения и точки зрения тех, кто его сформулировал. Выдержит ли оно все спекулятивные выводы, которые могут быть логически выведены из него, - это совсем другой вопрос. "В сложной органической природе существует множество явлений, которые не поддаются никаким обобщениям, к которым мы еще не пришли; это верно и для любого другого класса природных объектов (например, движения Луны, гравитации и т.д.). Все, что следует попытаться сделать, - это рабочая гипотеза, предполагающая только такие причины, которые можно доказать, что они действительно действуют".

Это ценные предостережения нашего великого натуралиста.

Тенденция беспристрастной науки в наши дни заключается в том, чтобы показать неудовлетворительный характер терминов "материя" и "дух". Ибо возвышение того, что мы называем "материей", имеет тенденцию постоянно терять себя в том, что мы называем "духом".

Реальность всегда превосходит чувство. Как вибрации эфира известны только как свет и цвет, а вибрации атмосферы - как звук, так и при внимательном наблюдении за собственными психическими состояниями, в опыте страны сновидений, в исследованиях ясновидящих и сомнамбул и откровениях гипноза мы получаем возможность проникнуть в состояния сознания, независимые от органов чувств, - состояния, где старые различия между материей и духом кажутся совершенно неприменимыми.

Третью человеческой жизни проходит во сне, состоянии, о котором в настоящее время мы знаем немного, за исключением того, что оно полностью изменяет жизнь сознательного чувства и что оно обладает таинственной восстанавливающей силой, имеющей самое ценное значение для нас как врачей. Изучение всех этих загадочных состояний самой человеческой жизни, многие из которых, хотя и происходят ненормально, но повторяются вновь и вновь на протяжении всех веков, несомненно, является важнейшим из всех предметов научного медицинского исследования. Давайте всегда помнить о том, что, как было хорошо сказано, "факт иллюзии не является иллюзорным фактом". Как исключение из правила является наиболее наводящим фактом для исследователя, так и те исключительные факты человеческой природы, которые, тем не менее, происходят в каждом веке и в каждой нации, являются фактами всех других, наиболее достойными исследования со стороны научного медицинского интеллекта. Это новое направление исследований, если им заниматься на законных основаниях, обещает результаты самой высокой важности.

Я не должен сейчас более подробно останавливаться на этом новом и ценном отделе медицинского исследования - психофизиологии. Но меня вдохновляет мысль о том, что истинная наука поддерживает самые благородные интуиции человечества, и ее тенденция состоит в том, чтобы предоставить доказательства этих интуиций, подходящие для нашего века. Я специально остановился на этой теме, потому что уныние, которое возникает в результате ложных рассуждений материализма, разрушающих надежды, стремления и чувство справедливости, особенно пагубно для женщин, чья отличительная работа - радостное созидание.

В практической медицине потери огромны, когда затуманивается понимание высших фактов сознания, и врач не способен воспринимать жизнь более реальную, чем узкие рамки ощущений.

Врач призван стоять у смертного одра самого заботливо выхаживаемого пациента. В этот торжественный момент ясный взгляд, видящий за гранью чувств, благоговейное прикосновение, дающее надежду скорбящему, - печать его благородного искусства врачевания и самое глубокое утешение, которое он может предложить скорбящим. Да придет время, когда каждый врач сможет передать этот высочайший дар исцеления своими услугами!

Теперь я рассмотрела основную причину, по которой интеллектуальное развитие женщины-врача принесет обществу огромную пользу, если только изучение медицины не будет вестись таким образом, чтобы нанести вред нашей природе, уничтожив сочувствие, благоговение и надежду.

Я также остановился на методе обучения, особенно необходимом для наших студентов: терпеливое, настойчивое изучение фундаментальных предметов медицинского образования, обучение, которое сформирует привычку внимательного и осторожного наблюдения в начале медицинской жизни.

Теперь я хотел бы дать несколько советов по поводу работы, которая предстоит нам, когда мы вступим на путь практической деятельности врача, к которой нас должно тщательно подготовить наше медицинское образование.

Я считаю, что область медицины, в которой женщины могут оказать великое и благотворное влияние, - это семейный врач, и что не как специалисты, а как надежные проводники и мудрые советчики во всем, что касается физического благополучия семьи, они найдут свое самое благодатное поле деятельности.

Именно для того, чтобы соответствовать этой самой полезной и влиятельной должности - медицинских консультантов семей - мы, не ограничивая свое образование какой-либо специальностью, работали и должны продолжать работать, чтобы устранить все препятствия на пути к получению самого полного медицинского образования. Именно поэтому я так много внимания уделял воспитанию привычки к внимательному наблюдению, а теперь хочу предостеречь от сенсационности в изучении медицины.

Неразмышляющий студент (что неестественно) бросается за новинками. Есть определенное волнение в том, чтобы стать свидетелем грозной хирургической операции или увидеть редкий случай заболевания, который, возможно, никогда больше не будет представлен нашему наблюдению. Но эти исключительные случаи не готовят нас к будущей медицинской жизни так, как тщательное изучение более распространенных форм заболеваний, ведь именно эти случаи больше всего касаются нас. Но поскольку они распространены, они перестают интересовать ненаблюдательного студента, который применяет рутинное лечение. Но врач, чьи способности к наблюдению были тщательно отработаны, усвоил этот урок: нет двух одинаковых случаев заболевания, и для нашего будущего успеха как практиков чрезвычайно важно замечать эти индивидуальные различия, их результаты, а также то, почему одни умирают, а другие выздоравливают. Для нашего успеха как практических врачей гораздо важнее досконально изучить корь и коклюш, скарлатину и пориго, чем исследовать единичные случаи гидрофобии или проказы. Более того, я считаю особым долгом нашей профессии истребление этих распространенных болезней, а не безнадежное принятие их как необходимого зла. И только благодаря более глубокому и всестороннему клиническому изучению обычных болезней домашней жизни мы можем надеяться сделать это.

Есть две большие отрасли медицины, важность которых, я надеюсь, будет все больше и больше привлекать внимание женщин-врачей. Это акушерство, которое вводит нас в драгоценное положение семейного врача, и санитарная или профилактическая медицина, которая позволяет нам воспитывать здоровое поколение.

Эти два направления врачебного искусства никогда не исчезнут среди нас. Я считаю коренным недостатком нашей нынешней системы медицинского образования, что эти предметы не выдвинуты на первый план, и оба они подняты на первоклассные профессорские кафедры.

Прежде чем закончить, я должен на несколько мгновений остановиться на жизненно важном значении акушерства для будущего успеха женщин-врачей. Это тем более необходимо, что я наблюдаю необычную и растущую склонность наших студентов, будь то в Америке, Франции или Англии, презирать или пренебрегать акушерством. Я не знаю, происходит ли это от праздности, поскольку акушерство - самая утомительная и изнурительная отрасль профессии, или же пренебрежение вызвано неспособностью понять причину нашего отказа быть просто акушерками, поскольку наше настаивание на полном образовании на самом деле означает нашу решимость возвысить, а не отвергнуть акушерство.

Однако остается любопытным тот факт, что многие женщины-врачи, похоже, смотрят на эту важнейшую отрасль свысока и часто заявляют, что не собираются ею заниматься. А ведь именно благодаря доверию, которое испытывает мать во время нашего умелого ухода за ней, нас приглашают для лечения других семейных недугов, и таким образом мы обеспечиваем здоровье всей семьи. Поэтому для нашего будущего положения в медицине крайне важно зарекомендовать себя как надежных акушеров.

Для стабильности нашего движения необходимо, чтобы все выпускники медицинских вузов получили акушерское образование. Я не думаю, что любая молодая женщина-врач будет должным образом подготовлена к своей будущей сложной карьере, если она не будет в значительной степени ответственна за по меньшей мере тридцать акушерских пациенток, случаи которых она тщательно и разборчиво записывала, и имела возможность наблюдать за большим количеством других пациенток, в дополнение к обучению всем оперативным маневрам, которое можно получить в колледже. Нам нужно большое родильное отделение, тщательно организованное, которое, будучи устроено с самым добрым отношением к бедным, будет подвергать наших студентов суровой тренировке, такой, какая считается необходимой в La Maternité в Париже. Это учреждение, принимающее ежегодно в среднем 2500 пациенток и имеющее более 10 000 обращений в год, не только является бесценной практической школой, но и свело смертность среди своих пациенток к минимуму; и применяемый там метод обучения может быть с большой пользой изучен нами, когда мы попытаемся создать хорошо организованное благотворительное учреждение для наших студентов в Лондоне. Такая благотворительность, если она будет спланирована гуманно, станет благословением для бедных матерей и в значительной степени снимет с нас упрек в том, что мы вынуждены отправлять наших предприимчивых молодых врачей за границу, потому что Лондон не дает им достаточной необходимой практической подготовки.

Но время заставляет меня закончить эти замечания, хотя я бы с удовольствием остановился на первостепенной важности профилактической медицины - медицины будущего, поскольку совершенно точно, что большая часть заболеваний, даже включая многие хирургические операции, является предотвратимой болезнью. Сейчас, к сожалению, дело обстоит так, что

неизбежная поглощенность лечением болезней заставляет практического врача слишком часто игнорировать еще более важную обязанность по их предотвращению.

Я попытался показать (1), что женщины, в силу своей конституционной адаптации к созданию и опеке, предназначены для особой и благородной роли в развитии искусства врачевания. (2) Что культивирование интеллектуальных способностей, необходимых для обеспечения их морального влияния, требует долгой и терпеливой подготовки методами, не наносящими вреда нравственности. (3) Что самым благородным направлением медицины, которому мы можем посвятить свои силы, будет опека подрастающего поколения, которая является особой привилегией семейного врача.

В заключение, мои молодые друзья и коллеги, я хотел бы попросить вас всех присоединиться к моему обещанию, которое я дал более сорока лет назад ректору Западного университета, вручавшему мне наш первый диплом доктора медицины. Тогда я пообещал, что "старание всей моей жизни должно быть направлено на то, чтобы пролить честь на этот диплом".

Это обязательство, к которому мы все должны готовиться, вступая в благородную профессию врача; получая почет, мы должны придать ему блеск, иначе мы становимся недостойными его.

Вступая в медицинскую карьеру, мы вступаем в трудную жизнь; но если наше христианство чего-то стоит, оно должно быть "битвой, а не мечтой". Мы должны быть членами воинствующей церкви, если хотим войти в церковь победоносную. Жизнь - это грандиозная подготовка к проявлению все больших сил, и я от всей души приветствую вас на этом зимнем курсе обучения, надеясь, что он станет маленьким, но верным шагом вперед к тому великому идеалу, который должен быть всегда перед нами.

ОШИБОЧНЫЙ МЕТОД В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Первоначально адресовано^[1] Ассоциации выпускниц Женского медицинского колледжа при Нью-Йоркском лазарете

ОШИБОЧНЫЙ МЕТОД В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Хотя прошло уже много лет с тех пор, как мне довелось помогать в управлении лазаретом и школой, которые я помог основать в 1853 году, я с неизменным сочувствием наблюдаю за их развитием и радуюсь их успехам.

В последнем отчете школы, который только что дошел до меня, содержится очень важный пункт - попытка Ассоциации выпускников "оборудовать физиологическую лабораторию и передать ее под руководство профессора У. Гилмана Томпсона, вивисектора из Нью-Йорка". В связи с этой попыткой я хочу представить вам некоторые серьезные соображения, которые являются результатом моего долгого опыта в медицине.

Эти соображения относятся, *во-первых*, к типу работы, которая должна проводиться в физиологической лаборатории, и, *во-вторых*, к особому влиянию, которое женщины призваны оказывать в медицине.

Физиологическая или патологическая лаборатория, организованная для законного исследования материального состава тканей и выделений человеческого тела, является интересным и важным отделом медицинского исследования. Однако в настоящее время лаборатория часто используется как место для проведения экспериментов над живыми животными, как если бы они были мертвой материей или простыми машинами. Такой метод исследования в ряде случаев оказывается крайне вредным для прогресса искусства врачевания.

Практика вивисекции и неограниченных экспериментов над нашими более скромными собратьями должна рассматриваться нами как с интеллектуальной, так и с моральной точки зрения. С обеих этих точек зрения очень тщательное наблюдение привело меня к убеждению, что этот метод исследования является серьезной ошибкой.

Позвольте мне здесь четко заявить, что я охотно признаю добрые намерения всех и способности некоторых умных физиологов современности, хотя их метод экспериментирования ошибочен, а последствия этого метода вредны, поскольку основаны на заблуждении. Однако то, что я сейчас скажу, относится главным образом к обучению студентов-медиков и к практике наших молодых женщин-врачей.

Прежде всего, я прошу вас рассмотреть интеллектуальное заблуждение, которое лежит в основе этого метода исследования. Это двойное заблуждение, вытекающее из различий в организации разных классов живых существ и из того факта, что при повреждении любого органа происходит процесс разрушения или смерти, а не жизни.

Между человеком и каждым видом низших животных существует неискоренимая разница в физическом строении. Нигде нет идентичности структуры или функции. Сходство или параллелизм часто существуют, но идентичность - никогда. Возьмем, к примеру, собаку, привязанность которой к человеку предоставляет нам широчайшие возможности для наблюдения. Ни в одной функции ее организма действие не совпадает с действием человека. Все процессы пищеварения, включая большую группу связанных с ним органов, отличаются от человеческих. Внимательно понаблюдайте за процессами, происходящими в организме здоровых животных. Вы увидите, что их органы чувств действуют совсем не так, как у нас, - зачастую совершенно неизвестно, ведь мы не обладаем даже силой, сравнимой со многими их способностями. Их отношения с природой во многом отличаются от наших. Правда, что они едят, спят и видят сны; что они обладают интеллектуальными и моральными способностями и поддаются воспитанию. Они демонстрируют грубый зачаток наших высших духовных сил и во многом с нами связаны. Но различия между ними столь велики, все их отношение к внешней жизни настолько отличается, что можно с уверенностью сказать, что они живут в мире, отличном от нашего. Так что ни в одном случае мы не можем сделать положительный вывод относительно природы низших животных, который можно было бы передать как надежную информацию, чтобы руководствоваться ею в отношении действия человеческих органов и функций, будь то в здоровье или болезни. Это обманчивое различие справедливо не только в отношении спонтанной работы функций, но и в отношении действия ядов, наркотиков и искусственного создания болезней. Животных можно сделать золотушными, диабетиками, сифилитиками, прокаженными, впрыскивая в их организм яд болезней. Угрюмое действие, атрофия, медленная смерть могут быть получены путем удаления части их органов; но никакие выводы, сделанные из этих искусственных условий,

не могут быть перенесены на человека, чтобы вылечить его болезни или восстановить утраченные функции. Золотуха, диабет, сифилис или бешенство приобретают другую форму, когда низшее животное искусственно отравлено этими болезнями. Ни в одном известном науке случае излечение какой-либо человеческой болезни не было обязательным результатом этого ошибочного метода исследования.

В 1849-50 годах я был студентом в Париже и, обладая тем узким кругозором, который свойственен молодости, чрезвычайно заинтересовался исследованиями печени и желчного пузыря, которые Клод Бернар (преемник Маженди) проводил в то время и читал лекции в Коллеж де Франс и Сорбонне. Я обратился к месье Бернару с вопросом, где я могу найти какую-нибудь работу по "Прикладной физиологии", которая показала бы мне, как результаты этих исследований могут быть применены на благо человека. М. Бернар принял меня с величайшей любезностью, но сказал, что такой книги не существует; время для выводов, которые я искал, еще не пришло; экспериментаторы просто накапливают факты. Мы и сейчас, сорок лет спустя, тщетно накапливаем факты! Этим летом доктор Семмола, "один из самых блестящих учеников Клода Бернара", читал в Париже лекцию о болезни Брайта, которую он изучает уже сорок лет, проводя неограниченные эксперименты на низших животных с целью вызвать у них искусственное воспаление и заболевание почек. Каков же результат для человека всех этих длительных и изощренных страданий, причиняемых беспомощным существам? Доктор Семмола настаивал на умеренности в еде и питье и говорил, что лучший способ сохранить здоровье - это есть только то, что необходимо для питания тела". В результате этих настойчивых экспериментов не было найдено ни одного лекарства от человеческих болезней.

Разве это не интеллектуальная имбецильность - тратить мысли и изобретательность на то, чтобы подвергать животных томительной и мучительной смерти, чтобы подтвердить хорошо доказанный факт, что неумеренность в еде и питье приведет к формам пищеварительных и выделительных заболеваний, варьирующихся в зависимости от идиосинкразии человека?

В ходе поздних дискуссий во Французской медицинской академии по поводу хлороформа, где Лаборд и Франк демонстрировали эксперименты на животных, доктор Ле Форт (выдающийся хирург) говорит: "Ни один из этих экспериментов не дает нам никаких указаний, полезных в практической хирургии. Каким бы ни был их научный интерес, их выводы никоим образом не применимы к человеку". Экспериментаторы указывают причины смерти, но ничего подобного не наблюдается в случаях смерти в практической хирургии. Человек падает в обморок, когда операции начинаются слишком рано, или пугается подготовки. Он умирает, потому что, будучи человеком, его нервная система реагирует иначе, чем у собаки или кролика. Ни в коем случае не полагайтесь на учения физиологов в практических вопросах. Не давайте пациенту видеть никаких препаратов, вводите хлороформ медленно, дождитесь, пока он глубоко уснет. Это все, что вы можете сделать".

И снова, на другой дискуссии в Академии, М. Верней говорит: "Неверно говорить, что лабораторные эксперименты придают медицине определенность и делают ее научной, а не эмпирической. Дело в том, что эксперименты дали столько же ошибок, сколько и истин. Между человеком и такими млекопитающими, как собака и кролик, нет достаточной идентичности, ни физиологической, ни патологической". Различные способы умирания под хлороформом были давно описаны хирургами. Эксперименты, проведенные М. Лабордом на кролике, должны быть полностью отвергнуты, как противоречащие опыту (на человеке). Морис Перрен показал Вульпиану в 1882 году, что нервные реакции у человека отличаются от таковых у животных, и нельзя полагаться на то, что эффект, производимый хлороформированием, будет таким же, как у человека. Вульпиан полностью согласился с

этим. Эксперименты физиологов абсолютно ничему не научили нас в плане предотвращения несчастных случаев, связанных с хлороформом; хирурги заранее (что вполне естественно) практиковали искусственное дыхание и все другие методы восстановления. Какими бы интересными ни считались эти эксперименты на животных, они не объясняют удовлетворительно причину хлороформных несчастных случаев у человека и ни в коем случае не показывают, как их избежать.

Я мог бы умножить эти факты на бесконечные цитаты опытных врачей, говорящие об интеллектуальной бесполезности метода исследования, который игнорирует духовную сущность Жизни и надеется вывести ее секреты путем безжалостного проникновения в физическую структуру низших животных. Мы узнаем, что вивисекция - это исследование начала смерти, а не жизни. Потеря крови - это потеря питательных веществ; результат - мышечная слабость и ослабление жизненно важных органов, а также внесение нарушений в жизненные процессы, которые заканчиваются их разрушением. Этот метод исследования в настоящее время дискредитируется многими из наиболее просвещенных представителей нашей профессии.

Но я хочу обратить ваше внимание на бесполезность вивисекции для обучения студентов, а также на моральную опасность ожесточения их характера и нанесения вреда их будущей пользе как хороших врачей.

Неправда, что вивисекция необходима студенту-медику для того, чтобы он мог получить глубокие знания по физиологии человека, необходимые для разумного осуществления медицинской профессии. Демонстрации на занятиях по вскрытию тел низших животных для изучения их органов и тканей вводят в заблуждение относительно действия человеческих органов. Действие человеческих слюнных желез, действие полостей человеческого сердца, секреция желудочного сока и т.д. могут быть более правильно поняты путем тщательного анатомического изучения в связи с клиническим наблюдением эффектов здорового и больного действия в человеке, чем путем любого количества кровавых экспериментов и нанесения увечий еще живым кошкам и собакам. Такая демонстрация может удовлетворить тот инстинкт любопытства, который всегда присутствует в юной человеческой природе, или потворствовать той тяге к возбуждению, которая делает зрелище хирургической операции гораздо более привлекательным для неразвитого ума, чем тщательное клиническое исследование - тенденция, которая также проявляется в азартных играх, наблюдении за казнями, боями быков и т.д. - но эти тенденции должны подавляться в серьезном и ответственном обучении, а не поощряться. Ценная умственная деятельность студента должна быть специально направлена на наблюдение за нашими *человеческими* способностями в здоровье и в болезни. Создание в медицинской школе физиологической лаборатории для экспериментов на живых животных не только придает неправильное направление интеллектуальной деятельности, но и тратит драгоценное время студента, отвлекая внимание молодого врача от тщательного и разумного изучения человеческого организма, которое только и может привести к практическим полезным результатам. Поэтому такая практика должна быть осуждена, как дающая ложное направление интеллектуальным способностям молодых людей.

Вдумчивые и наблюдательные люди в рядах нашей профессии могут высказать только одно мнение о моральной опасности, связанной с такими методами обучения.

Использование нашего превосходного хитроумия в уничтожении естественных средств самозащиты животного, чтобы мы могли (с удобством для себя) наблюдать за изменениями,

происходящими в его органах во время медленного процесса томительной смерти, является проявлением любопытства, которое неизбежно приводит к притуплению нравственного чувства и повреждению того разумного сочувствия к страданию, которое является основным качеством хорошего врача. Практика безрассудного принесения в жертву жизни животных ради удовлетворения любопытства, возбуждения или жестокости неизбежно порождает привычку ума, которая пагубно влияет на все наши отношения с низшими или беспомощными классами существ. Она делает нас менее щепетильными в обращении с больными и беспомощными бедняками. Она усиливает ту склонность рассматривать бедняков как "клинический материал", которая, увы, не без оснований стала широко распространенным упреком для многих молодых представителей нашей самой почетной и милосердной профессии. Закаляющий эффект вивисекции отчетливо признается в профессии, хотя часто оправдывается злоупотреблением термином "научный". Доктор Лойе, который вместе с другим врачом изучал процесс гильотинирования преступника в Труа, пишет: "Мы оба считали, что наш богатый опыт кровавой вивисекции достаточно закалил нас, чтобы мы могли пережить это зрелище без сильных эмоций".

Наш долг и привилегия, как женщин, вступающих в медицинскую профессию, - укреплять ее гуманные устремления и препятствовать ее опасным тенденциям. Нас не должны вводить в заблуждение умные или блестящие материалисты, которые придерживаются узкой точки зрения, что физическую жизнь можно с пользой изучать, не почитая духовную силу, от которой она зависит. Физиологическая и патологическая лаборатория, законно организованная для исследования выделений здорового и больного человека в связи с клиническими наблюдениями, может стать ценным подспорьем для развития медицины, и я всегда поощряю организацию такой лаборатории. Но использовать ее для разделки животных, умирающих под наркозом, - глупость, а превращать ее в камеру пыток для низших животных - интеллектуальная ошибка и моральное преступление.

Возможные результаты медленной деградации нравственной природы, когда мы в той или иной степени нарушаем наши религиозные нормы справедливости и милосердия, могут быть наиболее ярко продемонстрированы на живых примерах больных наследственных тенденций. Такой страшный пример мы видим на сайте в истории жизни преступника Джесси Помероя, который сейчас находится в государственной тюрьме Чарльзтауна, штат Массачусетс, и всю свою жизнь провел в каторжных условиях, искупая свои зверские увечья и убийства маленьких детей, совершенные, когда ему было пятнадцать лет. Разрушительное моральное влияние, оказываемое на потомство порочными родительскими наклонностями, наглядно демонстрирует этот живой предметный урок. Отец этого мальчика был мясником. Его мать, во время беременности ребенка, получала стойкое и болезненное удовольствие, наблюдая за смертью животных, которых забивал ее муж. Мы видим в злодеяниях, совершенных ее маленьким сыном, ужасный пример дурного влияния, которое может оказывать разум, разрушая индивидуальный характер и распространяя свое дурное влияние на других. Весь опыт доказывает мощное влияние родительских, и особенно материнских, качеств на потомство. Каждая женщина потенциально является матерью. Оправдание или попустительство жестокости со стороны женщины по отношению к любому живому существу - это смертельный грех против величайшей силы творения - материнской любви.

Я убедительно прошу всех женщин-врачей задуматься об особой ответственности, которая лежит на них, принять тот большой религиозный взгляд на жизнь, который один может остановить любые деградирующие тенденции в интеллектуальной человеческой деятельности и возвысить нашу благородную Профессию. Пусть нас не вводят в заблуждение софистические аргументы, но мы будем твердо смотреть на реальные факты

пытках животных и настойчиво добиваться полной отмены vivisection в наших медицинских учебных заведениях. Таким образом, мы оправдаем свое вступление в медицину и проявим себя твердыми сторонниками той благородной гуманности, которая является особой характеристикой и прочным фундаментом медицинской профессии.

ССЫЛКИ:

[1] В 1891 году.

ПОЧЕМУ ГИГИЕНИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ ТЕРПЯТ НЕУДАЧУ УРОКИ, ПРЕПОДАННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНГРЕССОМ 1891 ГОДА

ВВЕДЕНИЕ

Самая благородная цель человечества - это применение Истины к ведению жизни. Поступая так, мы развиваем нашу способность к познанию.

Однако трудности, связанные с тем, как применять Истину в повседневной жизни, столь велики, а потребность в ней столь настоятельна, что самым насущным долгом тех, кто верит в Божественное, является вынесение на свет сочувствующей конференции тех фактов жизни, в которых они имеют самый непосредственный опыт.

Таким образом, торговец и фабрикант, бизнесмен и законодатель, фермер, домохозяин, литератор и те, кто, живя на интерес, должен знать, как этот интерес приобретает, должны всегда считать истинным религиозным долгом искать, в сотрудничестве с другими, путь к возвышению каждого отдела жизни.

Религиозная или унитарная истина обладает бесценным руководством для медицины, не только в ее практическом применении как искусства, но и в методах, с помощью которых она может стать наукой.

Истина признает этот великий фундаментальный факт - что дух формирует форму, что одни только органы чувств не являются надежными проводниками в решении проблем даже физической жизни.

Исследования и наблюдения также показывают, что существенные элементы Истины всегда существовали в человечестве; что мы лишаем себя возможности продвигаться в Истине, если не ищем эти указания на Божественное во всем прошлом опыте и не рассматриваем внимательно свет, который они бросают на нынешнюю жизнь.

Мы признаем в этих весомых фактах великий провиденциальный метод человеческого роста и бесконечно благотворную помощь в достижении того нравственного Идеала, где Добро и Истина, Справедливость и Милосердие, Любовь и Мудрость становятся неразделимо едины.

Одна из великих истин, данных в прошлые века, которую необходимо изучить и закрепить в настоящем веке, - это тесная связь, существующая как ментально, так и физически между человеком и низшими формами животного мира.

Эта истина имеет огромное моральное значение. Она смутно, возможно, гротескно, прослеживалась в некоторых религиях прошлого, но в наши дни настолько утеряна из виду, что наша ответственность за заботу о низших созданиях, которых мы должны были обучать справедливости и мягкости, слишком часто превращается в жестокую и одиозную тиранию. Даже в некоторых отраслях знания (знания, которое может по праву претендовать на название науки только тогда, когда оно является наиболее полным исследованием истины) несправедливость и жестокость вводят в заблуждение интеллект и тем самым угрожают прогрессу человеческой расы.

Будучи глубоко впечатлен фундаментальным характером этих истин как необходимых руководств в медицине, а также в каждом отделе человеческой жизни, когда я узнал, что в величайшем городе мира ведется активная подготовка к рассмотрению, возможно, самой важной темы, которая может привлечь наше внимание, - здоровья, - я решил присутствовать в качестве делегата и постоянно посещал конгресс, сравнивая записи с другими друзьями, которые участвовали в его различных секциях.

Таким образом, мы получили точное представление о тоне дискуссий, используемых методах и тенденциях современных исследований.

Эти факты показались мне достаточно серьезными, чтобы их стоило изложить на следующих страницах.

ПОЧЕМУ ПРОВАЛИВАЮТСЯ ГИГИЕНИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ

Седьмой Международный конгресс по гигиене проходил в Лондоне с 10 по 15 августа 1891 года. Он заслуживает внимания по количеству и представительности его участников, а также по широкому кругу вопросов, затрагивающих физическое благополучие расы, которые были рассмотрены. Представители Америки и Азии, а также различных стран Европы собрались в Великом Метрополе, чтобы рассмотреть жизненно важный вопрос о здоровье. Эти ученые люди собирались вместе ежедневно в течение недели в девяти различных секциях с десяти до двух часов. Их занимали такие темы, как архитектура, инженерия, химия, здоровье солдат и моряков, забота о раннем детстве, обязанности государства по отношению к здоровью нации, статистика здравоохранения, бактериология и соотношение болезней животных и человека.

При рассмотрении этого широкого круга вопросов ценный опыт и много полезной информации были представлены в прочитанных докладах и в последующих обсуждениях. Но на конгрессе, не объединенном каким-либо великим руководящим принципом, где были представлены люди разных национальностей, сформированные различными законами, методами воспитания и социальными обычаями, неизбежно должно было быть представлено большое разнообразие мнений, противоречивых фактов, несовершенной статистики и поверхностных теорий. Тем не менее, замечательный консенсус мнений установил один большой результат опыта - результат, который можно считать ярким

практическим уроком Конгресса - а именно, что именно на санитарию мы должны смотреть не только для предотвращения болезней, но в значительной степени и для их лечения.

Превосходство гигиены. - Если рассматривать результаты секционных дискуссий в целом, то в целом было показано, что благодаря расширению знаний о гигиенических законах, их широкому распространению среди людей и разумному применению в повседневной жизни, мы можем противостоять дурному влиянию наследственности, избавиться от эпидемий, повысить выносливость расы, увеличить продолжительность и естественное наслаждение нашей земной жизнью. Таким образом, именно благодаря развитию санитарии искусство врачевания может стать наукой медицины.

Несколько иллюстраций покажут, как этот растущий результат современной мысли был прямо или косвенно поддержан в докладах и дискуссиях различных секций.

Так, сэр Чарльз Камерон из Дублина показал, какие благотворные изменения произошли в результате десятилетних санитарных усилий в дублинских трущобах благодаря перестройке, осушению, очистке и бесплатной дезинфекции. В 1871 году эти жалкие кварталы были рассадником человеческих бед, где оспа, брюшной тиф и все заразные болезни казались эндемичными. Ежегодная смертность была снижена за десять лет санитарным мерам с 34-11 до 28-80 в наиболее людных частях этого несчастного квартала; в менее людной его части смертность упала до гораздо более низкой цифры, несмотря на распущенность и нищету, от которых все еще продолжали страдать жители. В этом примере следует особо отметить, что была задействована добрая воля людей, поскольку муниципалитет отбросил мысль о денежной выгоде от суммы, потраченной на перестройку и т. д., и предложил лучшее жилье за арендную плату, которую можно было платить, и предоставил все санитарные приборы бесплатно, таким образом, потеряв в смысле денежной прибыли, выиграв в гораздо более высокой ценности - здоровье.

Другой замечательной иллюстрацией из очень большого опыта стал пример профессора Смита из Олдершота, который возглавляет кавалерийское отделение нашей армии. Он показал на интереснейших таблицах, что болезни, формально распространенные среди лошадей - гланды, фарси, рак стопы и т.д., - теперь практически неизвестны в армии. Этот триумфальный результат был полностью обусловлен тщательным соблюдением гигиены: максимальное внимание уделялось питанию, вентиляции, осушению конюшен, уходу за ногами и обувью, седлами и упряжью, а также снижению нагрузки, которую должны были нести лошади, до пятнадцати камней в среднем. Как было справедливо замечено, существует предел веса, который лошадь может нести или тянуть, за которым - жестокость и травмы.

Доктора Шревенс и Гиберт из Франции, доктор Эббот из Массачусетса, доктор Паджетт из Салфорда, обсуждая дифтерию и тиф, вызванные некачественным дренажом, делали акцент на чистоте воздуха и почвы как на основных моментах, требующих внимания. Тот же необходимый принцип санитарии был продемонстрирован в отношении мяса и молока, используемых для питания. Во Франции 5 на 1000 животных, используемых в пищу, больны туберкулезом, причем эта болезнь является следствием неправильных методов разведения, кормления и содержания этих полезных животных.

Профессор Ралли показал, как паразиты могут передаваться от животных к людям, и остановился на чистой подстилке, покрытиях, подходящей пище, воде, свободных физических упражнениях как необходимой профилактике.

Доктор Химе из Брэдфорда и Шово из Франции рассказали об ужасных болезнях, таких как болезнь шерстобитов, которым подвержены люди, обрабатывающие кожу, рога и т. д. животных, - болезнях, которые вполне можно предотвратить, если бы производители, занимающиеся подобными промыслами, ставили здоровье людей выше прибыли, получаемой от торговли; тщательная вентиляция, дезинфекция и другие санитарные меры полностью предотвратили бы нынешнее безрассудное разрушение здоровья. То же самое можно сказать и о крупной индустрии сортировки тряпья, ввозимого из-за границы, о производстве спичек и т. д.

Примечательно, что в секции конгресса, посвященной отношению болезней людей и животных, на которой я присутствовал особо, только санитарная профилактика рассматривалась как условие первостепенной важности. За прививки не выступал ни один оратор, кроме официального представителя Французского института Пастера[2].

Комплименты были должным образом сделаны М. Пастеру, чье мастерство и рвение в ложных методах исследования может по праву заслужить интеллектуальное признание. Но никто ни в коем случае не отстаивал теорию распространения легких форм болезни с целью предотвращения тяжелых типов в важных и практических дискуссиях, которые ежедневно проходили в отношении болезней, общих для человека и низших животных.

Таким образом, великий принцип прогресса в профилактике болезней и достижении более высокого уровня здоровья был прямо или косвенно признан этим разнообразным сообществом людей с развитым интеллектом и большим опытом - первостепенное значение санитарных знаний и практики.

Соблюдение условий здорового роста - это закон прогресса, от которого никуда не деться. Это единственный способ постепенного искоренения болезней. Любая попытка уклониться от него неизбежно влечет за собой расплату, быструю или медленную, но верную.

Все медицинские окольные пути, ведущие в сторону, отличную от условий здоровой жизни, какими бы заманчивыми они ни казались активному интеллектуальному любопытству, или каким бы желанным ни казалось найти короткий путь к здоровью, обязательно приведут к ошибке, если игнорировать высшую важность санитарии.

Несмотря на большое количество ценного опыта, собранного на этом Международном конгрессе, в обширном и интересном плане конгресса было одно серьезное упущение - упущение, которое имело прямое практическое значение для дискуссий, проводимых на различных секциях. Это упущение заключалось в непризнании фундаментальной связи разума и тела в явлениях Жизни. Не было назначено ни одной специальной секции, которая бы уделила особое внимание этой теме и тем самым стала бы ключевым моментом, способным привести все секции в гармонию.

Это упущение тем более примечательно, что один из разделов *был* посвящен теориям бактериологии, которые, как мы увидим, прямо противоположны истинной науке о здоровье.

Практический успех в области санитарии невозможен без признания разума, как в фактической работе органов живого тела, так и в знании и принятии человечеством условий, которые необходимы для здоровья.

Если человеческая конституция управляется законами, подчиняясь которым только и возможен здоровый рост, то эти законы необходимо тщательно искать, прежде чем мы

сможем построить науку о гигиене. Рассматривать живые существа как просто материальные тела, без постоянного и изменчивого влияния психики на работу этих тел, - это интеллектуальная ошибка, которая игнорирует существенное условие психической гармонии в отношении здоровья.

Следует также признать, что какими бы ни были открытия физиологической науки, они останутся бесплодными, если не будут применяться отдельными людьми. Во всех жизненных заботах, будь то применение принципов или бессознательное формирование привычек, мы вынуждены иметь дело с непрекращающейся силой или действием Воли. Лечить даже самых невежественных взрослых произвольным, необоснованным принуждением - это научная ошибка[3].

Две проблемы гигиены Итак, два фундаментальных вопроса, которые должна решить гигиена: 1. Каковы условия здорового роста? 2-й. Как можно обеспечить эти условия?

При ответе на эти два фундаментальных вопроса проблема психического воздействия входит в каждый гигиенический раздел конгресса и является ключевым моментом, который должен быть затронут, если мы хотим достичь гармонии теории и практики.

Но в результате слишком узкого взгляда на гигиену эти вопросы не были решены, и это замечательное собрание ученых, собранное с такой тщательной подготовкой и гостеприимным приемом, не принесло практических результатов того огромного значения, которое общественность вправе была от него ожидать.

Было показано, что санитарное законодательство в значительной степени уклоняется, но причины этого неудовлетворительного уклонения не были изучены; результаты экспериментальных исследований оказались странно противоречивыми, но условия, которые могли бы их гармонизировать, не были обнаружены; недоказанные теории изобиловали, но заблуждения, которые их порочат, не были прояснены.

Разочарование в практической пользе конгресса широко ощущалось как внутри страны, так и за рубежом.

Это разочарование результатами конгресса было публично выражено нашими иностранными гостями. В Париже известными редакторами журнала *"The Review of Hygienic and Sanitary Police"* был опубликован толковый отчет о работе, проделанной на этом седьмом Международном гигиеническом конгрессе. В предисловии к этому тому сделаны некоторые примечательные заявления, которые должны быть серьезно рассмотрены всеми, кто почитает праведную санитарную науку как основу человеческого благосостояния, но также знает, что санитарная наука должна быть одобрена здравым смыслом народа, иначе она не будет иметь практической пользы.

Провал английской и иностранной санитарии. - Этот высокий французский авторитет заявляет, что, несмотря на усилия по улучшению санитарии, в которых Англия подавала пример на протяжении пятидесяти лет, относительная смертность в Англии не уменьшилась. Он заявляет: 'Тема смертности в Англии, хотя и не затрагивалась на конгрессе, была предметом самых частных разговоров. Реальные цифры английской смертности демонстрируют удивительное совпадение со смертностью в других европейских странах. Показано, что ни в одной из этих стран смертность не уменьшилась за последние четырнадцать или пятнадцать лет, за исключением случаев, когда уменьшилась рождаемость, и только в точной пропорции к этой рождаемости'. Англия в этом отношении

не лучше своих соседей по континенту, несмотря на растущие требования ее специалистов расширить законодательные полномочия. Наши французские критики отмечают, что "современные английские гигиенисты требуют большой административной централизации; их санитарные законы строги до такой степени, которую в других странах сочли бы чрезмерной; местное самоуправление, а также свобода личности уважаются все меньше и меньше, и, судя по заявлениям специалистов, интересующихся этим вопросом, есть основания полагать, что в недалеком будущем все отрасли общественной гигиены будут полностью находиться в ведении центрального правительства".

"Остается надеяться, - отмечают они, - что английский здравый смысл научится избегать злоупотребления централизацией, ведь ждать вмешательства центрального правительства в санитарное состояние прихода или предотвращение местной эпидемии так же нелогично, как и отказываться от такого вмешательства, когда общественная опасность возникает из-за халатности или глупости".

Эти наблюдения гигиенистов, пришедшие из Франции, страны, которую мы привыкли считать (и которая в некоторых отношениях действительно является таковой) гораздо более засиженной чиновниками, чем Англия, чрезвычайно ценны. Они служат нам предупреждением о серьезной опасности зависимости от централизованного законодательства или произвольной власти, отстраненной от народного влияния и от того роста индивидуального просвещения, который возникает благодаря чувству ответственности.

Наши дружелюбные иностранные критики справедливо спрашивают: как получилось, что Англия, первая в области санитарной науки, с жесткой системой обязательного законодательства, с администрацией, законами, правилами, агентами, а также постепенным развитием частной гигиены, все еще вынуждена сожалеть о нездоровье такого большого количества городов, кварталов и мест проживания, и не видит снижения ежегодного уровня смертности?

Они продвигаются к корню проблемы, когда замечают в этом же отчете, что законы - это одно, а их применение - совсем другое! "Настолько верно, что общественная гигиена зависит от общего образования, а также от образования специалистов, что никакие законы или правила не будут достаточными, если привычки людей в целом не способствуют их применению".

Другими словами, в вопросах санитарии необходимо учитывать как разум, так и материю.

Изучающий науку и усвоивший великий принцип творческого Единства знает, что ни одно проявление бытия не может быть абсолютно отделено от остального творения. По мере изучения явлений становится ясно, что законы, управляющие отдельными явлениями, по мере роста знаний становятся все более всеобъемлющими, поскольку шире охватывают отдельные факты; видно, что разновидности связаны между собой отношениями, и внешне различные явления могут быть трансмутированы в одну большую силу.

В плане Международного конгресса, призванного собрать воедино передовые знания многих наций по всей науке о здоровье, упущение любого раздела, который должен привлечь внимание к этому мощному факту в жизни - влиянию разума на тело - является очень серьезным недостатком. Это ошибка, которая влияет как на исследование фактов, так и на применение результатов - два неотъемлемых фактора прогресса санитарии. Их

игнорирование на Международном конгрессе по здравоохранению тем более прискорбно, что психическое влияние - это факт, который заставляет исследователей обращать на себя все более пристальное внимание.

Возрастающее значение психической проблемы. - Под современным названием "гипноз" в настоящее время признаны и изучены факты самого замечательного характера. Лечение болезней с помощью внушения, тщательно и гуманно применяемого, было доказано за пределами возможности рационального отрицания. Реальность и практические последствия психических эпидемий - положительный факт. Невозможно отрицать влияние страха на предрасположенность к холере, гидрофобии и другим заболеваниям[4].

Заражение религиозным энтузиазмом или религиозным фанатизмом - это факт; проявляется ли это в преданности Армии спасения или в паломничестве в Лурд или Трев с их так называемыми чудесами исцеления веры, это в равной степени факты, требующие рассмотрения. Дикие деловые спекуляции в жажде богатства становятся заразными и влекут за собой множество людей к разорению.

История медицинских заблуждений прошлого и настоящего также весьма поучительна. Нам нет нужды обращаться к Санградо прошлого поколения, которые лечили все болезни кровопусканием, или к поискам эликсира жизни в иллюстрациях; зараза ложных надежд в отношении чахотки, которая расстроила суждения двух полушарий, еще не забыта. Вдумчивые врачи имеют множество предупреждений против увлечения новыми теориями, которые нарушают моральное чувство или закон единства, даже если эти теории поддерживаются выдающимися именами.

Опыт доказывает мощный характер ментальных стимулов в формировании практических действий. Страх или надежда, любопытство, тщеславие, скупость, не считаясь с законом единства, ухватываются за отдельные явления, оторванные от их естественной связи, и искажают их, создавая болезненные условия, тем самым рассматривая факты не в пропорции. Сформированная таким образом статистика становится ошибочной и служит основой для опасных теорий - теорий, которые, если не будут пресечены народным здравым смыслом, приведут к моральной и физической деградации расы. Мне достаточно упомянуть о глупости несправедливости, воплощенной в некоторых медицинских актах, недавно отмененных, и о нынешней теории прививок, как о примечательных примерах опасного умственного заблуждения, желающего воплотиться в жизнь.

Материализм, который слеп к жизни, отличной от чувственной, который настаивает на сведении каждого явления к пределам чувств, который отказывается быть просвещенным какой-либо высшей реальностью или насмехается над термином "жизненная сила", пренебрегает огромным количеством положительных фактов и не имеет права на благородное имя науки. Таким образом, размышление показывает, что формирующая и направляющая сила ментальных действий в формировании физических результатов является фактом самого далеко идущего характера и постоянного действия в разумном творении, и ее отсутствие на Конгрессе здоровья нанесло серьезный ущерб результатам Конгресса. Это было достаточной причиной для того бесплодия результатов, о котором говорилось публично и частным образом.

Ошибка непризнания психических и физических сил, или Закона Единства, в отношении здоровья, и тирания, которая может быть результатом такого несовершенного метода в

изучении и применении санитарии и медицины, может быть проиллюстрирована интересным инцидентом на Конгрессе.

Важное совместное заседание двух секций состоялось для того, чтобы послушать выступление одного из наших лучших исследователей - человека, занимающего высокое положение и оказывающего мощное влияние на подрастающее поколение студентов-медиков. В начале своего выступления этот джентльмен сделал следующее примечательное заявление: "Я утверждаю право науки диктовать" - и, как бы подкрепляя это утверждение авторитетом наших французских собратьев, добавил "*conformément à la logique*" - "Я утверждаю право науки диктовать в соответствии с логикой".

Дерзкое требование абсолютного повиновения, авторитетно выдвинутое профессором, возглавляющим биологические исследования, требует внимательного рассмотрения. Это объявление нового священства или эзотерической секты физической науки. В понимании оратора это означает, что его наука тождественна истине. Если это признать, то высшая мудрость человека - с радостью и без колебаний подчиниться, а учитель, вдохновленный истиной, по праву заслуживает нашего благодарного и глубокого почтения. Но это требование может также означать неосознанное высокомерие ума, принимающего слишком узкий взгляд на науку - ума, который, в то время как серьезно и кропотливо исследует частичные явления, опьянен открытием новых фактов с теориями, которые могут быть построены на них, и сразу же объявляет себя одним из священников новой религии, требующей абсолютного повиновения; ведь искушение всех священников состоит в том, чтобы создать эзотерическую секту.

Во втором случае каждый правдивый ум обязан отказаться от послушания. Ибо до тех пор, пока утверждение не будет полностью изучено во всех его аспектах, как в физическом, так и в ментальном отношениях, и поддержано сознательным и сердечным согласием всех разумных умов и инстинктивным согласием людей в целом, это требование абсолютного повиновения теориям так называемой науки должно быть решительно отвергнуто как повторное введение озорного и унижительного суеверия.

Особым поводом, который привел к этой злосчастной претензии на диктат или обязательное регулирование болезней специалистами, стала тема туберкулеза и преувеличенное утверждение современного бактериолога, что туберкулезная палочка является единственной основной причиной чахотки, с логическим утверждением, что, поскольку только тщательно обученный специалист может обнаружить эту палочку, чахотка должна быть запланирована как заразная болезнь и подвергнута строгому регулированию специалиста и его совета консультантов.

Поскольку самая большая статья ежегодной смертности у нас - это смерть от туберкулеза - около 14 процентов, а пища и воздух *могут* занести бациллу в организм, мы можем смутно представить, до какой степени может вырасти требование диктовать "в соответствии с логикой".

Много поразительных примеров грубой чиновничьей тирании было выявлено нашими канадскими и иностранными делегатами. Так, пассажиров железной дороги из Монреаля в Онтарио принудительно ревакцинировали в поезде, прежде чем разрешить въезд в Онтарио.^[5] Глупая и ошибочная система попыток *регулировать* особые пороки, как видно, в значительной степени преобладает в неопытных цивилизациях Канады и Западных Соединенных Штатов.

Научные инквизиторы". Я процитирую высказывание профессора Хаксли, которое можно было бы вывесить во всех наших медицинских учебных заведениях. Он говорит: "Мы находимся в начале нашего познания, а не в его конце; ограниченность наших способностей такова, что мы никогда не сможем установить границы возможностей природы. Вердикт всегда может быть более или менее ошибочным, лучшая информация никогда не бывает полной, а лучшие рассуждения подвержены заблуждениям".

Самая большая ошибка, которую могут совершить те, кто заинтересован в свободе мысли, - это не замечать этих ограничений и украшать себя догматическими перьями, которые традиционно украшают оппонентов".

Этот энергичный протест нашего английского натуралиста против диктата так называемой науки поразительно совпадает с наблюдениями наших французских гостей относительно бесполезности обязательного законодательства, к которому сейчас призывают научные специалисты.

Что такое наука? Когда исследователи в какой-либо ограниченной отрасли знаний с легкостью используют термин "наука", чтобы заставить согласиться или навязать законодательство, мы вынуждены спросить, что *такое* истинная наука или определенное знание, основанное на демонстрации, в отличие от ложной науки, которая является неопределенным знанием, основанным на изменчивых и несовершенных наблюдениях явлений или на теории? Знания бывают разных видов: Умственные, Физические, Математические. Эти отдельные разделы знания в равной степени опираются на факты. Любовь - такой же факт, как хлеб и масло; справедливость так же сильна в своем воздействии, как микробы; а благодаря более широкому диапазону действия и более постоянной продолжительности эти психические факты гораздо более *реальны*, чем физические явления.

В определении притязаний науки на послушание великий Закон Единства дает руководящий принцип, который, как бы ни унижало человеческое высокомерие, или как бы ни утверждал ограниченность нашего интеллекта, истинно научный разум обязан принять.

Закон единства - основа науки Закон единства учит нас, что никакое объяснение любого факта не является окончательным или "истинным", если оно противоречит другим фактам. Он объявляет, что ни один метод изучения фактов не является надежным, если он уничтожает другие факты, столь же патентованные, и что любые результаты, выводимые из частичных явлений, какими бы интересными или даже полезными они ни казались, могут рассматриваться с точки зрения истинной науки только как временные средства. Они могут быть рекомендациями для полезных испытаний, но никогда не могут быть оправданы как предметы для диктовки.

Путаницу в мыслях, которая привела к тому, что противоестественная практика прививок вошла в моду, можно с пользой проиллюстрировать, остановившись на смешении истины и ошибки, которое существует в отношении вакцинации. Вакцинацию не следует путать с прививкой, хотя слово "вакцинация" сейчас ошибочно используется бактериологами, чтобы скрыть тревожную практику введения разбавленного вируса какой-либо болезни, что и является прививкой. С другой стороны, вакцинация - это исключительно введение вещества, полученного от болезни, в вакцину, которая не является ни оспой, ни производным от оспы, а вакцина у здоровой коровы - это легкое заболевание.

На протяжении всей своей врачебной практики я делал прививки детям (разделяя широко распространенное мнение о том, что это профилактика оспы). Однако эта практика всегда казалась мне неудовлетворительным методом, который, как я надеялся, благодаря расширению знаний о санитарии мы сможем усовершенствовать.

Я также признавал сильное влияние страха на предрасположенность к болезням и рассматривал вакцинацию как успокоительное средство для семьи или общества. Однако моя вера в безобидность этой практики была грубо поколеблена прискорбной смертью в моей собственной практике больного золотухой младенца - смертью, явно вызванной фagedенической язвой, образовавшейся в результате вакцинации. Я также обратил внимание на накапливающиеся свидетельства очень серьезных заболеваний, передающихся через так называемую вакцинную лимфу.

Вакцинация не научна. Но профессор Крукшанк в своей исчерпывающей работе, недавно опубликованной о вакцинации, убедительно доказал ненаучный характер доказательств, на которых основывается эта практика, наше незнание источников обычно используемого вируса и его способа действия, а также неуверенность в его профилактической силе.^[6] О том, что в целом мягкое расстройство вакцинации, хотя и произвольно и даже тиранически навязываемое каждому ребенку, рожденному в нашей стране, не является профилактикой оспы, как утверждает, свидетельствует повторение эпидемий оспы среди нас, возникновение болезни у привитых людей, а также требование, выдвинутое сейчас Французской медицинской академией (которая признает неудачу нашей системы вакцинации), о предоставлении законодательных полномочий для принуждения к повторной ревакцинации. Это требование о праве бессрочной ревакцинации является логичным. Ведь если исходить из предпосылки, что прививка предотвращает оспу, но натолкнуться на неумолимый факт, что эпидемии оспы все же случаются и распространяются среди привитых людей, то причина этого противоречия заключается в том, что предполагаемая профилактическая сила прививки была выброшена из системы и поэтому должна быть снова возобновлена. Логично предположить, что вакцинации должен быть подвергнут не только младенец, но и ребенок, подросток и взрослый. Все они должны быть подвергнуты принудительной ревакцинации, поскольку в каждый из этих периодов роста человеческая система претерпевает изменения.

История борьбы с принуждением к вакцинации очень интересна, поскольку является убедительным осуждением высокомерия лженауки, которая попирает права человека, пренебрегая гигиеническими условиями. Поскольку все разумные люди должны быть в состоянии сформировать практическое суждение по этому важному вопросу, я хотел бы остановиться на теме иммунитета, факте (хотя сейчас он применяется неправильно), на котором основана обязательная вакцинация.

Иммунитет. Наблюдения давно показали нам, что когда человеческая система постепенно подвергается вредным воздействиям, может быть приобретена определенная толерантность к этим воздействиям, которая часто позволяет тем, кто подвергается им, избежать немедленной смерти, хотя и с подорванным здоровьем, в то время как здоровые люди, внезапно подвергшиеся тем же вредным воздействиям, умирают. Это хорошо известный факт, который может быть подтвержден многочисленными доказательствами. Так, люди, долгое время проживающие в доме с плохим дренажем, хотя и часто болеют, но никогда не заболевают брюшным тифом; определенный иммунитет был получен в результате медленной адаптации системы к плохому воздуху, но в жертву энергичному здоровью. Но если в один и тот же дом въезжает новая здоровая семья, то сразу же может возникнуть смертельная вспышка тифа или дифтерии.

В злокачественных районах Соединенных Штатов живет большое количество разрозненных людей, которых негры называют "грязными белыми", с лицами цвета глины, увеличенной селезенкой и ослабленным жизненным тонусом, но для чужака сон в этих краях смертельно опасен. Сильная тенденция к жизни, которую мы называем жизненной силой, хотя и позволила тем, кто родился и вырос под вредным влиянием, бороться всю жизнь, не оказываясь равной сопротивляемости во многих конституциях, внезапно подвергшихся вредному влиянию. Медицинская статистика нашей армии в Индии показывает, что новоприбывшие гораздо чаще страдают от энтеритной лихорадки, чем те, кто давно находится в этой стране.

Процент смертей от этой причины почти в пять раз выше на первом или втором году службы, чем с шестого по десятый год. Медики не могут выявить в каждом конкретном случае определенное антисанитарное состояние, которому можно с уверенностью приписать вспышку заболевания".

Таким образом, для построения теории есть факт - возможная адаптация человеческой конституции к вредным воздействиям, адаптация, которая, хотя и снижает общую бодрость, часто дает иммунитет от быстрой смерти.

Этот факт, подтвержденный в сознании бактериолога ошибочной системой заболевания животных в качестве "темоинов" или "контроля", породил опасную теорию о том, что все заразные болезни могут быть предотвращены в их наиболее смертоносной форме путем прививки людям разбавленного вируса, производимого этими болезнями. Это опасное убеждение получило широкое распространение под неблагоприятным воспитательным воздействием закона об обязательной вакцинации. Однако следует заметить, что вакцинация, в отличие от прививки, не вводит в организм никаких продуктов особого заболевания - оспы. Вакцинная болезнь коровы не является оспой, и ее никогда нельзя заставить заболеть оспой. Поэтому консервирующая сила, которая заявлена для нее, не имеет тех опасностей, которые связаны с прививкой, но также не может претендовать на случайный иммунитет, который может сопутствовать этой опасной практике введения вируса оспы в кровь. Чистый воздух, чистота и приличное жилье, обеспеченное всем нашим людям, являются истинной профилактикой оспы.

Преувеличение бактериологии. - Мы видим, как пренебрежение законом единства вводит в заблуждение интеллект в отношении бактериологии. Этот предмет, полезный, если его изучать без жестокости и в подчинении более высоким фактам, стал предметом озорного преувеличения^[7] как в том, что он означает, так и в том, к чему он может привести.

Большинство наших активных и умных медицинских исследователей сейчас интенсивно заняты поисками микроба как *первопричины* всех известных человечеству болезней. Рак, проказа, лихорадка, гидрофобия, дифтерия, столбняк, безумие и т. д. в значительной степени изучаются этим несовершенным методом в надежде найти характерный микроб, который можно объявить основной причиной болезни. Огромная умственная энергия исследователей-биологов отвлекается от санитарных исследований на поиски свежих бацилл. На эти поиски тратятся восхитительная настойчивость, острая изобретательность, неутомимая энергия.

Воспользовавшись беспомощностью низших животных, на них проводится система экспериментов, масштабы и безжалостность которой никогда ранее не применялись. Болезни тщательно пропагандируются. Мириады здоровых живых существ заражаются отвратительными болезнями, чтобы получить "материал" для экспериментов. Столько-то килограммов собаки или кролика (использованных для инъекций болезни или отмеченных

как более или менее медленно сопротивляющиеся смерти, которая постепенно наступает) - обычное выражение, используемое сейчас в экспериментах и призванное придать "научную точность" опытам. Это жалкое интеллектуальное заблуждение близорукого материализма, которое предполагает, что можно добиться "научной точности", рассматривая столько-то килограммов живой собаки так, как будто на них можно проводить эксперименты, как на столько-то килограммах мертвой материи, или как будто это материалы парового двигателя, которые можно разобрать, изучить, очистить, проверить и снова собрать в полном рабочем состоянии.

Такое отвлечение интеллектуальных способностей от истинного пути санитарии путем преувеличенного поиска бацилл ведет непосредственно к опасной практике прививок, которая угрожает будущей деградацией человеческой расы. Как сказал один из самых выдающихся наших гигиенистов, покойный доктор Бенджамин Уорд Ричардсон, "прививки - это плохая санитария"[8].

Санитарный закон учит нас, что болезнь вызывается многими причинами, а не только конкретным микробом.

Этими причинами являются антисанитарные условия, которые ослабляют или уничтожают агенты, необходимые нашей человеческой конституции для ее здорового роста, и которые действуют с различной силой в зависимости от индивидуальной склонности. Эти антисанитарные условия, воздействуя на различные индивидуальные конституции, вызывают различные формы заболеваний, как холод может вызвать ревматизм, бронхит или диарею, в зависимости от идиосинкразии. Эти различные идиосинкразии индивидуумов, как в физическом, так и в психическом аспектах, а также различное действие жизненной силы у разных классов животных, всегда будут витализировать теории материалистических исследователей. Так, один и тот же яд не уничтожает все классы живых существ. Известны случаи, когда здоровая молодая собака месяцами сопротивлялась настойчивым усилиям, направленным на то, чтобы заразить ее определенным образом. Одни и те же болезнетворные микроорганизмы вызывают совершенно разные формы нарушений у людей и кроликов.

Мы не имеем ни малейшего представления об иммунитете некоторых животных к яду. Кролики, которых кормят белладонной, не проявляют никаких признаков поражения, хотя их плоть становится ядовитой для тех, кто ее ест. Голуби и другие травоядные могут быть в безопасности от того, что вызывает паралич и асфиксию у других животных. Мясо коз тоже может стать ядовитым.

Куры, кошки, птицы, грызуны по-разному реагируют на яды, некоторые процветают на том, что убивает других животных. Считается, что все кошачье племя всегда устойчиво к морфию".

Доктора Хан и фон Бергманн, пытаясь оправдать свои эксперименты по пересадке раковых клеток пациентам больниц, утверждают, что "для экспериментов необходимо было выбрать людей, так как ни одно из низших животных не подошло бы для этой цели".

Санитарное право учит нас, что нездоровые условия витализируют живые микроорганизмы, которыми мы окружены, и которые, будучи естественным образом полезными, могут стать, в результате нарушения естественного закона, болезнетворными микробами, способными

распространять различные формы заболеваний среди людей, предрасположенных к этим заболеваниям. Таким образом, согласно санитарному закону, нарушенные условия здоровья (витализирующие естественные безвредные частицы) являются первичной причиной болезни; болезнетворный микроб или бацилла - лишь вторичная причина.

Новая бактериологическая теория прямо противоречит этому важному закону санитарного опыта и в противовес ему авторитетно заявляет, что заразная или инфекционная болезнь никогда не может возникнуть без предшествующего микроба. Именно защищая эту несостоятельную теорию, уважаемый профессор утверждает, что "наука имеет право диктовать".

Поэтому большой ошибкой Гигиенического конгресса было игнорирование разума как неотъемлемого и важного фактора здоровья и возвышение бактериологии с основанными на ней теориями до главной точки интереса и важности.

Современному преувеличению бактериологии с ее теорией прививок должны решительно противостоять все, кто осознает силу и растущее влияние духовной жизни. Пагубные результаты этого преувеличения можно свести к следующему:

Практические опасности, вытекающие из ошибочного научного метода. - 1. Он отвлекает бесценную интеллектуальную деятельность на методы сравнительно бесполезных исследований. Эти исследования приводят к мошенничеству и жестокости по отношению к низшим животным, а также к безрассудным экспериментам над бедными. Они тратят много времени и распространяют заразу интеллектуальных ошибок среди студентов всех наших медицинских школ, где все чаще проводятся ложные эксперименты. Они также извращают нравственное чувство огромной армии ассистентов, зрителей, носильщиков, медсестер и других людей, связанных с нашими медицинскими учреждениями, которые узнают о жестокой практике, которая так часто сопровождает этот метод исследования.

2. Это извращение медицинской деятельности вводит в заблуждение наших парламентских представителей, которых псевдонаука авторитетно объявляет Истиной, и позволяет быстрому росту чиновничества подавлять оппозицию и навязывать диктовки поверхностной "науки" протестующей совести разумных людей. Она также вводит общество в заблуждение ложными статьями в популярных журналах, в которых факты, теории, статистика и утверждения, зачастую неверные, подаются с напускной наукообразностью, по отношению к которой обычный читатель совершенно не способен отличить истинное от ложного.

3. Отклонение медицинской деятельности от истинного пути превентивной медицины не только препятствует прогрессу санитарии, но и вызывает растущий бунт здравого смысла и народного чувства против того, что ошибочно считается необходимыми методами медицины и практикой диспансера и больницы. Это растущее чувство в обществе усиливает ужас, с которым бедняки относятся к больнице, а также серьезно уменьшает денежную поддержку, которую обеспеченные люди в противном случае с радостью оказали бы своим больным и страдающим собратьям.

Заключение - При рассмотрении вышеизложенных фактов видно, что фундаментальной ошибкой не только Гигиенического конгресса, но и всей медицинской мысли и практики является рассмотрение только тела, без учета тех духовных фактов, которые предшествуют, одушевляют и сменяют плоть. Несомненно также, что в применении гигиены к повседневной жизни мы можем с таким же успехом лить воду в решето, как и надеяться на постоянное

применение практических гигиенических мер, не заручившись доброй волей людей к их соблюдению.

Поскольку решение двух великих проблем гигиены - "Каковы законы и условия здорового роста?" и "Как обеспечить эти условия?" - основывается на принципах духовной истины, эти принципы имеют фундаментальное значение для направления человеческого интеллекта в правильное русло. Вынужденные использовать несовершенный символизм языка, мы говорим о разуме и материи, о спиритуализме и материализме, как будто это отдельные или противоречивые сущности. Но это ограничение в выражении мысли, которое следует признать и тщательно оберегать от него саму мысль. Между Религией и Наукой не может быть реального противоречия; они являются лишь различными проявлениями в человеческой мысли Истины, которая по сути своей едина. Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы объединить эти проявления в мысли и таким образом получить единственно возможное для нас безопасное руководство к практическим действиям.

Великий основополагающий принцип нашей человеческой конституции - воплощение, то есть обретение духом формы - Всеобщее, проявляющееся в феноменальном. Этот принцип лежит в основе санитарной науки. Он лежит в основе нравственного закона, которым должна руководствоваться наука.

Когда этот принцип понимается и применяется, он расширяет интеллект и просветляет совесть. Он превращает узкого, эгоцентричного или высокомерного человека в смиренного исследователя и участника более широкой жизни Божества.

Эта универсализация личности заложена в Воле человека и является основой совести - совести, которая, постепенно расширяясь благодаря растущему интеллекту, является великим проводником человеческой расы в её борьбе вверх.

Эта универсализация примитивной эгоцентричной жизни приводит к осознанию греха. Когда мы входим в Гефсиманский сад, где беды мира, убийства и соблазны, жестокость и лицемерие раскрываются во всей своей отвратительности, мы понимаем, что причастны к этому греху, ибо он является результатом того эгоцентричного высокомерия, того эгоизма, с которым каждому приходится бороться и который составляет суть греха. Именно через эту огромную убежденность все должны войти в ту жизнь Всеобщего, где только и есть истинная свобода и где только и можно найти полноту индивидуальной жизни. Только благодаря этому насыщению Всеобщим возникает та ненависть к греху, которая делает грехи отныне невозможными.

Тогда осознание добра и зла в человеческих поступках становится ясным, а верховенство нравственного закона - неизбежным.

При рассмотрении различных вариантов применения этих глубинных принципов бытия необходимо обратиться к ним. Они придают силу тем сжатым афоризмам практической мудрости, которые, переданные нам из опыта наших предков, являются руководством для нашей сегодняшней повседневной жизни.

Пословица "Никогда не делай зла, чтобы не пришло добро" настолько знакома нам в различных формах, что мы не замечаем глубокой мудрости, которую она выражает.

Это признание той интеллектуальной ограниченности, которая не может предвидеть сложных результатов; это принятие того льющегося света совести (каким бы тусклым он ни

был), по которому каждый должен честно идти; это подчинение узкой, эгоцентричной Воли Вселенской Жизни, благодаря которому человек становится свободным соработником Божественного.

Физиология, правильно изученная в свете этого фундаментального принципа - инкарнации, - доказывает превосходство Нравственного Закона, который является Законом Единства, или преобразования Я. Он дает представление о Правильном и Неправильном. Всеобщий закон, изученный с благоговением и умом, будет руководить всеми практическими действиями; он покажет нам, как построить больницу, спланировать медицинскую школу, организовать институт профилактической медицины, принять законы для общества или направить индивидуальную жизнь.

Закон единства низводит бактериологию на должное место в качестве отрасли патологии и доказывает, что истина не может быть получена путем поиска в трепещущих органах замученных животных. Он также показывает нам, что здоровье человека нельзя обеспечить, возводя вокруг себя китайскую стену. Мы не можем остановить движение Земли в атмосфере, которая может принести бациллы из затопленного Китая, из голодающей России, из прокаженной Индии или из трущоб Запада.

Мы должны постепенно работать над реализацией нашего идеала - здоровья - и работать в разных направлениях и по разным линиям. Развитие санитарии позволит разместить наши будущие больницы в сельских кварталах, а в крупных городах - лишь временные приемные покои и диспансеры.

Древнейшие больницы были храмами Эскулапия, где обращались за Божественной помощью. В эти Асклепеи, всегда возводившиеся на здоровых участках, вблизи свежих источников и в окружении тенистых рощ, больные и увечные прибегали за помощью к "богу здоровья". К этой мудрости древних мы должны непременно вернуться, когда будет остановлена нынешняя тенденция подчинять благополучие больных удобству студентов.

Самая насущная потребность, которая сейчас существует в нашей профессии, - это создание Института профилактической медицины, руководящегося нравственным законом. Такой институт будет признавать, что разум и материя встречаются в факте, называемом жизнью, будет с благоговением изучать все условия и законы здоровой жизни, и не будет отвлекаться от этой великой цели любопытными исследованиями искусственно распространяемых болезней.

Изучение биологических наук, сравнительной физиологии и физиологии человека, морфологии, гистологии, электрохимического действия и т. д. очень важно и необходимо для развития медицинской науки; но их можно изучать без всякого нарушения нравственного закона единства. Необходимо изучать формы и функции жизни, которые проявляются в организмах, стоящих ниже человека. Законы, управляющие ростом животных и растений, являются важными шагами на пути к расширению наших знаний о физиологии человека и санитарном праве; но они могут дать истинные и доступные факты только при изучении естественной и здоровой работы объектов исследования. Искусственное создание психических или физических болезней с помощью страха и страданий нарушает естественный порядок жизни и приводит к ошибкам в наблюдениях и индукции на их основе. пытки не только не подходят для лабораторных работ, но и являются неизбежным источником ошибок в результатах. Лаборатория или рабочий кабинет никогда не должны превращаться в камеру пыток. Эксперимент не должен вырождаться в любопытство или бесчеловечность[9].

В будущем в здоровой стране, возможно, появится мудрый Институт профилактической медицины. Вокруг такого института мудрых исследований может вырасти хорошо спланированная колония здоровья, которая принесет огромную пользу перегруженным мозгам наших самых ценных людей. Это будет центр здоровья, где уставший мозг сможет освежиться и восстановить силы благодаря восстанавливающему воздействию ручного труда. Руководствуясь истинной наукой, он будет обучать наших учителей и законодателей. Здесь они могли бы научиться благоговеть перед теми законами здоровья, которые в равной степени нарушаются и переутомленным мозгом, и перегруженными мышцами. Душой такого центра здоровья стал бы Институт профилактической медицины, подлинно "научный".

Но такая колония может быть создана только тогда, когда узкая самость будет преобразована универсальной жизнью; ибо, как было прекрасно сказано: "Настоящая социальная интеграция последует за духовной интеграцией, и ни за чем другим".

Работая над более полным воплощением нашего идеала, мы должны уважать и помогать, насколько это возможно, тем отдельным усилиям по борьбе с особыми нарушениями Морального Закона, которые действительно являются шагами вперед в росте человечества. Отдельные усилия по продвижению умеренности и чистоты, справедливости по отношению к женщинам и детям, к бедным и слабым, к более скромным животным, нашим братьям, - все эти усилия должны быть сердечно поощрены. Каждое усилие - это маленький шаг из эгоизма в большую религиозную жизнь. Хотя те, кто осознает Закон Единства, не могут успокоиться на какой-либо отдельной работе, но именно честная борьба с грехами приводит к ненависти к греху, которая приведет к его уничтожению; и путем медленного постижения истин мы постепенно приближаемся к тому невыразимому Свету Истины, который растопит цепи эгоизма и освободит нас в большей свободе Вселенской Жизни.

ССЫЛКИ:

[2] См. Приложение, с. 85.

[3] Доктор Хэмблтон подсчитал, что материальные потери от потери жизни в армии из-за предотвратимых болезней, главным образом легких, составляют не менее полумиллиона в год - потеря жизни, которая существенно увеличивает количество требуемых новобранцев. Излагая гигиенические меры в отношении одежды, специальных упражнений, воздуха и купания, которые, как было показано, восстанавливают ослабленное телосложение новобранцев, он ставит во главу угла "объяснение мужчинам влияния хороших и плохих привычек на их здоровье, чтобы гарантировать их сотрудничество".

[4] Сэр Вальтер Скотт, знаток собачьего дела, в 1832 году писал о популярном поверье: "В последнее время сила этого талисмана ограничивается главным образом лечением людей, укушенных бешеными собаками, и поскольку болезнь в таких случаях часто возникает от воображения, нет причин сомневаться, что вода, вылитая на пенни Ли, обеспечивает благоприятное излечение".

[5] Английский джентльмен, капитан Фрэнк Фэрбэнкс, был задержан на две недели в карантине (говорится в телеграмме из Бостона), потому что отказался от вакцинации. Его младший брат погиб от прививки.

[6] См. книгу Крукшенка *"История и патология вакцинации"*.

[7] Доктор Адамец утверждает, что "в одном грамме сыра Грюйер содержится 90 000 микробов; через семьдесят дней их количество увеличилось до 800 000. Грамм другого сорта сыра содержал около двух миллионов микробов, а кусочек кожуры - около пяти миллионов!

[8] С этим практически согласен один из самых известных сторонников прививок, который, признавая, что профилактические прививки должны быть строго ограничены, добавляет: "Прививки - это лишь паллиативная мера, поскольку первая цель, на которую следует нацелиться, - это уничтожение инфекционных заболеваний, и я не могу не думать, что настанет день, когда профилактические прививки уйдут в прошлое".

[9] Самый большой вред, который сейчас наносится медицине и развитию гигиены, - это злоупотребление словом "исследование" и деградация этого благородного проявления человеческого интеллекта методами применения, не соответствующими предмету исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ (стр. 56)

О гуманной профилактике бешенства

В ходе обсуждения вопроса о бешенстве было предложено принять резолюцию секции и направить ее в правительство с рекомендацией мер по предотвращению гидрофобии.

Поскольку профессора Ру и Флеминг активно поддерживали два противоположных метода борьбы с бешенством, я обратил внимание на то, что в ходе обсуждения ничего не было сказано о страданиях, которые неизбежно причиняются животным, когда применяется метод Пастера, отстаиваемый профессором Ру, и заявил, что в Институте Пастера собаки содержатся в состоянии бешенства. Поэтому я рекомендовал принять муниципальные и окружные правила с их прекрасными результатами, как показали профессор Флеминг из Лондона и профессор Остертаг из Берлина, а не пастеровские методы.

В качестве иллюстрации страданий собак, когда их сводят с ума, я сослался на свой визит на улицу Дюто 2 июня 1889 года, где, осмотрев зал с кроликами, морскими свинками и голубями, используемыми в экспериментах на бешенство, сибирскую язву и т.д., я перешел к клеткам с тремя кроликами, морскими свинками и голубями, Я подошел к клеткам трех собак, также используемых для экспериментов по бешенству, которые находились в различных стадиях безумия: одна умирала после десятидневной агонии, вторая была в полном бешенстве, третья в безумном ужасе цеплялась за прутья клетки, умоляя выпустить ее".

Заявление профессора Ру против моей рекомендации использовать более гуманные методы борьбы с бешенством, похоже, подразумевало, что собаки не становятся безумными в Институте Пастера или при борьбе с бешенством. Но когда я сказал профессору, что сам видел эту серию из трех обезумевших собак, он ответил: "О, вы могли бы увидеть гораздо больше, но они не для того, чтобы прививать людей".

Из опыта известно, что делать прививки напрямую от собаки к человеку слишком опасно. Но тот факт, что собак постоянно сводят с ума для экспериментов в Институте Пастера или в любом другом институте, который применяет пастеровские методы, должен быть честно признан, а не уклончив. Тот факт, что эта страшная болезнь бешенства сохраняется в целях эксперимента, хотя вирус передается в измененном виде через других животных для прививки людям, сам по себе является серьезным фактом, и он непосредственно касается

вопроса, на котором я остановился на конгрессе, а именно: при выборе метода защиты человечества от редкой, но страшной болезни христианская нация должна принять тот метод, который не предполагает страданий для животных.

НАУЧНЫЙ МЕТОД В БИОЛОГИИ

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Введение	89
ГЛАВА I	
Рост совести	91
ГЛАВА II	
Совесть в медицине	95
ГЛАВА III	
Моральный элемент в научных исследованиях	98
ГЛАВА IV	
Правильный и неправильный метод	101
ГЛАВА V	
Необходимость медицинских исследований	104
ГЛАВА VI	
Ограничение экспериментов	109
ГЛАВА VII	
Пруриго Секанди	119
ГЛАВА VIII	
Что такое научное исследование?	124
ГЛАВА IX	
Аксиома науки	134
ГЛАВА X	
Рациональный эксперимент в исследовании	137
ГЛАВА XI	
Диапазон безболезненных исследований	144
ГЛАВА XII	
Краткое изложение принципов	148

ВВЕДЕНИЕ

Между растущим числом непрофессиональных мирян и значительной частью медиков ведется постоянная полемика по поводу методов исследования биологических явлений.

Критика медицинских исследований со стороны немедиков вызывает естественное негодование у тех, кто занимается экспериментами, и всерьез утверждается, что ненаучные люди будут препятствовать прогрессу, если будут мешать или сумеют ограничить усилия тех, кто специально посвящает себя этой отрасли исследований.

Этот спор все еще продолжается во все более широких кругах, и он будет продолжаться до тех пор, пока не исчезнет путаница в мыслях, существующая по этому вопросу, и не будет более полно признано и более четко определено широкое различие между правильными и неправильными экспериментами. Наше отношение к низшим животным еще никогда не было полностью представлено в ясном свете разума и совести. Однако в порядке providенциального развития это должно произойти.

Как развивающееся человечество постепенно признает естественные права, существующие в различных расах человечества, и ведет упорную войну против человеческого рабства, и постепенно пробуждается к моральному преступлению внедрения болезней и пороков среди туземных рас, и права, а также обязанности женщин и детей постепенно признаются, так и пришло время, когда естественные права низших живых существ должны быть серьезно изучены.

Это изучение стало обязательным не только для благополучия животного мира, но и для нашего собственного роста как разумных и нравственных существ.

Здравый смысл человечества признает наше право использовать низших животных на благо человека, а наш превосходящий интеллект дает нам возможность использовать их. Но "могу" и "должен" - это разные аспекты нашей психической конституции, которые необходимо гармонизировать. То, что мы можем сделать, не является истинным мерилom того, что мы должны делать в любой сфере жизни.

Мы можем уморить ребенка голодом или забить лошадь до смерти плетью, но не имеем на это права.

Законы нашей человеческой конституции заставляют нас признать, что интеллект и совесть, хотя и являются важнейшими составляющими нашей природы, не идентичны. Многолетний опыт показывает нам, что социальный прогресс может стать постоянным только тогда, когда совесть руководит интеллектом.

Насколько далеко может простираться руководство совести, а также практические результаты медицинских исследований, связанные с признанием такого руководства, составляют предмет настоящего рассмотрения.

ГЛАВА I

Развитие совести

Именно благодаря постепенному и гармоничному развитию интеллекта с тем элементом нашей природы, который мы называем совестью, человеческая раса переходит от низшего к высшему состоянию цивилизации. В стремлении к своим идеалам совесть - это наш инстинктивный контролер добра и зла.

Наш великий естествоиспытатель Дарвин установил как закон эволюции, что "моральное чувство, или совесть, является, безусловно, самым важным из различий между человеком и низшими животными. Долг - "обязанность" - является самым благородным из всех качеств человека".

Виктор Гюго с пророческой проницательностью гения называет совесть "той толикой врожденной науки, с которой рождается каждый человек".

Рост человеческой совести в ее восприятии справедливости и в ее сочувственном отношении к творению является самым надежным мерилom индивидуального и национального прогресса. О происхождении и развитии совести можно строить различные интеллектуальные теории. Можно считать, что она интуитивна, возникает так же неизбежно, как инстинктивные чувства, рожденные естественными отношениями жизни; можно рассматривать ее как постепенно развивающуюся, "результат бесчисленных переживаний страха, любви, пользы, передающихся из поколения в поколение".

Но как бы ни зарождалась совесть, она является позитивным и мощным фактом. Это, действительно, самый могущественный фактор социальной жизни. Она - великий контролер самосознания. Она расширяет характер человека и направляет его поведение. Углубление этого принципа через рост справедливости и сочувствия знаменует собой прогресс человечества. Растущее уважение к жизни - один из самых ярких признаков растущей совести. Наше благоговение перед принципом жизни растет вместе с расширением нашего интеллектуального восприятия его универсальности и неограниченной силы развития.

Как жизнь характеризуется активностью и не может оставаться неподвижной, так и совесть разделяет этот закон жизни. Она неизбежно должна прогрессировать или регрессировать.

Деградацию и развитие совести можно наблюдать среди нас в условиях современной цивилизации. Питаться себе подобными противоречит самому зачаточному элементу совести, и племена каннибалов, пожирающих своих пленников, представляют собой самый низкий тип человечества; даже собаки арктических путешественников будут терпеть медленные муки голода в течение нескольких дней, прежде чем их человеческие хозяева заставят их съесть плоть своих товарищей. Известный натуралист У. Хадсон утверждает, что волки, когда их давит голод, иногда пожирают своего товарища; , однако, как правило, хищные животные скорее умрут от голода, чем станут жертвой одного из своих сородичей.

Однако известно, что потерпевшие кораблекрушение моряки, даже из нашей собственной английской расы, пили кровь и ели плоть своих товарищей, когда сталкивались с голодной смертью.

Мы видим, что разум может существовать без совести, но человеческий тип превращается в разрушительную силу, когда происходит это разделение. Прискорбным примером социальной опасности, порожденной уничтожением или отсутствием у нас элементарной совести, является предательство и убийство маленького мальчика Эклза в Ливерпуле,

совершенное ради его одежды двумя его товарищами восьми и девяти лет. Они намеренно заманили его в пруд, трижды бросили в воду, когда он выкарабкивался, а затем держали под водой до тех пор, пока не прекратилась всякая борьба. Эти факты служат ярким, но не уникальным уроком, показывающим, как разум может существовать без совести среди всех наших приспособлений цивилизации, и опасность такого разделения.

Примеры социального опустошения, вызванного коррупцией чиновников и нечестностью бизнеса, слишком многочисленны, чтобы их подробно описывать; их можно увидеть в так называемых цивилизованных странах - в Лондоне, Париже, Риме и за океаном. Отсутствие совести в государственных и частных сделках порождает социальные страдания, пропорциональные их масштабам.

Признавая, таким образом, что этот отличительный принцип совести является фактом постепенного развития, что он растет благодаря соединению моральных и интеллектуальных элементов в нашей природе, и что далеко идущие последствия для добра или зла яркой или притупленной совести в индивидууме и нации находятся далеко за пределами нашей способности предвидеть, на нас лежит серьезная ответственность в этом вопросе. Мы должны осознать, что любой обычай, или метод воспитания, или предлагаемый курс действий, который, как кажется, нарушает естественные инстинкты человечества или противоречит нынешней просвещенной совести любой части нашей англо-американской расы, требует самого тщательного рассмотрения с нашей стороны.

ГЛАВА II

Совесть в медицине

Каждый разумный представитель медицинской профессии, несомненно, признает особую ценность человеческой совести в этой профессии.

Проблемы, связанные с практикой благотворного искусства, абсолютное доверие, которое тревожный пациент вынужден возлагать на своего врача, беспомощность бедных, которые составляют столь значительное большинство тех, кто нуждается в медицинской помощи, и которые лишены защиты богатства и положения, показывают необходимость острого морального чувства, так же как и интеллекта, в тех, кто практикует искусство медицины.

Сами открытия медицинской науки подкрепляют эту необходимость; ведь возможность злоупотребления при использовании таких благотворных средств, как анестетики и гипноз, некомпетентными или бессовестными операторами - очень серьезный факт.

Эта особая ответственность медицинской профессии перед обществом значительно возрастает в связи с тем, что на них ложится воспитание очень большой части нашей интеллигентной молодежи в течение важных лет ранней взрослости. Моральное, а также интеллектуальное влияние, оказываемое теми, кто руководит колледжем, больницей, диспансером и аспирантурой, формирует будущие действия одной из самых влиятельных частей общества - тех, на ком в первую очередь держится здоровье нации.

И хотя все признают необходимость квалифицированной и умелой заботы о здоровье нации, а также понимают, что правильно организованные медицинские школы и больницы имеют огромное значение для воспитания наших хранителей здоровья, как получилось, что в нашей среде выросло глубокое недоверие к этим учреждениям, что поддержка больниц

становится все более трудной, в то время как в то же время постоянно распространяются чувства благожелательности и желание помочь бедным?

Как получилось, что благотворное и необходимое искусство медицины больше не вызывает того уважения и доверия, которого, казалось бы, требует ее неотъемлемый характер как части наших социальных институтов?

Ответ на эти серьезные вопросы включает в себя как моральные, так и интеллектуальные соображения. Эти проблемы возникли из-за неспособности понять, что в образовании моральная и интеллектуальная деятельность не могут быть выгодно разделены, или что одна часть нашей сложной природы не может быть выгодно развита, в то время как другие части полностью игнорируются или травмируются.

Наши медицинские школы, развивая интеллектуальные способности своих студентов, должны следить за тем, чтобы их методы обучения не приводили к ухудшению этого важного качества студентов - нравственного чувства. Поскольку совесть или моральное чувство развиты у людей неравномерно, но необходимы врачу в его отношениях с пациентами, любая апатия или небрежность в этом отношении со стороны воспитателей молодежи может стать национальной опасностью.

ГЛАВА III

Нравственный элемент в научных исследованиях

Мораль как ориентир в биологической науке основывается на практическом различии между органической и неорганической природой.

Если бы медицинский прогресс сводился к исследованию неорганической природы, широкая общественность была бы только учениками, с удовольствием получающими такую информацию по геологии, химии, астрономии или физике, какую специалисты в этих отраслях физической науки были достаточно хороши, чтобы передать необучаемым.

Но как только научные исследования выходят за пределы области материи, созданной и преобразованной всеобщей энергией, но не подверженной влиянию индивидуальной воли, им приходится иметь дело с совершенно иными принципами - жизнью. Это жизненно важное различие было хорошо изложено одним из наших выдающихся медицинских авторитетов следующим образом: "Во время медленного роста медицинских знаний становилось все более и более очевидным, что физика, химия и биология - это отдельные науки, со своими методами и своими индукциями, каждая из которых использует результаты своих предшественников и добавляет новые результаты свои собственные. Хотя жизнь - это структура, построенная из физических и химических фактов, но в построении, в расположении, в упорядочивании этих фактов есть нечто, что ни физика, ни химия не могут объяснить, так же как алгебра не может объяснить поведение магнита. Стремление интерпретировать серию событий, составляющих жизнь животного, в терминах химических изменений (метаболизма), сохранения или расходования энергии - это попытка, которая не увенчается успехом".

Поскольку грубые существа, как и люди, имеют общую физическую организацию, которая выражает все разновидности жизни, между различными категориями животной жизни не существует такой резкой границы, как между органической и неорганической природой.

Биогенез, или жизнь, порожденная жизнью, - отличительная черта органической природы. Мы связаны с живыми существами высшей или низшей природы способностью воспитывать или подчинять их, а также всеми теми разнообразными отношениями, которые связаны с тайной жизни.

Особое положение человека, как животного, стоящего во главе животного мира, неизбежно порождает серьезную ответственность высшего перед низшим.

Это основание моральной ответственности распространяется на все живое, если не на всю жизнь. Она требует наличия направляющей совести, которая должна руководить всеми нашими интеллектуальными и практическими отношениями с каждой категорией жизни.

Этот моральный элемент неизбежно входит в наше отношение к животному миру от его низшей до высшей формы. Наше отношение к обезьяне или принцу содержит элемент морального отношения, которого нет в нашем отношении к неорганической природе.

Это разница как в роде, так и в степени, игнорировать которую было бы слепотой.

Разногласия, которые сегодня существуют между некоторыми исследователями биологии и их критиками, основаны на неспособности признать, что моральная ошибка может породить интеллектуальную ошибку.

Особым предметом, вызвавшим эти разногласия, является современный метод использования низших животных в биологических исследованиях, который так сильно расширился в последние годы. Суть спора заключается в этическом вопросе: имеем ли мы право на пытки?

Следует четко понимать, что здесь не идет речь о нашем праве при определенных обстоятельствах предавать животных смерти. Нет сомнений и в полезности рациональных экспериментов и исследований. Но право предавать смерти самым гуманным из известных нам способов и право пытать до смерти - это два совершенно разных вопроса.

Мы не имеем права, с какой бы то ни было целью, мучить живое существо до смерти, будь то калечение органов, медленное лишение необходимых условий жизни или еще более медленный процесс уничтожения путем прививки болезни.

ГЛАВА IV

Правильный и неправильный метод

Следует тщательно отметить, что неправомерность применения пыток к живому существу заключается в нарушении рационального принципа. Применение пыток или болезненных экспериментов в биологических исследованиях - это не вопрос права на получение знаний; это вопрос того, как мы стремимся их получить. Это напрямую относится к методу.

Так, факт, подмеченный Пэджетом, когда у пациента, извергавшего весь жир, при вскрытии была обнаружена большая поджелудочная железа, стоит больше, чем серия экспериментов на низших животных, отличающихся по конституции от наших.

В медленном приближении к истине, которая является великой целью науки, ни один метод не является обязательным. Человеческий разум настолько полон деятельности, природа

представляет такое бесконечное разнообразие ресурсов, что прогресс в исследованиях никогда не может быть затруднен выбором правильного, а не неправильного метода.

Об этом хорошо сказал один из наших самых опытных исследователей, когда сказал: "Методики проистекают нравов и обычаев веков. В науке нет ни одного метода, который можно было бы считать незаменимым. Атрибуты незаменимы; наблюдение, индустрия, точность незаменимы; методы - нет. Они могут быть удобны, они могут быть полезны, они могут быть целесообразны, но не более того"[10].

Это замечательное высказывание бросает поток света на путаницу и недоумение нынешнего спора. Оно показывает ошибку как так называемых ненаучных, так и научных сторон. Оно показывает ошибку (неестественную) первых, которые смешивают вместе эксперименты, исследования, лаборатории и научные изыскания и объединяют их под одним огульным запретом жестокости; оно также показывает узкое видение и ложные рассуждения тех, кто утверждает, что добро и зло не имеют никакого значения, когда применяются к исследованию явлений, якобы выявляемых органами чувств, или заявляет, что сбор так называемых фактов, называемых знаниями, является самоцелью, которая должна быть необузданной и оправданной сама по себе.

Интересная книга "*Натуралист в Ла-Плате*", повествующая о наблюдении автора за естественным бесстрашием всех диких животных по отношению к человеку, о тщательном исследовании жизненных условий, которые можно вести там, где это бесстрашие не передается, и о восприимчивости к доброте, которая существует среди всех низших животных к их суверену, человеку, представляет собой поразительное и восхитительное предложение относительно *метода*, которым должны руководствоваться будущие исследования[11].

Именно отличительные моральные отношения, существующие в плоскости животной жизни, делают нашу связь с органическим миром иной и более всеобъемлющей, чем та, что существует с неорганической природой. Это ставит исследования в области биологических наук в иную плоскость, чем исследования в области физических наук.

Поэтому, если для обычных людей было бы глупо критиковать методы экспертов в области физических наук, то для нас было бы подлым нарушением долга не рассмотреть методы, используемые в биологических науках.

Тема экспериментов над низшими животными имеет два аспекта - этический и интеллектуальный - медицинская профессия будет мудро приветствовать любую честную и доброжелательную критику и предложения в самом трудном из всех исследований - изучении жизни. Следует признать, что люди абсолютно правы, отказываясь подчиняться диктату в том, что касается их отношения к жизни животных, ответственным главой которой они являются.

ГЛАВА V

Необходимость медицинских исследований

Полностью признавая право мирян критиковать научный метод, когда он имеет дело с разумными животными, созданными по тому же общему плану, что и мы, и способными испытывать страх, боль, привязанность и благодарность, мы должны рассмотреть еще один аспект этого вопроса.

В настоящее время медицина представляет собой искусство, а не науку. Ошибочно говорить о науке медицины. Существует неопределенность в диагностике, неуверенность в действии лекарств, незнание индивидуальной идиосинкразии и ужасная неспособность справиться с такими разрушительными болезнями, как рак, чахотка, проказа и т. д.

Никто вне профессии не может в полной мере осознать ту серьезную ответственность, даже отчаянную тревогу, которую испытывает добросовестный врач, когда от его действий зависит жизнь или смерть, а он знает, что медицинские ресурсы не соответствуют случаю. Именно благородное стремление к развитию благотворного искусства медицины заставляет огромное количество занятых врачей с нетерпением слушать тех, кто должен говорить с авторитетом, и с надеждой приветствовать каждое сообщение о предполагаемом открытии, которое, как кажется, обещает улучшение практических результатов.

Это действительно здравая гуманная позиция в отношении тех представителей профессии, которые не могут из-за давления практической жизни посвятить себя исследованиям - профессии, которая всегда имела своих героев и мучеников, которые не стеснялись рисковать своей жизнью ради служения и продвижения своего благородного искусства.

Те, кто также работает в этой профессии, могут наиболее полно оценить реальные и полезные результаты, как в хирургии, так и в медицине, полученные в результате тщательных и настойчивых исследований, несмотря на сильное разочарование, часто вызванное теоретическими ошибками и неоправданной практикой, являющейся результатом соперничества в ошибочных методах исследования. Победа над болью и уменьшение нервного шока при необходимых хирургических операциях, [\[12\]](#) исчезновение заражения крови, госпитальной гангрены и эризипелаза, которые были бичом наших общественных учреждений в прошлом поколении, - это огромные достижения, обусловленные открытием анестетиков, антисептиков и развитием санитарии. Эти блага - прямой результат настойчивых и умелых клинических наблюдений, тщательной работы в лаборатории, гуманных экспериментов и счастливой случайности; они не являются результатом жестоких экспериментов.

Успешная борьба с этой ужасной болезнью - пуэрперальной лихорадкой, - которая раньше уничтожала такое количество женщин, является поразительным завоеванием гуманного метода в современной медицине. Когда в 1849 году я был студентом парижского госпиталя La Maternité, смертность от этого разрушительного недуга лежащих женщин составляла от 10 до 15 процентов. Но когда я посетил La Maternité в 1889 году, смертность снизилась до чуть более 1 процента. Это произошло благодаря строгой чистоте, санитарии и использованию антисептиков под руководством искусной *мудрой женщины-шефа* мадам Анри, несмотря на старые и непригодные здания и удручающее состояние многих пациенток.

Еще более удовлетворительные результаты показывает роддом в Клэпхэме (Лондон), где среди 760 больных, впервые поступивших в это учреждение, не было ни одного случая смерти.

Этот прекрасный результат сохраняется и сейчас при той же администрации. Из 4 000 случаев лежания в больнице за тринадцать лет ее существования не было ни одного случая смерти от послеродовой лихорадки. Этот прекрасный результат был достигнут благодаря скрупулезной чистоте, абсолютной изоляции при появлении подозрительных симптомов, отличному уходу и постоянному наблюдению со стороны лечащих врачей. Даже в амбулаторном отделении, где условия жизни не находятся под таким строгим медицинским контролем, смертность от этой страшной болезни составила всего 5 случаев из 12 500 под таким же просвещенным руководством.

Эта великая и благотворная реформа в первой и всемирной отрасли медицины, с помощью которой были спасены жизни бесчисленных женщин во всех крупных центрах нашей цивилизации, является результатом научных исследований. Она была начата и успешно проведена Земмельвейсом из Вены и является ярким примером ценности исследований, проводимых с использованием сравнительного метода, без применения эксперимента. История этой реформы, методы, с помощью которых она была проведена, противодействие, с которым она столкнулась в самой профессии, и ее триумфальное подтверждение заслуживают серьезного изучения. Отчет об этом ценном исследовании и других важных открытиях, сделанных с помощью оправданных методов исследования, предоставлен английским читателям в замечательном переводе, опубликованном Нью-Сайденхемским обществом[13].

Медицинские исследования, таким образом, не только оправданы, но и обязательны для профессии, на которую возложена особая забота о здоровье людей и нации, и, как будет показано далее, наблюдение, индукция и рациональный эксперимент являются основными методами научного поиска.

Эти два факта - необходимость прогресса в медицинском знании и методы исследования, необходимые для такого прогресса, - должны быть четко признаны искренними реформаторами и должны оградить профессию от огульных упреков, которые часто делаются против нее в целом; ведь такая враждебность имеет тенденцию укреплять тот ненужный *esprit de corps*, который часто препятствует здравому медицинскому прогрессу в профессии.

ГЛАВА VI

Ограничение экспериментов

Когда мы изучаем популярный или этический аспект так называемых научных исследований, проводимых на живых животных, мы сразу же сталкиваемся с фактами, которые настоятельно требуют серьезных размышлений и решительных действий, если мы не хотим стать участниками деградации человеческой совести. Мы сталкиваемся с огромным ростом числа подобных экспериментов, произошедшим за последние тридцать лет, а также с жестокостью причиняемых страданий. Этот рост происходит как в Англии, так и в других странах.[14] Во многих случаях он растет не только без какой-либо пользы для человечества, но и без ссылки на какой-либо предполагаемый положительный результат в качестве его предполагаемого оправдания.

Том фактов и доказательств, собранных мистером Коламом (компетентным секретарем Королевского общества по защите животных) и опубликованных этим обществом в 1876 году, представляет собой постоянный отчет, имеющий огромную ценность. Он позволяет нам измерить рост экспериментов в Англии не только с 1862 по 1876 год, когда был принят настоящий законопроект о жестоком обращении с животными, но и является точкой сравнения для проверки роста вивисекционных методов с 1876 года по сегодняшний день, когда эти простые, но часто ошибочные методы исследования стали универсальными в медицинском исследовании и медицинском обучении.

В 1869 году было очень мало мест, где можно было проводить эксперименты на животных; такие исследования проводились людьми редких способностей и с определенной целью. Не

было ни демонстрационных классов, ни студентов, поощряемых к экспериментам. Но в 1892 году в этой стране было 180 человек, получивших лицензию, и проведено более 3 960 экспериментов, число которых растёт с каждым годом.

Влияние на студентов и подчиненных... Необходимо серьезно рассмотреть вопрос о том, какое влияние оказывает на неокрепшие умы студентов-медиков введение экспериментов на живых животных в наших медицинских школах и больницах.

Проведение разрушительных экспериментов на живых существах теперь является частью обычного обучения студентов-медиков фундаментальному предмету - физиологии. Это новшество нынешнего поколения. За все время моего обучения медицине, пятьдесят лет назад, я ни разу не видел, чтобы живые существа подвергались вивисекции для обучения студентов. То же самое можно сказать и об опыте большинства способных врачей старшего поколения.

Сейчас, однако, почти в каждом медицинском колледже есть запас живых существ, заключенных в тюрьму и ожидающих своей участи, начиная с больших лягушек, привезенных из Германии, мышей, кроликов, кошек и собак домашнего производства и заканчивая грузами обезьян, привезенных в наш туманный климат из тропической Африки. Они образуют огромную массу живых существ, которых держат для демонстрации жизненных действий в лекционном зале или для изучения болезненных процессов в физиологической лаборатории.

Заблуждение (хотя оно и провозглашается в высших кругах), что обычный студент-медик должен быть подготовлен к своей практической работе в качестве врача для людей, наблюдая за вскрытием грудной клетки, брюшной полости, мозга или разрезанием нежных жизненно важных органов низших животных. Такая демонстрация - захватывающее зрелище для неопытных студентов. Оно вызывает к той любви к азарту, которая заставляет их бросаться на хирургическую операцию или на необычный медицинский случай, в то время как обычное, но очень важное наблюдение у постели больного кажется скучным по сравнению с этим. И все же работа с пациентами в анатомическом и микроскопическом кабинетах, в химической лаборатории по общей химии и химии животных, а также тщательное клиническое исследование, не предполагающее никаких страданий, имеют первостепенное значение. Гениальность профессора как преподавателя проявляется в его способности заставить своих учеников осознать это.

Разрушительные эксперименты на беспомощных животных, не для их собственного блага, - это деморализующая практика. Студент знакомится с использованием кляпов, ремней, винтов и всей атрибутики хитроумных инструментов, изобретенных для преодоления сопротивления живого существа или для защиты оператора от травм в случае, если анестетик, когда он используется, заканчивается слишком быстро. Он также узнает, как легко проводить секретные эксперименты.

На курсах повышения квалификации и в аспирантуре студента подталкивают к активному участию под лицензированным руководством в этом увлекательном, но морально опасном методе исследования. Более того, огромное количество подчиненных, необходимых для ухода за животными и их подготовки, обучают безразличию к страданиям, без всякого оправдания интеллектуальной выгоды, и то же пагубное влияние распространяется во все более широких кругах на торговцев, которые изобретают и продают инструменты для пыток, и на тех, кто поставяет живой материал.

Природный инстинкт, который следует лелеять в человеке, - это защита и доброта к младенцам и всем беспомощным существам, а не безразличие к страданиям или их умышленное причинение. Поскольку человеческая совесть - вещь растущая или деградирующая, естественное неприятие ненужной боли может вскоре превратиться в черствость. Беседуя со студентами-медиками о том, какой эффект производит на них наблюдение вивисекции даже под хлороформом, я обнаружил, что их впечатления всегда одинаковы - сначала шок отвращения, затем терпимость, а потом, если часто повторять, безразличие.

Моральная деградация, неизбежно вызываемая у тех, для кого страдания становятся частым зрелищем, отмечена *англичанином в Париже* на личном опыте. Рассказав о бесчеловечности, которую порождает ежедневный вид крови у изначально честных буржуа, ставших "конвенционалистами" Французской революции 1793 года, он пишет следующее: "Я был свидетелем трех казней. После казни Поммерайе мне было плохо в течение недели; после казни Троппмана эффект скоро прошел через три дня; после казни Кампа я перестал думать об этом через двадцать четыре часа. Тогда я дал себе зарок, что никакая сила на земле не сможет снова заманить меня на площадь Рокетт. Но мужчины обычно считают свою растущую непроницаемость признаком душевной силы и гордятся ею".

В *Дневнике* Мари Башкертсефф есть поразительный отрывок, описывающий эффект от боя быков в Испании. Она говорит: "Мне удавалось сохранять спокойствие на виду у бойни, проводимой с предельной жестокостью. Покидая сцену, человек слегка пьянеет от крови и испытывает желание вонзить копье в шею каждого встречного. Я вонзил свой нож в дыню, которую резал за столом, как будто это была бандерилья, которую я всаживал в шкуру быка, и мякоть показалась мне бьющейся плотью раненого животного. От этого зрелища дрожат колени и пульсирует голова. Это урок убийства".

Моральное различие между героизмом, проявляемым, когда страдания наблюдаются с целью помочь страдальцу, и героизмом, проявляемым из эгоистического желания личной выгоды или возбуждения, было поразительно продемонстрировано немецкой медсестрой, которую мы отправили в армию во время Гражданской войны в Америке. Эта хрупкая на вид женщина попала на фронт и после битвы при Геттисберге, надев пару мужских сапог, пробираясь через лужи крови и грязи, провела два дня и ночи на поле брани, вытаскивая еще дышащие тела из куч убитых, перевязывая раны, давая выпить воды, подкладывая под голову грубую подушку, в бескорыстном энтузиазме, не знавшем ни голода, ни усталости. Чудовищные раны, кровь, крики и стоны этой ужасной сцены служили лишь топливом для огня человечности, который поглощал ее.

Влияние на преподавателей или практикующих врачей. Рассматривая тему экспериментов, разум требует, чтобы мы осознали необходимое различие между методами, используемыми для подготовки студентов к практической профессии, и исключительным положением немногих гениев, обладающих редким сочетанием качеств, необходимых для научных исследований. Обращая внимание на это различие, мы не оправдываем пытки, поскольку можно доказать, что они ненаучны. Но оно подчеркивает растущее и злое зло современности, когда множество обычных преподавателей физиологии, чьи дарования ограничены и чьим особым делом является обучение студентов достигнутому знанию, считают себя способными на оригинальные научные исследования, или пытаются повторить перед студентами или популярной аудиторией так называемые демонстрации на живых существах.

Демонстративный план проведения экспериментов на животных, несомненно, является большим соблазном для преподавателей. Такая практика легко вызывает одобрительные аплодисменты неопытных учеников, которых вводит в заблуждение видимость убедительности лекций, которую они совершенно не в состоянии оценить. Но влияние, оказываемое таким образом, пагубно, оно отвлекает ум от правильных методов обучения.

Соблазн покрасоваться перед недостаточно информированными людьми слишком велик. Если профессия хочет продвинуться в народном уважении, она должна признать, что бесчувственное уничтожение живых существ, даже питтинг лягушки или препарирование слюнных желез живой мыши, - это ложный метод формирования сознания студентов, от которого следует полностью отказаться.

Здесь мы должны отметить требование, выдвинутое в последнее время некоторыми ведущими представителями профессии, о расширении возможностей для проведения экспериментов на животных. Каждый, кто изучит Билль о жестоком обращении с животными (30 и 40 Vict.), который в 1876 году разрешил вивисекцию в Великобритании,^[15] увидит, как легко теперь получить лицензию и как тщательно разработаны положения Билля, чтобы дать свободу экспериментам - фактически, чтобы защитить экспериментаторов, а не их беспомощные жертвы. Так, в то время как в разделе 2 за акты жестокости предусмотрен штраф в 100 фунтов стерлингов или три месяца тюремного заключения, в разделе 3 законопроект предоставляет абсолютную свободу каждому лицензированному лицу пытаться, калечить, вызывать болезни в любой степени, если он считает это целесообразным. В разделе 11 он предоставляет чрезвычайно широкие возможности для получения лицензий. Разделы 7-10 делают практически невозможным эффективный надзор за лицензированными лицами, а положения разделов 13-15 практически исключают влияние растущей в обществе гуманной совести на лиц и места, получившие лицензии. Короче говоря, законопроект, скорее, кажется искусно придуманным для того, чтобы дать свободу действий лицам, которые могут называть себя "учеными", чем для защиты живых существ, которые не могут защитить себя сами.

Довод, выдвинутый упомянутыми джентльменами, а именно, что медицинский прогресс в настоящее время сдерживается в Англии ограничениями, практически является оправданием бесчеловечной практики, которая преобладает во Франции, Германии, России, Соединенных Штатах и во всех странах, где совесть людей не была пробуждена к моральным и интеллектуальным опасностям, связанным с пытками животных^[16].

Конечно, эти английские врачи, требующие полной свободы для вивисекции, не понимают, к чему приводят иностранные методы. Они не могут обратить внимание на бесчисленные примеры зверской жестокости, которые встречаются в отчетах о медицинских исследованиях, практикуемых на континенте и в Америке.

Они не могут принять к сведению такие типичные примеры, как совершенно бесполезное варварство Сенна из Филадельфии, поджигающего собаку, которую он накачал газообразным водородом, перед медицинским конгрессом в Берлине в 1890 году. Не стоит забывать и об экспериментах по массажу на серии крупных собак, которые проводились в парижской лаборатории профессора Шарля Рише не только с разрешения, но и при консультативной помощи этого джентльмена. Более неоправданного набора экспериментов не было придумано.

Конечно, ни один из уважаемых английских врачей, которые имеют привычку читать *Les Archives Générales de Médecine*, не осудил бы такие ошибочные эксперименты, где притворство анестезии служило для уменьшения сопротивления жертв, а не для уничтожения боли.

Факторы человеческой природы. - Никогда не следует забывать, что азарт или дух излишнего подражания существует во всех классах людей - как в биологических исследователях, так и в других, - и он нуждается в руководстве или сдерживании.

Немецкий офицер Рейзенштейн испытывал сильные угрызения совести за убийство своей прекрасной ирландской кобылы Липпеспринг, но он и его товарищи замучили до смерти тридцать лошадей под влиянием временного помешательства, вызванного острым соперничеством. Но общественное сознание смогло унять это варварство и тем самым предотвратить повторение подобных отклонений в будущем.

Так и в биологических исследованиях мы видим губительные последствия индивидуального и национального соперничества. Они проявляются в противоречивых результатах ложных методов наблюдения, в бесконечном повторении одинаковых болезненных экспериментов, в борьбе противоречивых теорий и в практическом провале результатов, полученных на низших животных, когда они применяются к человеческой расе.

Моральное чувство благородной профессии вполне может быть призвано создать совесть, которая остановит нынешние серьезные злоупотребления в так называемых исследованиях.

ГЛАВА VII

Пруриго Секанди

Другой серьезной этической опасностью, связанной с безудержными экспериментами над низшими животными, является огромный рост дерзкой человеческой хирургии, которая стремится превзойти медленные, но более естественные методы медицинского искусства и отвлечь внимание от гигиены.

Этот современный рост хирургии, влекущий за собой постоянное увечье, получил особое название, *prurigo secandi*, или *sacoethes secandi*. Она преобладает во Франции и во всех странах, где нет ограничений на эксперименты над животными^[17] или где не признается важность того, чтобы не навредить моральному чувству студентов.

Значительный рост овариотомии и ее распространение на душевнобольных является заметным результатом этого *prurigo secandi*.

Доктор Шану в своей тщательно подготовленной диссертации 1896 года, разоблачая серьезные злоупотребления в этой области хирургии, подсчитал, что во Франции было 500 000 кастрированных женщин, а во всей Европе - одна из каждых 250 женщин. Он считает, что снижение рождаемости совпадает со злоупотреблением овариотомией. Доктор Шану утверждал перед присяжными, неспособными опровергнуть его утверждение, что злоупотребление овариотомией нанесло Франции за десять лет больше вреда, чем прусские пули в 1870 году, и что причины депопуляции Франции тесно связаны с практикой кастрации женщин".

Профилактика болезней детородных органов должна настойчиво искаться в улучшении образования молодежи - как мужчин, так и женщин - и в *справедливых* отношениях между полами.

Мотивы или источники многих лабораторных экспериментов имеют ту же природу, что и *prurigo secandi* в медицинской практике.

Различные этические опасности, возникающие в результате бессознательных или нерациональных экспериментов над животными, требуют более серьезного рассмотрения со стороны профессии, чем это делалось до сих пор. По мнению все большего числа разумных врачей, огромное количество того, что сейчас самонадеянно называют исследованиями - эксперименты, замаскированные под учеными названиями, но на самом деле являющиеся иррациональным калечением и болезнями разумных живых существ - не более *научные* исследования, чем удовлетворение любопытства ребенка, когда он просовывает булавку с ниткой в петуха, чтобы посмотреть, как долго он будет летать и как громко жужжать. Ребенок, наказанный за необдуманную жестокость, может заученно возразить, что его нельзя сдерживать, потому что он исследовал жизненную выносливость *Melolontha vulgaris* и акустические свойства ее крыльев в интересных и ненормальных условиях.

Значительная часть того, что является просто бессовестным любопытством, часто начинающимся с более или менее легкомысленных пробных диверсий в лаборатории, хотя теперь это любезно названо исследованиями, не более ценна, чем детское кружение петуха, и должна быть так же резко пресечена.

Генезис открытий в биологии, с его необходимыми связями с терапией, еще предстоит написать. Расширяющийся опыт все яснее показывает нам, как практический факт, что в то время как наблюдение и рациональный - т.е. гуманно ограниченный - эксперимент являются законными и благородными усилиями для достижения улучшенной медицины, жестокий и просто любопытный эксперимент, осуждаемый нашими моральными способностями, является вводящим в заблуждение и вредным.

Такие люди, как профессор Хеншель из Упсалы и профессор Петтенкофер из Мюнхена, предостерегают наших молодых исследователей от выводов, касающихся человека, на основании экспериментов, проведенных на животных.

На самом деле мы видим, что все *постоянные* достижения медицины были достигнуты при использовании рациональных и справедливых методов, в то время как все фиаско предполагаемых открытий были вызваны отступлением от них.

Анестетики, антисептики и санитария не являются результатом жестоких экспериментов.

Опасность прививок. - Самым серьезным заблуждением, вытекающим из ошибочных методов биологических исследований, является практика витализации человеческой крови путем введения в нее продуктов жизнедеятельности больных животных. Этот опасный метод, угрожающий подорвать здоровье нации, является необходимым результатом заражения животных под предлогом поиска лекарств от человеческих болезней.

Интеллектуальное заблуждение, связанное с этой практикой, будет рассмотрено позже, но этический характер, затрагивающий совесть, должен быть отмечен здесь, поскольку именно

это направление исследований приводит к наиболее распространенной форме жестокости по отношению к низшим животным - *медленным* пыткам.

Следующая выдержка из отчетов Бельгийской медицинской академии иллюстрирует эту тему: "Исследования по прививаемости рака должны поощряться. Многочисленные эксперименты, проведенные на животных, все еще дают противоречивые результаты. В 1891-92 годах доктора Франкотте и Де Ректор прививали мышей под кожу плеча. Прививки проводились с июня 1891 года по май 1892 года, когда были получены следующие результаты: Вся область плеча была воспалена; произошел некроз соответствующей верхней конечности, которая отпала от сухой гангрены; оставшаяся культя была индурированной, твердой и болезненной, а лимфатические железы, связанные с этой частью, были увеличены. Осмотр опухоли не выявил ничего особенного. В костях был обнаружен остеопороз, а в артериях - артериит. Следовательно считают, что опухоли были раковыми, но к этому утверждению следует отнестись с осторожностью".

Такая длительная пытка, даже мышьяная, морально унижительна и, словно в отместку, обречена на бесполезность.

Китайский медик Туан Мэй, писавший в прошлом веке, с 1716 по 1797 год, излагает истинную медицинскую аксиому, когда обозначает разницу между смертью и пыткой следующим образом: "Живые существа предназначены для нашего использования, и мы можем предавать их смерти. Но мы не можем делать смерть благом, а затем отказывать им в ней".

ГЛАВА VIII

Что такое научные исследования?

Очевидное противостояние между народным и медицинским мнением в отношении некоторых методов биологических исследований, претендующих на научность, требует более четкого понимания того, что такое наука, и признания методов исследования, которые только и могут называться научными.

Несомненно, что познание истины должно примирять различные, но честные мнения и разрабатывать планы исследований, которые не будут ни шокировать гуманное развитие нашей природы, ни препятствовать нашему интеллектуальному прогрессу на пути к истине.

Термины "наука" и "научный" постоянно используются и злоупотребляются. Их часто применяют к накоплению фактов или явлений; но такое накопление не обязательно является наукой и может даже мешать ей. Ведь хотя сбор фактов может собрать ценные материалы, необходимые для будущего использования, он также может собрать гнилые или фиктивные материалы, которые будут мешать нормальной работе. Неправильный метод получения фактов может серьезно подорвать ценность наблюдаемых явлений.

Нельзя путать удовлетворение интеллектуальной активности или любопытства с подлинным исследованием. Любопытство - это результат невежества. Наше незнание многого в природе никому не вменяется в вину, но то, как удовлетворяется любопытство, определяет разницу между простым ребенком и разумным взрослым. В детском развитии любопытство, хотя и полезное, поверхностно и недальновидно; это обязательно поверхностный импульс, который не может осознать широкие связи существования, и его удовлетворение не имеет

необходимой связи с приобретением ценных знаний. Но взрослый человек поднимается на более высокий уровень мышления. Любопытство больше не проявляется неоправданно, а перерастает в любовь к истине. Оно превратилось в то благоговейное использование разума, которое является основой истины и служит истинным руководством к достижению научного знания; ведь рациональный метод не изолирует факт от всех его связей, а рассматривает его в его отношениях и в должной пропорции. Только так можно получить ценное знание.

Анализ также не является наукой. Только когда наблюдения анализа корректируются и подтверждаются синтезом, можно получить истину науки.

Четкое осознание разного использования анализа и синтеза необходимо в любой претензии на то, чтобы назвать исследование научным. Хотя при анализе мы разделяем, а при синтезе объединяем, в синтезе есть нечто большее, чем во всех частях, взятых аналитически. Простой синтез вносит нечто совершенно новое".

Кант, говоря об использовании анализа и синтеза в логике, закладывает критерий всего научного исследования. Он говорит: "Анализ - это первое и главное требование для того, чтобы сделать наше знание отчетливым. Ибо чем отчетливее наше знание о вещи, тем сильнее и эффективнее оно может быть; только анализ не должен заходить так далеко, чтобы в конце концов исчез сам объект".

Истина - это единство, и наука, которая ее демонстрирует, должна соотнести все знания.

Наука, таким образом, не является накоплением изолированных фактов или фактов, оторванных от их естественных связей. Научно познать вещь - значит познать ее в справедливом отношении ко всем остальным вещам. Ведь наука объединяет и требует применения различных способностей, а также органов чувств.

Наука - это доказанное знание. Это изучение причин и их отношений, применяемых к фактам; но такое доказательство может быть получено только путем поиска, который соответствует законам природы - законам, которые постепенно открываются нашей расой.

Естественный закон выводится из всех фактов человеческого опыта, при поиске и сборе которых мы должны признать условия, в которых мы находимся, ограниченность нынешней фазы наших интеллектуальных способностей, постепенный рост совести.

Наука доказывает истину, научный метод требует, чтобы все факторы, касающиеся предмета исследования, были должным образом рассмотрены, чтобы прийти к правильной мысли относительно специального предмета исследования.

Поэтому применение научного метода обязательно варьируется в зависимости от исследуемого объекта.

Так, строительство моста и расчет затмения в равной степени предполагают основы научного метода - наблюдение, дедукцию и эксперимент; но каждый предмет требует особого применения научного метода, соответствующего различной природе объекта исследования.

Следовательно, биологические исследования, чтобы быть научными, требуют особой модификации метода, потому что в биологии вступают в игру новые факторы ощущения и сознания - факторы, которых нет ни в астрономии, ни в геологии, ни в механике, ни в физике, ни в химии.

Поэтому, чтобы достичь истины в биологии, факты, касающиеся ощущений и сознания, и их связь с физикой и химией, или то, как эти новые факторы изменяют факты физики и химии, должны быть тщательно рассмотрены в этом высшем состоянии, которое мы называем жизнью, иначе исследование не будет научным, независимо от того, насколько оно интересно как интеллектуальное упражнение.

Когда я впервые попытался найти признанное определение термина "наука", я обратился к последней версии *"Британской энциклопедии"* из нашей публичной библиотеки, думая, что от такого признанного авторитета можно получить правильное утверждение. К своему удивлению, я обнаружил, что слово "наука" не было включено в список предметов. Поискав дальше в этой летописи мысли девятнадцатого века, под заголовком "Биология" - тот отдел, который обычно считается наукой о жизни, в отличие от рассмотрения неживых вещей, - я обнаружил следующий принцип: не существует существенной разницы между организованной и неорганизованной природой, поскольку жизнь - это просто свойство материи.

Хорошо бы взвесить аргументы в пользу этой доктрины, которая неизбежно разрушает основную идею добра и зла и устраняет основу добра и зла. Она излагается следующим образом:

"Абстрактно-конкретными науками являются механика, физика, химия..... В то время как их предметом является рассмотрение разнообразных конкретных явлений, они не направлены на определение определенных "абстрактных" количественных отношений и последовательностей, известных как "законы", которые никогда не проявляются в чистом виде, но всегда выводятся путем наблюдения и эксперимента над сложными явлениями, в которых абстрактные законы замаскированы их одновременным взаимодействием..... Эти науки - механика, физика и химия - имеют своей целью объяснить конкретные явления, ссылаясь на свойства материи, изложенные в их обобщениях".

Таким образом, в отношении биологии сформулирована следующая важная сентенция:

"Дело тех, кто занимается этой отраслью, - подчинить живые существа во всем их разнообразии единому набору сил, признанных физиком и химиком... а их эволюцию" (то есть эволюцию жизни) - "как необходимый результат этих сил - автоматический продукт этих же сил..... Открытие механического принципа эволюции завершило доктрину" (о материальном происхождении жизни). "... Можно сказать, что она включает в себя историю человека, социологию и психологию - выживание сильнейших в борьбе за существование".

Это игнорирование *"Британской энциклопедии"* любого определения слова "наука", а также попытка свести жизнь к свойству материи, однако, является слишком ограниченным взглядом на природу, чтобы быть принятым многими вдумчивыми студентами в наши дни. Поэтому, обратившись к *"Циклопедии"* Чемберса, которая является последним выражением взглядов способных мыслителей Северной Британии, было найдено объяснение термина "наука", которое гораздо вернее соответствует передовой мысли. Там дается исчерпывающее определение, согласно которому наука "является корреляцией всех знаний".

Поскольку наука ищет причины и их взаимосвязи и доказывает знания, то ни одна отрасль знаний или метод получения знаний не может считаться научным, если он противоречит каким-либо фактам природы или основывает свои методы на разрушении этих фактов.

Истина может быть достигнута только путем рассмотрения различных или, по-видимому, противоположных аспектов человеческих проблем; поэтому биологические факты, или проблемы организованных или живых существ, должны рассматриваться не просто со стороны "механики, физики и химии, или автоматического действия сил материи", но и со стороны столь же позитивных фактов жизни, и сил, которые, как постепенно показывает тщательное наблюдение, заключены в факте разума, развитого через протоплазму и далее. Факты привязанности, товарищества, симпатии, справедливости - это позитивные силы. Они оказывают мощное влияние на физическую организацию всех живых существ.

Эти психические силы могут самым удивительным образом изменять действие телесных функций, останавливая работу сердца, вмешиваясь в секрецию или превращая естественную секрецию в яд, а также разрушая нормальное и благотворное контролирующее действие нервной системы. Опытным путем доказано, что они настолько поразительны, что их невозможно не заметить при беспристрастном исследовании природных сил.

Приступ страсти у кормящей матери погубил ее младенца; трудолюбивый земледелец, видя, как его клубничное поле, продукт его труда, уносят вору, падал замертво в своих тщетных попытках остановить жестокое разграбление. Но такие случаи происходят во всем мире и подтверждаются опытом каждого. Они доказывают, что, хотя в животном хозяйстве задействованы силы механики, физики и химии, существуют также силы, далеко за пределами этих ограниченных сил, которые также должны быть изучены в биологических исследованиях, если мы хотим узнать, как эти физические силы могут быть преодолены психическими силами. Без такой взаимосвязи знаний мы не осознаем единства Природы и не сможем достичь истинной науки или доказанного знания.

Таким образом, становится ясно, что, как уже говорилось, в полезном научном исследовании необходимо учитывать объект, который должен быть достигнут, метод, который будет использован, и применение, которое будет сделано из искомого знания, чтобы определить различие между подлинной наукой и простой неуправляемой интеллектуальной деятельностью или любопытством.

Необходимо подчеркнуть этот факт, потому что это жизненно важное различие часто упускается из виду в претензиях на грандиозный термин "наука".

При определении значения и масштабов науки, которой занимаются разумные существа, необходимо признать фундаментальный принцип, на котором нельзя слишком часто останавливаться: то, что мы можем сделать, не является мерилем того, что мы должны делать. Так, когда Стэнли попытался оправдать позорный поступок своего натуралиста Джеймсона^[18], сказав, что тот был действительно хорошим человеком, но "его наука ввела его в заблуждение", он унизил термин "наука", применив его к акту болезненного любопытства.

Опять же, когда русский дворянин купил ребенка и обрек его на воспитание с глухонемой няней, в противоестественных условиях лишения всех социальных связей, его поступок был не научным, а удовлетворением нечеловеческого любопытства.

В наших силах утопить животное, человека или зверя, и возвращать его к жизни снова и снова, но мы не получаем при этом никаких научных знаний. Мы мучаем животное и нарушаем свои природные инстинкты, но не получаем никакой практической пользы для человеческого благополучия; напротив, мы подвергаем опасности психическую целостность экспериментатора.

Это недальновидная и безнадежная попытка совершить насилие над природой в поисках научной истины. Необходимо проводить различие между возможным и невозможным в тех условиях, в которых мы находимся в жизни. Так, мы не можем уничтожить семейные отношения, но можем сделать их счастливыми и способствующими благополучию расы. Мы не можем изменить метод человеческого поколения, но можем одухотворить его. Мы не можем уничтожить инстинкт частной собственности, но мы можем направлять и ограничивать его. Мы не можем изменить структуру, но мы можем ее воспитать; не можем уничтожить любопытство, но мы можем его сдерживать и направлять; не можем обуздать изобретательство, но оно не должно быть направлено на дурные цели. Мы также не можем сделать расы равными, но мы можем установить справедливость и милосердие в отношениях сильных к слабым.

Изучение естественных законов, которые неизбежно ограничивают рациональные действия человека, с особой силой применимо к биологическим исследованиям и объясняет причину ограничения научного метода.

Так, изучение живых существ в неестественных или разрушительных условиях, хотя и может быть благонамеренной попыткой получить знания, тем не менее, является опасным. С интеллектуальной точки зрения это ложный метод, который может привести к практической ошибке и породить лабиринт путаницы и противоречивого опыта, препятствующего достижению точного знания. С моральной точки зрения это ложный метод, потому что он наносит ущерб тем элементарным инстинктам справедливости и милосердия, благодаря которым развивается цивилизация. Таким образом, прогресс расы замедляется.

Нынешнее поразительное умножение лекарств, прививок, калечащих средств в медицинской практике, с нетерпеливыми попытками доказать каждое новое изобретение с помощью грозного массива несовершенной статистики, является ярким наглядным уроком того, в какую ошибку ложные методы исследования ввергли многих представителей благородной и гуманной профессии. Это заблуждение, неизбежно вытекающее из неверного представления о том, чем на самом деле является наука.

И хотя это заблуждение связано отнюдь не только с методами вивисекции, тем не менее, если высокие претензии, которые благородное искусство медицины предъявляет к продвижению нашего социального благосостояния, справедливы, на нем лежит строгое обязательство не наносить ущерб нравственному чувству своих членов методами, используемыми в образовании или на практике.

ГЛАВА IX

Аксиома науки

Фундаментальный закон, без соблюдения которого невозможно достоверное биологическое исследование, сформулирован следующим образом:

"Изучая законы как органической, так и неорганической природы, экспериментатор должен быть осторожен, чтобы не разрушить исследуемое явление".

Интеллектуальная ошибка, равно как и практическая опасность, возникает при попытке перенести на человека результаты, которые, как предполагается, были получены в результате ошибочных экспериментов над низшими животными. Ошибка заключается в том, что отмечается общее сходство строения, но не замечаются гораздо более значительные различия в функциях. Если, например, внимательно изучить жизненные привычки двух собак хорошей породы, то станет ясно, что, хотя между ними и наблюдаются определенные индивидуальные различия, они ничто по сравнению с огромной вариацией функций между собакой и человеком. Кости и мусор, проглоченные без повреждений, и вылизывание тела свидетельствуют о другом типе пищеварения и ассимиляции, о действии почек, различных органов чувств и о наличии чувств, которые мы не в состоянии оценить; короче говоря, отличительный тип существования доказывает невозможность делать безопасные для человека выводы из пищеварительных или других собачьих функций. Опять же, наблюдения и рациональные эксперименты, направленные исключительно на пользу одного вида животных, могут случайно привести к пользе других рас животных, но прямые эксперименты на одном виде для предполагаемой пользы другого вида ненаучны.

Именно эта ошибка порочит знаменитые постулаты профессора Коха с помощью системы "контроля". Последним примером этого заблуждения является попытка доказать существование холеры у человека путем культивирования бацилл у животных. Эта же ошибка привела к неудаче М. Пастера в предотвращении гидрофобии у человека.

Хорошо известно, как влияние того, что мы называем "разумом", управляет действиями телесных функций, либо способствуя, либо нарушая их нормальное состояние. Это факт, имеющий все большее значение для практической медицины. Подобное влияние в той или иной степени оказывается на все живые существа. Разрушительные или неестественные эксперименты на живых животных всегда подвержены заблуждению о болезненном состоянии.

Установленный закон исследования, изложенный выше, разоблачает ошибку в проведении биологических исследований (или изучения жизненных действий) путем нанесения увечий или болезней живым животным.

В научных исследованиях нельзя слишком настойчиво подчеркивать радикальное различие между неорганической и органической природой. Если в первой мы можем расщеплять соединения на элементы и рекомбинировать их, то в органической природе такой процесс невозможен. Мы можем разобрать на части паровой двигатель или часы, изучить их детали, отремонтировать их и собрать снова, доказывая тем самым наши знания в этой области природы. Но с живым существом нельзя поступить таким же образом. Не только различие видов животных запрещает разрушительный метод исследования, но и по мере того, как вид поднимается по шкале творения, растущий факт индивидуальной идиосинкразии увеличивает неопределенность ошибочного метода.

Поэтому закон научного исследования, запрещающий разрушать изучаемые явления, глубоко верен.

Если не соблюдать этот закон, можно удовлетворить интеллектуальную активность, потворствовать самолюбию или любви к новизне и азарту, работать на панический страх человека, но достичь научной истины в биологии будет невозможно.

Таким образом, становится ясно, что методы биологических исследований, предполагающие жестокие или разрушительные эксперименты, являются как этически неоправданными, так и интеллектуально ошибочными. Это ненаучные методы, от которых неизбежно придется отказаться по мере того, как мы достигнем более четкого представления о единстве истины, в котором примирение человеческой совести с интеллектуальной деятельностью станет единственным признанием науки.

ГЛАВА X

Рациональный эксперимент в исследовании

В качестве иллюстрации законного и даже героического эксперимента заслуживает постоянного упоминания опыт, проведенный доктором фон Петтенкофером из Мюнхена на себе во время эпидемии холеры 1891 г.[19] Он важен тем, что показывает ошибочность преувеличенного поиска бацилл как главной причины болезни, который является излюбленной теорией и практикой сегодняшнего дня.

Доктор фон Петтенкофер (в противовес общепринятому медицинскому мнению) утверждает, что распространение холерного микроба или холерной палочки не является главной причиной холеры. Он утверждает, что есть два других абсолютно необходимых условия, без которых вспышка холеры невозможна, а если этих условий нет, то холерный микроб может быть вдыхаем без возникновения холеры.

Первое условие - это нездоровое состояние почвы или местности. Но даже это не приведет к вспышке заболевания, если не существует второго условия - индивидуальной предрасположенности; и он показывает, что ни холерный микроб, ни антисанитарная местность, ни то и другое вместе не приведут к холере, если не существует этой индивидуальной предрасположенности. Он также утверждает, что нельзя полагаться на эксперименты над низшими животными; единственное *доказательство* в отношении холеры должно быть получено из опыта человеческих существ.

Доктор фон Петтенкофер приступил к эксперименту на себе, выбрав местом проведения операции Мюнхен, находящийся в ежедневном сообщении с Гамбургом (где бушевала эпидемия), и отправив в Гамбург микробов холеры. 7 октября в присутствии свидетелей он проглотил сантиметр свежей холерной культуры - то есть бесконечно больше, чем можно было бы принять, коснувшись губ загрязненными пальцами; по расчетам, кубический сантиметр культуры содержит тысячу миллионов микробов. Он ничуть не изменил своего образа жизни, питаясь привычной пищей, включая фрукты, огурцы и другие запрещенные продукты. В течение следующей недели он тщательно следил за своим физиологическим состоянием, пульсом, температурой и т. д. Ничего необычного не происходило, кроме небольшого внутреннего урчания и легкой диареи, которая прошла сама собой. Два опытных бактериолога, ММ. Пайффер и Эмерих, тщательно исследовали выделения во время этого эксперимента.

М. Сам фон Петтенкофер так описывает результаты:

"Бациллы запятой не только процветали в моей пищеварительной трубке, но и так размножались в ней, что было очевидно, что они нашли там благоприятную почву. Их находили там в огромных количествах и в состоянии чистой культуры". Но 14 октября все

выделения были нормальными, содержали лишь несколько единичных микробов, которые полностью исчезли 18-го числа.

Большинство бактериологов утверждают, что оставшиеся в кишечнике холерные бациллы выделяют яд, который, всасываясь, вызывает холеру. Но какое количество яда, должно быть, выделили эти миллиарды бацилл за восемь дней пребывания в моем кишечнике! Тем не менее я чувствовал себя прекрасно, у меня был отличный аппетит, не было ни несварения желудка, ни лихорадки и т. д., и я каждый день занимался своими обычными делами. Отсюда я делаю вывод, что запятая бацилла, хотя и может вызвать небольшой понос, не вызывает ни европейской, ни азиатской холеры".

Не следует думать, что я противник холерной палочки, но ошибочно полагать, что если в выделениях инфекционного заболевания обнаружен специфический микроб, то открыто и средство борьбы с ним. Открытие бациллы чахотки было не менее интересным, чем открытие холерной бациллы, но с момента ее открытия фтизис не уничтожил ни одного человека меньше, ни одного человека больше.

'Эти (бактериологические) методы защиты от холеры основаны исключительно на теории, и, похоже, считается, что отныне холера и т.д. должны вести себя в соответствии с преобладающей теорией, а не теория должна изменяться в соответствии с холерой. Вместо того чтобы пытаться поймать запятую бациллы и создать вокруг нее кордон, необходимо сделать здоровыми все места обитания человека".

Таков энергичный и подлинно научный эксперимент выдающегося медицинского исследователя.

Другие экспериментаторы подтвердили наблюдения доктора фон Петтенкофера. 17 октября доктор Эмерих провел аналогичный эксперимент на себе, получив схожие результаты.

С тех пор в Венском патологоанатомическом институте были проведены эксперименты, которые дали следующие результаты: Шесть человек употребили бациллу запятой в немалом количестве, и ни один из них не заболел. Эти шесть человек - два врача, служащий института, два студента-медика и частный джентльмен. Профессор Стрикер лечил их всех. Двое не почувствовали никакого ухудшения здоровья; у одного болела голова, его слегка лихорадило, и он не мог спать; у двоих были легкие приступы диареи; и только один был действительно болен, но выздоровел через неделю. Эти эксперименты внушают медикам серьезные сомнения в отношении теории, которая считает бациллу запятой причиной всех случаев холеры.

Превосходство санитарии - вот урок, который постепенно преподают такие гуманные научные эксперименты. Грязь в самом широком смысле, как вещество, находящееся в неправильном месте, будь то в воздухе, воде, пище, одежде, жилище, почве или при контакте, несомненно, является основной физической причиной болезни.

Но во всех эпидемических заболеваниях эмоция страха должна быть признана самой мощной предрасполагающей причиной. Великий факт разума или эмоций - это мощное влияние на возникновение, предотвращение или лечение болезни.

Эта психологическая сторона медицины только начинает получать должное внимание. Как еще не полностью признаны заблуждения, возникающие при экспериментах на животных из-за вызывания страха, боли и комы, так и неизбежное влияние разума на изменение физических условий еще не изучалось с научной точки зрения в человеческой медицине.

Тем не менее, факты существуют в нежданном изобилии, которые необходимо собрать, проверить, свести в таблицы и тщательно изучить законы их действия.

Известно, что даже такая сильная мышца, как сердце, может быть разорвана агонией сильных эмоций. В Блэкберне дочь женщины, обвиненной в краже, онемела от ужаса при внезапном аресте матери. Гидрофобия, холера и даже оспа, похоже, были вызваны страхом.

Степень, в которой даже так называемые микробы инфекционных заболеваний могут быть вызваны страхом, действующим на идиосинкразию, требует очень серьезного исследования; поскольку сейчас общепризнано, что болезнетворные микроорганизмы не существуют *ab æterno*, необходимо знать, при каких нездоровых условиях микроорганизмы, или живые частицы, которые всегда окружают нас, становятся возбудителями болезней.

Один из наших самых выдающихся лондонских врачей располагает полными записями о следующем примечательном случае, который приводится не как научно доказанный, а как указывающий на направление исследований, которое глупо игнорировать или отказываться изучать.

Несколько лет назад этот джентльмен наблюдал пациента с приступом оспы при таких замечательных обстоятельствах: Этот пациент всегда демонстрировал болезненный ужас перед этой болезнью, отказываясь слышать что-либо о ней или позволять упоминать о ней в своем присутствии. Однажды друг принес ему для демонстрации прекрасную коллекцию анатомических пластин, присланную из Франции. Среди них было изображение сливающейся оспы у женщины. Не успел этот джентльмен взглянуть на нее, как закричал: "Уберите это! Я не могу на это смотреть, мне от этого плохо! На следующий день его сын послал за доктором, чтобы тот осмотрел его отца, который чувствовал себя плохо с тех пор, как увидел патологическую пластину. Оказалось, что он страдает от первых симптомов болезни, которая оказалась приступом натуральной оспы. Самое тщательное расследование не смогло обнаружить никаких следов этой болезни ни в окрестностях, ни в какой-либо связи с пациентом. Причина этого заболевания, одного из самых тяжелых случаев, с которыми когда-либо сталкивался доктор, так и осталась загадкой.

Стало жизненно важным исследовать, "насколько психическая установка определяет или допускает возникновение инфекционного заболевания".

ГЛАВА XI

Диапазон безболезненных исследований

"Я доволен тем, что позволяю природе делать все мучения, а человеку - все облегчения... Величайшая физиология и физиологические открытия могли бы существовать вне всякой тени болезненного эксперимента"[20].

Это слова одного из наших мудрейших врачей, сознательно написанные в полной зрелости жизни, посвященной оригинальным исследованиям и их практическому применению в медицине. Его опыт привел его к признанию великой истины: высшей целью медицинской профессии должно все больше и больше становиться развитие санитарии. При любом всеобъемлющем взгляде на медицинское искусство как на науку лечение болезней рационально вторично по отношению к их профилактике.

Это, несмотря на торговые требования конкурентной жизни, признается установленным правилом профессии, согласно которому первая обязанность врача - не навредить своему пациенту.

Санитария обязательно учитывает все элементы, как психические, так и физические, нашей сложной природы.

Именно в исследовании законов здоровой жизни и их практическом применении следует искать прогресс в медицине. Наблюдая "научно" за методом и вариациями этих законов, мы приблизимся к пониманию "жизненной силы".

Огромный диапазон биологических исследований настоятельно требует гения тех, кто одарен редкой способностью к оригинальным исследованиям.

Этот диапазон практически неограничен. Сбор всех полезных или наводящих на размышления фактов, собранных подлинно научными методами из огромных массивов, которые можно найти в наших правительственных отчетах, в записях нашей медицинской периодической литературы, в наблюдениях больниц, обществ, клиник и частной практики, будет, если его правильно организовать и систематизировать, представлять собой наиболее полезную ветвь такого центра. Если такой сбор и изучение были распространены на записи других стран, ценность, а также труд работы будет значительно увеличена.

Наблюдение за диетическим и гигиеническим, а также медицинское лечение заболеваний, включая климат, почву, атмосферные условия, распределение болезней, влияние профессий, родовых влияний и последующего обучения, имеют важное значение.

Действие минеральных вод, сжатого и кондиционированного воздуха, гидратация тканей, превращение растительных тканей в животные, действие различных составляющих человеческого тела в качестве лечебного средства от болезней, представляют собой необходимые предметы исследования.

Тщательное судебное расследование утверждений о специфических методах лечения, когда представляется достаточный случай для расследования (как *эхинацея ангустифолия* при укусе змеи, а также русская баня как профилактика гидрофобии), могло бы составить еще один ценный отдел.

На самом деле, невозможно указать весь спектр важных тем, которые требуют самоотдачи способных и кропотливых исследователей, работающих над тщательным изучением каждого типа жизни для пользы и улучшения этого типа.

Ни в одной из областей этого широкого спектра исследований нет необходимости в болезненных экспериментах.

Наши дома, наши промышленные профессии, наши законодательные акты - все должны руководствоваться гигиеническими знаниями, а их распространение должно активно поощряться обществом. Наши больницы и диспансеры должны пропагандировать практическую гигиену. Наши медицинские школы должны направить всю силу своих знаний, способностей и огромного влияния на превращение своих студентов в огромное количество санитарных миссионеров. Если бы тысячи наших выпускников-медиков, ежегодно приступающих к практической деятельности, могли идти вперед, вдохновленные энтузиазмом в деле сохранения здоровья, убежденные, что сохранение здоровья - это их особая работа, и что все болезни должны рассматриваться как нарушение законов здоровья, нарушение, с которым они обязаны бороться, то был бы сделан могучий шаг в

развитии медицины. Импульсом к такому прогрессу должно послужить улучшение преподавания в наших медицинских школах и управления нашими больницами.

Нам также очень нужна непредвзятая и исчерпывающая история развития биологических исследований со времен Средневековья с их нынешними результатами в терапии. Можно ожидать, что такая история подтвердит небезосновательное мнение о том, что самые важные достижения в практической медицине были сделаны методами, которые ни в коей мере не противоречат нашим природным инстинктам справедливости и милосердия.

ГЛАВА XII

Краткое изложение принципов

I. Достижение истины, а не удовлетворение любопытства или личных целей, является единственной и отличительной целью подлинного научного исследования.

II. Коренной интеллектуальной ошибкой является применение тех же методов исследования, которые подходят для неорганических фактов, к изучению фактов органических. Естественный закон - разум, управляющий материей, и каждый метод, используемый в исследовании органической природы, должен уважать и учитывать неотъемлемый психический фактор в каждом виде разумной жизни, иначе он становится ненаучным и может способствовать распространению заблуждений, а не истины. Разрушительные эксперименты над живыми существами, даже при частичной приостановке сознания, производимой анестетиками, являются ошибочным методом, приводящим к запутанным или противоречивым результатам.

III. Научные исследования в области биологии должны основываться на тщательном и всестороннем наблюдении за различными формами животной жизни в естественных условиях, с посмертным изучением записей, оставленных здоровьем и болезнью. Эксперименты, будь то по устранению повреждений или лечению болезней, могут стать научными только в том случае, если они проводятся на тех видах живых существ, на которых будет проводиться эксперимент.

IV. Любые эксперименты, вызывающие произвольные страдания у живых существ, порочат необходимые условия научного исследования и ведут к деградации человеческой совести, порождая безразличие к страданиям.

V. При обучении наших будущих практиков врачебного искусства первостепенное значение имеет воспитание уважения к жизни и укрепление просвещенной сочувственной совести в обращении со всеми бедными и беспомощными существами. Нынешняя система медицинского образования требует пересмотра, чтобы главным предметом изучения стало здоровье, а не болезнь.

Наконец, крайне необходимо полное и щедрое поощрение тех, кто занимается важными безболезненными исследованиями. Такие исследования должны проводиться, по возможности, в связи с большим количеством серьезных научных изысканий, людьми с доказанными способностями и ясным нравственным чувством, и работа должна быть сердечно открыта для наблюдения всех искренних друзей.

Такие исследования, примиряющие правильными методами интеллектуальную деятельность с человеческой совестью, увеличат наши знания и продвинут наше благосостояние в соответствии с высшим разумом расы. Только руководствуясь разумом и совестью, биологические исследования могут заслужить благородное имя науки.

Именно признание этого истинного метода биологических исследований и щедрая поддержка физиологов, которые честно ищут истину, даже если ей противостоит временная мода на медицинские мнения, позволит медицине стать наукой.

ССЫЛКИ:

[10] Sir B. W. Richardson, *Biological Experimentation: its Functions and Limits*, p. 15.

[11] Этот разумный метод хорошо проиллюстрирован в трудах французского натуралиста Леруа.

[12] Былые ужасы больничной операционной наглядно описаны из личных наблюдений в трактате сэра Б. В. Ричардсона *"Мастерство боли"*.

[13] См. стандартную работу Хирша *"Справочник по географической и исторической патологии"* (New Sydenham Society), т. II, с. 416-466. Ценность этого перевода значительно повышается благодаря прекрасному указателю.

[14] Так, власти Парижа приказали привязать двадцать бездомных собак к ветвям деревьев в лесу, и снаряд, изготовленный в муниципальной лаборатории, взорвался среди них, страшно изрешетив и искалечив их.

[15] Гуманный и тщательно охраняемый законопроект, разработанный Королевским обществом защиты животных и представленный графом Харроуби и лордом Карнарвоном, был отклонен.

[16] Рассудительные замечания лорда Фаррера по поводу муниципальных дел в равной степени относятся и к рассматриваемому вопросу. Он говорит: "Моя непосредственная цель, однако, заключается не в том, чтобы проповедовать по общему вопросу, а в том, чтобы сделать практическое предложение. Мы хотим знать, какой из двух способов выполнения конкретной работы дешевле и лучше? Большой опыт работы с государственными ведомствами заставляет меня сомневаться в их собственных отчетах о проделанной работе; конечно, не из-за нечестности чиновников, а из-за естественного стремления каждого человека сделать лучшее из того, что он делает. Именно по этой причине, а также из-за отсутствия достаточного опыта, я не могу испытывать абсолютного доверия к отчетам, предоставленным Совету графства Лондон о результатах их собственных экспериментов.

[17] "Профессор Леон ле Форт, профессор Верней, профессор Дюплей и профессор Тийо были опрошены одним общественным журналом, чтобы узнать их мнение об оперативной мании (*furie opératoire*), которая, как говорят, распространена в настоящее время. Профессор ле Фор говорит, что во Франции она распространена гораздо больше, чем в других странах, и в своем длинном письме он протестует против обычая молодых французских хирургов, чтобы заявить о себе публике, "искать какую-нибудь операцию, неизвестную во Франции, затем искать жертву, на которой они могут ее выполнить, чтобы сообщить об этом медицинскому обществу и, возможно, показать пациента". Затем, говорит М. ле Фор, они берут эту операцию в качестве специализации, проводят ее на 100 или 200

пациентах и таким образом завоевывают репутацию". Профессор Верней протестует против злоупотребления операциями в целом, и особенно гинекологическими операциями. Он осуждает prurigo secandi, которым страдают многие французские хирурги. Профессор Дюплей и профессор Тийо выражают те же мнения". См. *"Медицинские репринты"*, май, 1893 г.

[18] Этот натуралист, оказавшись среди каннибалов во время экспедиции Эмин-паши, подкупил племя каннибалов, чтобы они съели молодую негритянку.

[19] Полностью отрицательные результаты всех экспериментов, проведенных на низших животных, чтобы определить, передается ли холера, или где находится яд, демонстрируются бесконечной серией экспериментов на низших животных, проведенных во многих странах. Масштабы и серьезность этих экспериментов, а также их безрезультатность беспристрастно описаны в классическом труде Хирша *"Справочник по географической и исторической патологии"*, т. I, с. 476-480.

[20] Sir B. W. Richardson, *Biological Experimentation: its Function and Limits*, pp. 92, 93.

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

МЫСЛИ, НАВЕЯННЫЕ ПАСХАЛЬНЫМ СЕЗОНОМ, 1882 ГОД

ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Около тридцати лет назад небольшая группа пылких и искренних людей объединилась под названием "Христианские социалисты" под руководством преподобного Ф. Мориса, преподобного Чеса Кингсли и других способных людей. Кингсли и других способных и полных надежд лидеров. Они в значительной степени разделяли то горячее стремление к "практическому христианству" - воплощению в каждом акте повседневной жизни духа учения нашего Учителя, - которое всегда существовало в христианской церкви и которое может исчезнуть только с исчезновением христианской веры.

Великая идея человеческого братства - это жизненно важный принцип учения нашего Господа. Это фундамент, на котором Он строит Свою Церковь. Но практическое христианство не может существовать, если политическая и социальная экономика не будут основаны на этом принципе братства. Торговля и производство, сельское хозяйство и образование, национальное правительство и индивидуальный дом не являются христианскими, если они не вдохновлены этим главным принципом, заложенным нашим Божественным Учителем и повторенным на каждой странице Его удивительной жизни - а именно, что мы должны жить как братья под вдохновением мудрого и любящего Отца.

Попытки более полно реализовать эту основополагающую часть христианской веры путем специальных совместных усилий наблюдались во все века. С тех ранних времен, когда ученики клали свои приношения к ногам апостолов и стремились "иметь все общее", и по

сей день попытки достичь высших целей силой объединения - объединения, вдохновленного высшей идеей добра, - продолжаются постоянно.

Христианский социализм, таким образом, не является новой идеей. Он так же стар, как и наша вера. Он формирует реальную повседневную жизнь на основе принципа христианского братства. Он в той или иной степени входит в каждое объединение - церковь, часовню или общество любого рода, - которое стремится воплотить бескорыстную или высшую духовную идею; но христианский социалист верит, что структура общества в каждой его части должна формироваться под влиянием идеи объединенных интересов.

Однако очень постепенное приобретение мудрости нашей расой (медлительность, которая кажется необходимым условием для обеспечения свободы и силы) приводит к тому, что мы часто проявляем рвение без знания. Прямые попытки объединить людей в более благоприятных условиях, чем бессистемные методы, с помощью которых деревни превращаются в города, часто заканчивались неудачей.

Но каждое последующее поколение вступает в активную жизнь с возросшим интеллектуальным развитием и с возросшей властью над материальными силами. Если рост интеллекта сопровождается равным расширением нравственной природы, значит, поколение добилось значительного прогресса в мудрости, и практическое христианство истинного братства становится ближе. Христианский социалист считает, что многие принципы, на которых должно быть основано лучшее общество, стали более ясными за последние тридцать лет и были проверены и продолжают проверяться разнообразными и ценными экспериментами.

Термин "христианин" здесь используется в законном практическом смысле. Христианин должен благоговейно и сердечно принять правило и руководство жизни, столь категорично изложенное нашим Учителем: есть и пить, покупать и продавать, дома и за границей, мы должны действовать для наших братьев, а не для себя одних. Мы должны искать, прежде всего, праведности.

Проблема, с которой мы должны столкнуться, - это постоянно растущее количество и разнообразие зла, которое мы видим вокруг себя, и выяснить, насколько оно вызвано нынешней эгоистической структурой общества, ложным индивидуализмом, который лицемерно спрашивает: "Разве я сторож брату моему?" Зло теперь растет на нас быстрее, чем мы можем его устранить. Нищенство и порок, пьянство и преступление, поклонение мамоне и легкомыслие, нечестность и коррупция - все это порождено нами самими. Они в значительной степени порождаются условиями общества, в котором рождаются дети и в котором они формируются. Десять лет убожества или унижительных условий могут испортить или разрушить характер ребенка. Однажды мое внимание привлекли к яркой и очаровательной девочке, которую привезла в государственное учреждение бедная мать, впавшая в болезнь и нищету. Матери был дан один год, чтобы забрать ребенка. При последующем посещении, через восемнадцать месяцев, я не узнал этого ребенка; ее яркость исчезла, движения стали вялыми и неловкими, интеллект притупился, выражение лица стало пустым, она с пугающей быстротой опускалась до уровня безнадежной нищенки.

Как плачевны результаты работы наших пенитенциарных учреждений и исправительных домов, наших работных домов, приютов для сирот и промышленных школ, всех различных благотворительных организаций, с помощью которых мы мучительно и тщетно пытаемся сгладить зло и страдания или стереть их с глаз долой. Получившие наказание или заботу, выйдя на свободу, в подавляющем большинстве случаев снова возвращаются к

преступлению, искушению и злу, от которых они были избавлены, и потоки разврата и порока поднимаются все выше.

В тяжелой и сокрушительной борьбе за достойную жизнь, в которую втянута огромная масса нашего населения, страдает здоровье, угасает надежда, и джин-шоп с газовым освещением становится утешением, как мрачный рабочий дом - убежищем для тех, кто перестал надеяться. И все же большая часть этих людей пыталась честно трудиться. Когда-то они надеялись содержать жену и детей, как и положено честному человеку. Как же так получилось, что капитал и труд не смогли объединиться таким образом, чтобы каждый желающий работник мог обеспечить себе безбедное существование, чтобы каждый честный человек мог воспитать свою семью в здоровье и добродетели? Отношение капитала к труду - важнейший вопрос практического христианства.

Подумайте также о великой аграрной борьбе, которая всегда в той или иной степени продолжается и периодически выливается в революции и возмущения. Почему подавляющее большинство английских мужчин и женщин оторваны от земли? Почему они постоянно толпятся в городах, в то время как драгоценное природное наследие - земля - так часто пропадает зря и не обрабатывается? Здоровье и счастье должны быть найдены в сельской жизни. Такая жизнь не должна быть тоскливой и унылой, не должна быть безнадежной каторгой. Ни одна жизнь не подходит для здорового развития детства так, как деревенская, с естественными домашними влияниями. Уход за животными, выращивание и наблюдение за природными объектами, чистый воздух и обилие физических упражнений, которыми можно наслаждаться, делают деревню естественным домом для детства. Опять же, производство в совершенстве и изобилии всех продуктов, которые естественно принадлежат различным почвам, является первичной потребностью здорового национального роста. Условия, при которых такое выращивание может быть наилучшим образом осуществлено, а также вид и пропорции производств, которые могут выгодно возникнуть в связи с ним, влияют на саму структуру общества. Они создают необходимые материальные и социальные условия, которые обеспечивают возможность и благоприятствуют религиозной жизни или создают серьезные препятствия для нее.

Отношение народа к родной земле - очень серьезный вопрос практического христианства.

Опять же, каким образом осуществляется образование различных классов наших детей? Рассмотрим образование, которое получают мальчики из аристократии и высших классов. Какой шанс у этих мальчиков вырасти в чувство христианского братства? Их опекают с младенчества; в школе их посвящают в самые языческие пороки; развращают роскошью, учат, что деньги могут сделать все, что угодно, что чину нужно подневольно поклоняться. Как могут эти бедные ребята стать великодушными лидерами общества, основанного на учении Великого Учителя о братстве? Характер образования зависит не только от более или менее мудрого надзора и распоряжений школьного учителя, но в большей степени от постоянного влияния жизни, в которой растет ребенок. Проследите различные ступени воспитания вниз, через все классы общества, до огромной массы маленьких мальчиков и девочек, которых с младенчества готовят к пороку и разврату, и мы увидим, что воспитание является жизненно важным предметом практического христианства.

Далее рассмотрим отношения между полами. Этот вопрос является основополагающим для общества, поскольку элементом общества является мужчина, женщина и ребенок, а не отдельный человек. Как наши законы и обычаи прививают мужчине честь, женщине достоинство - словом, христианскую жизнь? При внимательном изучении этой темы в ее

широком диапазоне становится ясно, что это глубочайший вопрос человеческого братства - то *есть* практического христианства.

Когда, переходя от частных дел к общественным, мы изучаем модификации или устройства муниципальных институтов, которые возникли в наших городах, картина не обнадеживает. В основном примером служит языческий, а не христианский принцип. Он усиливается сам собой. Созданная новая власть отбрасывает чувство ответственности перед теми, кто ее создает. Никакого расширения чувства долга не происходит от доверия, оказанного таким образом отдельным людям; но возникают мелкие кабалы и препирательства, поощряются узкие партийные взгляды, продвигаются эгоистические интересы или принимается глупая видимость авторитета. Более высокодуховные жители избегают вступать в коррумпированную политическую борьбу; централизация усиливается по мере деградации муниципального контроля. Местное и общее правительство слишком часто является лишь пародией на представительные учреждения. Возникает важный вопрос: каким образом мы, считающие, что общественная и частная жизнь должна определяться религиозным духом, можем достичь этой цели? Как мы можем создать ассоциации и делегировать необходимые полномочия таким образом, чтобы продвигать христианскую, а не языческую жизнь? Наблюдая за влиянием закона на образование нации, мы обнаруживаем, что его воплощение в правительстве составляет очень важную отрасль практического христианства.

Когда мы размышляем над всеми этими жизненно важными вопросами и искренне стремимся воплотить в жизнь принципы действия, которые мы считаем глубоко истинными, мы обнаруживаем, что наше христианское чувство права на каждом шагу шокировано фиксированными условиями, которые являются результатом эгоизма, а не братства. Дух корысти, полезный только в качестве слуги, узурпировал ложное положение хозяина. Как и все наши способности, корысть нуждается в высшем руководстве, иначе она вырождается в самый узкий эгоизм. Мы еще не усвоили один великий урок христианства - а именно, что наибольший взгляд на собственные интересы можно найти только в братстве.

Теперь необходимо выяснить, не выросли ли за последнее поколение новые принципы ассоциации, сотрудничества, объединения - или как бы мы ни называли объединенные интересы, - и не доказали ли они свою эффективность, чтобы мы могли успешно продвигаться по пути, который туманно видели благородные люди, о которых я упоминал.

Было много неудач в попытках реализовать ассоциированную или организованную жизнь; но есть и множество ярких примеров успешных, хотя и несовершенных, организаций, основанных либо на религиозной идее, либо на предпринимательстве, либо на энтузиазме умного и доброжелательного человека. Римско-католические, моравские и шейкерские общины иллюстрируют первую серию успешных организаций; акционерные предприятия и кооперативные магазины - вторую; гильдия декораторов домов Леклера и семья Гизов - третью. Именно через объединение сил, показанных в этих трех классах ассоциаций, мы можем прийти к пониманию практического христианства XIX века в будущем росте городов или колоний.

Ниже перечислены некоторые из основных применений принципа христианского братства, которые, как мы полагаем, изменят структуру будущего общества:

1. Выкуп земли христианскими акционерными обществами, чтобы контроль и управление ею отныне принадлежали тем, кто живет на ней и пользуется ею.

Абсолютно безответственное индивидуальное владение землей становится, по мере развития общества, противоречащим интересам нации. Почва, ограниченная по количеству,

но необходимая для поддержания и благосостояния народа, не должна рассматриваться как индивидуальная эгоистическая спекуляция, независимо от ее наиболее выгодного использования и потребностей тех, кто может на ней жить.

Это медленный, но верный результат безответственной монополии отдельных лиц на землю, который лежит в основе большого зла - неестественного и болезненного роста больших неорганизованных или эгоистично организованных городов. Наши города, которые раньше были бессистемным ростом случайностей, все больше и больше становятся ростом эгоистичных спекуляций - то есть ложной организацией самовозвеличивания.

Наследственный или иной владелец земли сдает ее в аренду спекулянтам, единственной целью которых является извлечение из аренды как можно большей материальной выгоды. Это единственный пункт, который постоянно держится в поле зрения, часто через серию недоаренд, в которых каждый новый спекулянт стремится получить новую прибыль. О здоровье, удобстве, человеческом благополучии в его необходимости и взаимосвязи никогда не думают, или они полностью вторичны по отношению к выгоде. Создается шикарный район для богатых, приносящий самую высокую ренту, которую только можно, и многолюдный район для бедных, с еще более высокой пропорциональной рентой. Сады исчезают в унылой массе показушных, плохо построенных кирпично-монолитных кварталов, в которых растет молодое поколение - унылых кварталов, но где арендная плата и тарифы постоянно растут. Это результат безответственного индивидуального владения и извращенной организации во всех наших быстрорастущих городах. Это мощная причина растущей безнравственности.

Контроль над землей со стороны общества или колонии, живущей на ней и использующей ее, не запрещает сдавать землю в аренду на разумных условиях лицам, являющимся членами этого общества. Именно безответственное индивидуальное владение землей, со спекуляциями, которые порождает такой способ владения, является принципом, всегда в конечном счете вредным для общества[21].

2. Экономия в распределении и управлении. Рациональная экономия в розничном распределении товаров, в бытовом обустройстве наших домов, в официальном управлении местными и общими органами власти освободит огромное количество людей, чье время сейчас занято без необходимости. Талант и энергия этого растрченного множества людей должны быть обращены на увеличение производства и другие необходимые и ценные занятия под мудрым руководством объединенных интересов.

3. Справедливая доля прибыли для всех работников. Это важнейший принцип, который может быть решен только под руководством христианского братства. При увеличении производства, которое произойдет в результате разумной экономии в распределении, управлении и правительстве, должно быть организовано справедливое разделение прибыли между капиталом, способностями и трудом. Необходимо объединить интересы, стимулировать промышленность и дать надежду самому скромному труженику в христианской колонии. Когда молодой человек начинает жизнь в почетном сословии христианского брака, первый долг христианского общества - поддержать его надежду и энергию. Будущее этой семьи - предмет национальной заботы. Стабильная промышленность заслуживает справедливой и все возрастающей доли в прибыли, которую она помогает создавать. Совет, если он необходим, поощрение матери в здоровом и добродетельном воспитании детей и возможность для перспективного занятия - все это положительные

обязанности каждого члена христианского общества. Выполнение этих обязанностей в значительной степени зависит от праведного отношения капитала к труду.

4. Создание страховых фондов, которые обеспечат помощь каждому работнику в болезни или старости. Бережливость, самоконтроль и благородное чувство независимости - вот результаты такого обеспечения, которое станет величайшим возможным подспорьем для благородного движения за воздержание.

5. Расположение жилищ, которое облегчит коммуникации, бытовое обслуживание и снабжение, санитарное обустройство, образование детей, и муниципальное управление. Эти задачи должны быть решены, если мы хотим остановить стремительную деградацию наших бедных английских домов. Родительское влияние и ответственность в равной степени исчезают в домах, из которых ушла вся святость.

6. Полный отказ от торговли человеческим телом.

Неисчислимы потери мужественной силы и деградация женского характера, которые происходят из-за варварского пережитка рабства, существующего в нашей среде в форме проституции. Ни одно общество, стремящееся к христианской жизни, не может допустить существования этой отвратительной торговли. Покупка и продажа человеческого тела - это естественное зло. Страшное зло, моральное и физическое, которое происходит от такой торговли, доказывает ее внутреннюю незаконность. Любовь, с обязанностями и ответственностью, которые сопровождают ее проявление, является единственным христианским основанием для интимного союза полов, и рост и благосостояние общества абсолютно зависят от мудрого руководства этими отношениями христианскими принципами. Замечательный прогресс интеллекта и нравственного восприятия в этом жизненно важном вопросе в течение жизни нынешнего поколения является самым обнадеживающим признаком приближения организованного христианского общества. Как разительный контраст растущей безнравственности, возможность и неисчислимая польза равной чистоты для мальчиков и девочек, для мужчин и женщин - вот великая истина, которая оживает в этом девятнадцатом веке. Новый мир надежды и свободы открывается для женщин, новое царство энергии - для мужчин, благодаря освящению этой могущественной силы пола, которая нисходит на наш век как великий проводник в будущее. Эта созданная Богом сила до сих пор была растрочена в первые века жизни нашего мира. Незнание истинного достоинства и провиденциального положения женщины до сих пор было величайшим препятствием на пути христианского устройства общества. Теперь это невежество медленно, но верно исчезает, открывая перед нами великое и славное обещание неограниченного будущего прогресса.

Принципы, выраженные таким образом в очень сжатой форме, кажутся, исходя из их нынешнего зрелого развития, особым приобретением этого века. Они являются законными результатами христианской мысли, растущей во всеоружии и добросовестно применяющей себя к решению проблем социальной жизни.

Однако каждое предложение, которое мы сейчас изложим, требует долгого и тщательного рассмотрения. Возможно, некоторые люди не осознают опасного и растущего зла, которое наносит обществу преобладание противоположных методов действия. Молодые страны, обладающие обилием незанятой земли, могут не оценить тех бед, от которых страдают более старые страны из-за монополии отдельных лиц на землю. Другие люди могут не видеть полного влияния этих принципов христианского социализма на наши повседневные отношения. Другие, опять же, могут быть совершенно неспособны предвидеть методы, с помощью которых христианская организация общества может когда-либо стать

практическим фактом. По этим причинам подготовительный союз просто необходим. Самые мудрые способы реализации этих принципов во всех их практических деталях требуют разнообразных знаний различных классов людей. Они требуют тщательного рассмотрения многими умами, обладающими как разнообразным опытом, так и глубоким пониманием необходимости христианской организации. Если, однако, изложенные принципы верны, то их реализация должна быть лишь вопросом времени. В наших городах можно сделать многое, чтобы поставить на более прочную основу как деловые отношения, так и домашнюю жизнь. Постепенное внедрение методов, ведущих в правильном направлении, возможно как для мужчин, так и для женщин, в двух сферах - деловой и домашней жизни, если тщательно понимать цель, которую необходимо достичь. Еще более стремительный прогресс может быть достигнут теми, кто хочет наладить жизнь в стране по более христианскому плану, объединив религиозный принцип, акционерное предпринимательство и мудрое руководство в организации промышленной колонии - колонии, которая станет самым мощным Христианским миссионерским обществом.

Религиозный принцип должен быть признан важнейшей основой постоянного будущего роста. Только глубокое понимание христианского учения о человеческом братстве порождает высочайшую совесть, чувство ответственности перед невидимым, но родительским Творцом. Никакое накопление материальных благ, никакое обращение только к низшим способностям нашей природы, никогда не удержит людей вместе в постоянной и гармоничной организации повседневной жизни.

Христианская совесть - единственная известная нам сила, способная контролировать и направлять самость. Эта контролирующая сила незаменима в любых мудрых усилиях по объединению человеческих существ в разнообразных интересах повседневной жизни. Без религиозного принципа мы не можем эффективно контролировать ни эгоистичную погоню за богатством, ни бездушное стремление к науке, ни увлечение физическими удовольствиями.

Рассмотрим некоторые из наших популярных социальных максим: "Милосердие начинается дома", "Заботься об №1", "Конкуренция - это жизнь торговли", "Спрос должен регулировать предложение", "Покупай дешево и продавай дорого" и т. д. Никто не станет отрицать, что во всех этих сентенциях есть доля истины, но их прямые логические результаты, доведенные до крайности под единственным руководством эгоистического интереса, становятся дьявольскими. Это хорошо видно на примере замечания, которое однажды сделал моему отцу один южный плантатор сахара. Он заявил, что может выращивать рабов так дешево, что выгоднее всего использовать их за пять-шесть лет, а на их место брать новых!

Та же необходимость в направляющем влиянии христианской совести проявляется и в занятиях наукой. Современные сентенции "Медицина не имеет ничего общего с моралью", "Знание - это собственная цель и оправдание" - это максимы языческих, а не христианских философов. Действительно, многие из тех, кто сегодня занимается научными исследованиями, охотно соглашались с этим утверждением, утратив всякое представление о ценности истинного христианства как высшего духовного ориентира нашей расы.

Принимая, таким образом, принцип христианского братства как необходимую религиозную основу и постоянное руководство любой истинной организации, очевидно, что все эти весомые проблемы, кратко обозначенные сейчас, должны быть рассмотрены и решены "Церковью".

Церковь, в истинном смысле этого слова, - это общество мужчин и женщин, которые, принимая Божественную миссию Христа, честно стремятся воплотить Его учение в повседневной жизни. Как каждый век вырастает из жизни предыдущего, так и практическое

воплощение учения нашего Господа меняется по форме от века к веку. В 1882 году форма, которую принимает христианская жизнь, обязательно должна отличаться от ее формы в 1800 году. Три поколения людей достигли огромного прогресса в интеллектуальном, научном и нравственном развитии. Изменились все условия, в которых растут люди. Что нам сейчас особенно и срочно нужно от "церкви", так это помощь в адаптации никогда не меняющегося принципа христианского братства к постоянно меняющимся условиям жизни XIX века. Нам нужны проповеди, конференции и серьезная жизнь в Церкви; но проповеди должны касаться христианского взгляда на отношение капитала к труду, христианского взгляда на отношения полов, христианской защиты и разумного воспитания молодежи - словом, всего поведения в жизни, от колыбели до могилы, в частной и общественной жизни. Неизбежное лицемерие порождает выслушивание неделю за неделей возвышенных теорий, которые никогда не воплощаются в жизнь, или неосуществимых предложений. Душа становится черствой, когда учение требует одного образа действий, а повседневная жизнь навязывает совершенно противоположный. Нам необходимо узнать, каким образом наша реальная жизнь, общественная и личная, может руководствоваться предписанием нашего Господа о братстве, а не об эгоизме. Наши церковные конференции должны стать честным и горячим стремлением каждого мужчины и каждой женщины вместе подумать о том, как эти истинные принципы могут быть реализованы ими. Христианская церковная конференция должна размышлять о жизни этой армии маленьких грузчиков на наших подземных кухнях, о богохульных мальчиках и девочках, которые собираются по ночам в наших общественных местах, о порочных руэ, которые толпятся на нас из Лондона, о борьбе бедного домовладельца, который не знает, как заплатить тяжелую арендную плату, о тенденциях торговца, угнетенного налогами, который теряет все угрызения совести в желании получить деньги, и о спекулянтах, единственное желание которых - заставить "богатство накапливаться, хотя люди разлагаются". Вот те проблемы для церковных конференций, решения которых настоятельно требует практическое христианство девятнадцатого века.

Только на этих скромных, но необходимых основаниях может быть основана Церковь, отвечающая потребностям эпохи. Только в такой Церкви молитва, хвала и поклонение Великому Отцу могут стать славной реальностью и никогда не погрузиться в формализм.

Итак, истинная Церковь, отвечающая потребностям нашего времени, должна быть самоуправляемой, промышленной общиной, руководствующейся христианскими принципами, владеющей и управляющей своими землями, разнообразными производствами и колледжами. Время от времени она должна создавать новые самоуправляемые колонии в стране и за рубежом. Эти колонии, обязательно имеющие различную индивидуальную окраску, в зависимости от рода занятий и состава населения, должны быть объединены одним великим объединяющим принципом - организацией на принципах христианского братства. Христианская идея объединенного интереса, а не узкий антагонизм индивидуального эгоизма, станет отличительным признаком истинно церковных колоний - практического христианства будущего.

Существует большое количество искренних последователей нашего Духовного Наставника, которые ясно видят радикальное зло, о котором говорилось выше: люди, которые жаждут посвятить мысли, время и средства труду по созданию христианского общества; люди, которые с радостью оставили бы свое имущество для благороднейшей миссионерской работы века. Но эти искренние провидцы разбросаны далеко и широко; им нужна незаменимая сила объединения. Перед всеми церквями стоит грандиозная задача - объединить своих членов под благородным знаменем христианского социализма. Внимательно изучив различные практические примеры успешной, хотя и несовершенной

организации, можно подготовиться к объединению в настоящую церковную колонию. Группа христианских социалистов, объединившаяся таким образом для серьезной подготовки (не пренебрегая при этом никакими непосредственными обязанностями), в течение нескольких лет будет укреплена и направлена для начала самой важной и неотложной работы, к которой призывает наш век.

Смысл пасхального сезона - это восстание христианства из могилы, той могилы, где оно лежит, связанное тьмой, развращенное мирской жизнью, умирающее из-за эгоизма, но, слава Богу, еще не умершее. Пусть наши религиозные люди пробудятся от своей смертельной летаргии и отвалят камень от гроба, создав истинное христианское общество!

ССЫЛКИ:

[21] Работы, касающиеся экономических принципов, изложенных в этой статье, со статистикой и экспериментами, которые поддерживают и иллюстрируют их, слишком многочисленны, чтобы их упоминать здесь; но они представляют огромную ценность для христианского социалиста.

ОБ УПАДКЕ

САЙТА

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ГЛАВА ИЗ ЛИЧНОГО ОПЫТА, 1885 ГОД

ОБ УПАДКЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Только веря в то, что простое изложение фактов в точности так, как они имели место, ярче, чем абстрактное изложение, покажет опасности, которые угрожают нашим свободным институтам, я осмеливаюсь предложить это личное повествование муниципальным избирателям, и особенно женщинам-домовладелицам.

Когда в 1879 году я стала домовладелицей в Гастингсе, я совершенно не осознавала, что тем самым приобрела право голоса в муниципальных делах и что это право неизбежно влечет за собой соответствующие обязанности и ответственность - обязанность голосовать разумно и нести определенную ответственность за то, как осуществляется управление городом.

Однако вскоре я заметил, что осенью, хотя я не был ни консерватором, ни либералом, ко мне обращались кандидаты в члены городского совета от консерваторов и либералов с просьбой отдать за меня голос, и хотя эти визиты часто приводили к интересным разговорам, а мои мнения принимались с самой лестной вежливостью до выборов, вскоре я понял, что все

влияние прекращается после выборов; дела шли так же, как и без меня, и моя предполагаемая привилегия голосовать казалась на самом деле очень похожей на насмешку. К тому же, будучи человеком миролюбивым и много занимаясь интересующими его темами, я считал пустой тратой времени заниматься выборами, которыми управляли клики по сугубо партийным вопросам, не обращая внимания ни на вопросы социального благополучия, ни на выбор мудрейшего и лучшего человека, а только того, кто мог каким-либо образом обеспечить наибольшее количество партийных голосов.

Будучи вынужден, насколько позволяли мои ограниченные способности к наблюдению, критиковать обе великие партии штата, как совершающие много несправедливости и руководствующиеся скорее классовым эгоизмом, чем высокой моралью, я не мог испытывать никакого энтузиазма по отношению к выборам, проводимым на основе партийных распрей.

Таким образом, я начал впадать в то легкое состояние безразличия, которое, похоже, быстро становится общим состоянием массы людей, призванных своими голосами управлять муниципальными делами; я сохранял, однако, тревожное сознание того, что в какой-то мере не выполняю возложенного на меня долга. От этой фатальной моральной летаргии меня пробудило наблюдение за тем, что показалось мне актом вопиющей несправедливости - ограблением бедняков, лишивших их наследства. Это было отвлечение средств благотворительного фонда Магдалины (завещанного благочестием и благодеяниями прошлых веков, которые теперь выросли до дохода в несколько тысяч в год) на основание гимназии для среднего класса. Несправедливость была допущена с санкции Комиссии по благотворительности, несмотря на мужественную борьбу некоторых совестливых жителей, продолжавшуюся более двух лет. Но классовые интересы и недалекое чиновничество оказались в этом случае сильнее справедливости.

Столь болезненный опыт открыл мне глаза на неразумность невнимания к тем обязанностям, которые лежат ближе всего к нам, и я увидел, что положение бедных очень близко к нам. Я также впервые полностью осознал постоянную обязанность всех тех, кому даны особые муниципальные права, заботиться об управлении городом, в котором они живут, и эта обязанность особенно лежит на каждом, на ком лежит обязанность голосовать. Начав посещать приходские собрания, я вскоре проникся сочувствием, видя, как вокруг меня идет ожесточенная борьба трудолюбивых бедняков за то, чтобы не опуститься до нищеты. Случаи неспособности платить по тарифам постоянно поступали к нам^[22] от изможденных борьбой мужчин и женщин, которые, если они иногда "пьют и забывают о своей бедности", требуют скорее жалости, чем порицания.

С каждым годом укол бедности становился все острее. Моя собственная респектабельная молодая служанка не могла выйти замуж своего достойного любовника, потому что арендная плата была очень дорогой. По мере того как вдоль набережной появлялись просторные ночлежные дома и гостиницы, росла спекуляция, а масса людей теснилась в прокуренных теснотах или вытеснялась в унылые пригороды, подальше от работы и возможностей для честного труда. Вскоре я также узнал, с каким ужасом бедняки относятся к рабочему дому; как они охотно умерли бы в мире в самом заброшенном доме, чем были бы вынуждены попасть в безнадежную, жестокую тюрьму. Мое негодование усилилось, когда я вспомнил о сохранившемся в наших архивах документе, в котором "я, Петронилла де Шам из Гастингса, в чистой и законной власти моего вдовства", предоставляю участок земли для содержания бедных стариков и женщин Гастингса в достойном содержании и благочестивом служении; братьям и сестрам больницы Магдалины. "И я, леди Петронилла, и мои наследники

гарантируем и защищаем вышеупомянутые пять акров земли с участками, чтобы братья и сестры владели ими свободно, тихо, хорошо и мирно на вечные времена", - молятся они за души своих благодетелей.

Для нас, потомков гуманных и благочестивых предков, представляется столь же очевидным религиозный долг задуматься о положении бедных в 1885 году, как и в 1292 году, когда леди Петронилла де Шам сделала свой учредительный дар благотворительной организации "Магдалина".

Чем больше я размышлял над этой важной проблемой - как помочь борющимся беднякам в их героических попытках жить достойно, - тем важнее для меня становилась тема налогообложения; как повышаются ставки в городе и как они расходуются. К несчастью, по всей стране мы видим, что точно так же древние пожертвования на дотации, отступные, пенсии и порции сметаются, потому что система рабочих домов, как говорят, обеспечивает бедных; древние пожертвования на обучение, одежду и воспитание бедных детей также сметаются, потому что "Совет по образованию обеспечивает бедных". Таким образом, различные потребности социальной жизни, образование, благотворительность и т.д. передаются в руки чиновников - т.е. все быстро перекладывается на тарифы, пока тарифы не раздавят бедных до нищеты.

Вопрос о тарифах на первый взгляд не слишком привлекателен, особенно для человека, не обладающего особыми способностями к арифметике. Но в наши дни они занимают место древнего благодеяния и управляются городскими советами вместо церковных организаций. Поэтому я решил посетить собрание, созванное для встречи с представителем местной администрации, чтобы получить санкцию на новый заем. Это было мое первое появление на "уставном" собрании. К своему удивлению, заняв место в совете, я обнаружил, что являюсь единственным присутствующим не официальным плательщиком, хотя сумма, которую нужно было занять, была большой. Было заявлено, что это предложение получило единодушное согласие плательщиков. В ответ на это заявление я был вынужден выразить короткий протест, так как из расспросов узнал, что многие плательщики ничего не знают о предлагаемом займе. Мне сообщили, что время для возражений еще не пришло, и лондонский чиновник приступил к выяснению различных деталей того, как будет расходоваться ссуда в шесть тысяч гиней, какова будет площадь грейдирования, вид бетона и т. д. Когда все было улажено, меня попросили изложить все возражения, которые я хотел бы высказать. Я говорил о тяготах налогообложения для бедных и просил сообщить, каков нынешний долг города. Я выяснил, что с учетом нового займа наш муниципальный долг составит почти четверть миллиона. Это казалось очень большим долгом для маленького городка, жители которого с трудом оплачивают свои тарифы, и я, как благоразумный домохозяин, возражал против того, чтобы влезать в долги для содержания нашего муниципального хозяйства. Инспектор Совета по местному самоуправлению сообщил мне, что "этот вопрос должен решаться на избирательных участках". Так что, разумеется, мой одиночный протест не имел никакой практической пользы. Это произошло в августе. Тогда я подумал, что, поскольку приближались ноябрьские выборы, было бы полезно попытаться обсудить муниципальные вопросы с кандидатами, которые должны были быть избраны на три года в городской совет.

Кандидат в советники в моем приходе сердечно согласился с предложением, которое я осмелился ему сделать, а именно: встретиться с плательщиками до выборов и обсудить с ними различные важные вопросы, которые должны быть вынесены на решение городского совета. Этот джентльмен с готовностью пообещал присутствовать на таком собрании, если оно будет создано.

К сожалению, мне не удалось найти ни одного домовладельца, готового помочь в этом деле. Ниже приведены ответы, полученные от домовладельцев:

'Я не думаю, что мое присутствие на конференции принесет какую-либо пользу. Я так мало знаю о муниципальных делах, ни разу не посещал собрания с тех пор, как живу в Гастингсе". Такие же ответы были получены от занятых торговцев и обеспеченных дворян. Поэтому казалось, что необходимы более решительные просветительские усилия, чтобы показать избирателям, как городской совет в наши дни действительно представляет собой большую часть практической деятельности Церкви в прошлые века и что он должен действительно представлять теократическую идею - то есть правительство, основанное на Высшем благе. Но и здесь, к несчастью, я не нашел ни одного человека, который бы не считал, что функция городского совета - избавить их от всех проблем и ответственности, и что он должен избираться по партийному принципу.

Таким образом, я все больше и больше осознавал глубокий характер болезни безразличия, которая стала эндемичной в наших муниципалитетах, и настоятельную необходимость принятия мер по ее устранению. Поэтому я вступил в переписку с Лигой социального и политического образования, президентами которой последовательно были профессор Сили и мистер Фрауд. Я получил сердечное письмо от почетного секретаря, который прислал список из 107 имен лекторов с многочисленными адресами, которые они готовы выступить. К сожалению, в этом печатном списке из нескольких сотен лекций я не смог найти ничего, что отвечало бы нашей особой потребности - короткие, простые, прогрессивные инструкции, приглашающие задавать вопросы, "об использовании городского совета и значении голосования". Я размышлял над тем, что делать, когда самым неожиданным образом оказался вовлеченным в муниципальную работу, где мне пришлось принять самое активное участие, к чему я не был приспособлен ни по знаниям, ни по опыту.

На городском собрании в августе, о котором уже упоминалось, когда было принято решение о пополнении государственного долга, говорилось о законопроекте о корпорации, который представлялся очень важным и который должен был быть вынесен на рассмотрение города позднее. Поэтому я следил за объявлениями у дверей церкви и отмечал дату проведения собрания, которое должно быть созвано для утверждения этого законопроекта. Я был очень удивлен, что местная пресса и другие издания не обратили внимания на эту важную меру; но местные политики были настолько взволнованы тем, что Гастингс должен был потерять одного из своих парламентских представителей, что то, как ведутся муниципальные дела, казалось, не вызывало никакого интереса. За несколько дней до собрания, на котором должен был быть утвержден законопроект, я зашел в офис городского клерка и попросил копию законопроекта, но мне ответили, что для плательщиков "копий нет", да и сам законопроект увидеть нельзя. В течение дня я поговорил примерно с десятью людьми, но никто ничего не знал о законопроекте. Тогда я написал нескольким плательщикам и попросил их прийти на собрание. Один из них ответил, что, должно быть, ошибся с датой, назвав собрание тремя днями позже, которое, будучи "партийным" собранием по перераспределению, полностью отвлекло внимание от муниципального собрания. Другая хозяйка посоветовалась с другом-джентльменом, который сказал ей, что предлагаемый законопроект направлен на снижение налогов, поэтому нет необходимости посещать собрание. Мне не удалось найти ни одного плательщика, который бы хоть что-то знал о законопроекте или хотя бы слышал о нем. Пришло время, очень бурный вечер; из более чем 8000 плательщиков на собрании присутствовало около семидесяти человек. Никто не видел законопроекта, который, судя по краткому изложению, сделанному одним из членов совета, очевидно, имел огромное значение для всех слоев населения, и особенно для трудолюбивых

слоев. Комитет городского совета, отвечающий за законопроект, настоятельно рекомендовал не выступать против него по двум причинам. Во-первых, следующий день был последним шансом зарегистрировать законопроект на текущей сессии парламента, и год будет потерян, если законопроект не будет принят этой ночью; во-вторых, было заявлено, что любое противодействие будет очень дорого стоить городу, так как они уже заплатили 500 фунтов за расходы по законопроекту и еще столько же заплатят за его завершение, и если будет поднято противодействие, это будет стоить городу несколько тысяч фунтов.

Поскольку никто из других плательщиков не обнаружил в этих заявлениях никаких изъяснов, я осмелился предположить, что, поскольку никто из нас не видел законопроекта, нам не следует санкционировать его без возможности изучения, и что лучше потерять сессию, чем сделать это. Поэтому я попросил объявить перерыв; это предложение было поддержано одним из плательщиков, но не было вынесено на заседание. Билль был принят от имени плательщиков 47 голосами, причем парламентский агент, руководивший процессом, очень вежливо заверил меня, что "в Лондоне будет достаточно времени, чтобы возразить против билля". Конечно, я знал, и многие из присутствовавших на заседании более бедных плательщиков знали, что будет слишком поздно рассматривать законопроект после того, как он будет принят от нашего имени; но меня поразила неспособность присутствовавших сформулировать свои возражения, хотя на собрании проявилось много недовольства. В полном неведении (которое я полностью разделял) находился и вопрос о том, какие шаги следует предпринять в таком случае. Если бы я, как и следовало, настоял на том, чтобы внести предложение об отсрочке, оно, вероятно, было бы отклонено незначительным большинством голосов. Но я совершенно не знала, как правильно поступить в таком странном положении, и мне казалось почти некрасивым одной противостоять мэру и городскому совету с их парламентским комитетом и юридическими советниками, тем более что настаивали на том, что противостояние означает недоверие к совету, тогда как я думала просто о своем долге плательщика налогов. Тогда я не знал, да и никто из присутствующих, похоже, не знал, что любой плательщик имеет право требовать опроса; и, если на этом настаивали, его должны были разрешить. В этом случае несколько фунтов, которые это стоило бы городу, были бы потрачены с пользой, чтобы отсрочить то, что оказалось чрезвычайно плохим и ретроградным законопроектом. Но ничто не поразило меня больше в этом необычном опыте, чем полное невежество всех наших интеллигентных в остальном бюргерств в отношении шагов, с помощью которых их муниципальные права могут быть защищены, как в округе, так и в Лондоне. Это невежество, похоже, проистекает из невнимательности и привычки безразлично относиться к муниципальным обязанностям, порожденной не только давлением частных дел, но и исключительной поглощенностью партийной политикой.

Как только законопроект о корпорациях был номинально принят бюргерами, его копии были пущены в оборот. Отсканировав этот огромный законопроект из 243 фолиантовых страниц, который таким образом был наброшен на город, я сразу же понял, что это очень ретроградный законопроект, и он окажется особенно тираническим по отношению к бедным. Будучи полностью убежденным в том, что основной обязанностью любого общества является защита трудолюбивых бедняков от превращения в нищих, я взглянул на законопроект с этой точки зрения и был потрясен им. Он был составлен для того, чтобы способствовать росту этой современной ошибки, модного города-пансиона, путем попытки привлечь богатых временных посетителей, вместо того чтобы способствовать развитию постоянной производительной промышленности. Своими положениями он значительно увеличил долг города; вывел расходы из-под контроля плательщиков; обеспечил значительное увеличение бюрократического аппарата, поставив все новые учреждения под

контроль чиновников городского совета; подтвердил и установил фактический октрои на уголь и предметы первой необходимости; Он ввел самые подробные и произвольные правила в отношении строительства, санитарной инспекции, полицейских арестов; он вновь ввел в действие устаревшее постановление, согласно которому порок считается женским; и во многих других отношениях он стремился превратить Городской совет в хозяев, а не в слуг народа.

Я сразу же начал спрашивать у отдельных плательщиков, видели ли они этот законопроект, который затрагивал все слои населения. Никто его не видел, а позднее выяснилось, что ни один член даже самого городского совета не читал его внимательно, кроме маленького парламентского комитета, который следовал указаниям официального агента в Лондоне.

Я рад сообщить, что первая нота серьезной общественной тревоги прозвучала из уст представителей медицинской профессии, которые, обнаружив, что этот законопроект превратит их в семейных шпионов, отказались подчиниться, и, имея организованное медицинское общество, единодушное в своем мнении, они начали противодействие тем пунктам, которые вызывали возражения и затрагивали их позицию. Но были потеряны недели драгоценного времени, прежде чем внимание было привлечено к общему тираническому характеру законопроекта. Наконец растущее недовольство нашло отклик в лице активного, просвещенного бюргера. Было проведено многолюдное общественное собрание, на котором присутствовали в основном малоимущие плательщики, и был создан комитет, чтобы выяснить, какие поправки можно внести. Но времени на тщательное изучение этого огромного законопроекта до его оглашения в парламенте не было. И здесь следует отметить два обстоятельства. Во-первых, полное безразличие богатых жителей к биллю и ко всему, что влекло за собой хлопоты с их стороны, при том, что бедные жители боялись страшных расходов на закон, которые повлечет за собой противодействие.

Вторым примечательным моментом было полное незнание всеми сторонами наилучшего и точного метода процедуры различных шагов, которые необходимо предпринять для внесения поправок или противодействия Биллю, например, времени, отведенного на различные этапы, сторон, к которым следует обращаться, способов обращения к ним, прав бургомистров на явку и т.д. Никто, ни неспециалист, ни юрист, не обладал точными подробными знаниями.

Со своей стороны, я обращался за информацией в штаб-квартиру в Лондоне. Здесь я хочу раз и навсегда заявить, что ничто не может превзойти той любезности и зачастую доброжелательности, с которой мои грубые запросы всегда встречали высшие чины. Действительно, всю свою жизнь, несмотря на то, что я был вынужден работать скорее вопреки, чем вопреки социальным условиям, я всегда находил людей, готовых помочь честному, бескорыстному работнику.

В Лондоне я узнал несколько удивительных фактов. Эти факты можно кратко суммировать: Во-первых, действия центрального правительства направлены на ослабление муниципалитетов путем поощрения их к большим долгам; во-вторых, пользуясь их слабостью, они, очевидно, намерены присвоить себе власть, которая до сих пор принадлежала муниципалитетам как самоуправляющимся общинам.

Это очень серьезные факты, которые, как я думаю, вызваны не влиянием просвещенных глав департаментов, которые меняются при каждой администрации, а огромной растущей системой постоянного чиновничества, которая действует как огромная машина, подавляя свободу личности, потому что она естественно стремится работать без трения. Термин

"вихрь", привычно применяемый к системе, когда любой индивидуальный интерес оказывается втянутым в ее течение, хорошо выражает ужасную мощь этих официальных сил.

Мое первое изумление было вызвано ответом на мое возражение по поводу увеличения возможностей заимствования, предоставленных нашим биллем Гастингса маленькому городку с населением в 40 000 человек, который уже имел долг почти в четверть миллиона. "Какова налогооблагаемая стоимость вашего города?" - спросили меня. '£300,000.' И вы считаете четверть миллиона большим долгом? Позвольте мне сказать, что вашему городу очень повезло, что у него такой маленький долг! Разве вы не знаете, что правительство разрешает вам брать в долг сумму, равную двухлетнему годовому рейтингу?

Таков был поразительный взгляд политического экономиста на обязанности правительства. Я подумал о сотнях наших бедных плательщиков, неспособных платить свои налоги. Я вспомнил статистический отчет о том, что "в Великобритании муниципальные и другие местные долги выросли за десять лет с 84 до 140 миллионов", и просто онемел от страха за будущее. Ведь я уже убедился, что право занимать означает поощрение заимствований, и что муниципальный кошелек не рассматривается как траст, который быть более тщательно охраняемым, чем частный кошелек.

Мое следующее открытие касалось санитарных и полицейских пунктов, и особенно тех, которые касались в первую очередь женщин. Я утверждал, что хороших борделей не бывает; что это незаконные заведения, которые должны постепенно и неуклонно подавляться растущей нравственностью людей, которых следует поощрять расширением возможностей для приведения закона в движение; и что любое юридическое различие между плохими домами, которые являются "неприятностью для окрестностей", является неправомерным различием. Я также указал, что термин "проститутка" должен быть полностью исключен из всех законодательных актов как устаревшая несправедливость, и что все необходимые меры по борьбе с растущим пороком должны применяться ко "всем лицам, совершающим правонарушения на постоянной основе".

В официальных кругах эти честные предложения считались совершенно неосуществимыми; но я узнал, что центральное правительство будет готово отменить любое необычное местное положение, чтобы взять все санитарные и полицейские меры в свои руки.

Это показалось мне очень тревожным намерением. Несомненно, будет нанесен смертельный удар по свободе личности, если все санитарные и полицейские нормы будут втянуты в "водоворот". Ошибки муниципалитетов пробуждают индивидуальную совесть и могут быть обращены на воспитание общества; но отнимите у нас эту естественную силу роста, и мы превратимся в слабую, стремящуюся к самосохранению массу, подвластную демагогам и рабам чиновничьих бастилий.

Я начал понимать широкое значение факта, который вызвал мое удивление некоторое время назад. Скандалы, происходившие в одном из наших новых парков, привели к тому, что Совет местного самоуправления получил разрешение поставить там дополнительного полицейского. Заметив этот факт, я спросил нашего советника: "С какой стати вы проконсультировались с Советом местного самоуправления по поводу наших собственных полицейских? Разве не наш комитет по наблюдению занимается вопросами полиции? Он ответил: "О, разве вы не знаете, что Совет местного самоуправления оплачивает часть наших полицейских расходов? Просматривая счета Боро за 1884 год, я, конечно же, нахожу эту статью расходов на полицию: Взнос в казну, £1,881 16s. 1d.

Наши бедные налогоплательщики не могут платить за квартиру, поэтому мы грабим Петра, чтобы заплатить Павлу; мы получаем деньги от Генерального правительства, которые все должны вносить в фонд снабжения, с идеей снизить местные ставки, а взамен позволяем центральным властям вмешиваться в работу нашей полиции. Конечно, это продажа нашего права на рождение за очень обманчивый кусок похлебки!

Когда наш городской совет узнал о законном недовольстве, которое существовало в отношении законопроекта, отправленного в Лондон с весьма несовершенно знанием его содержания, они постарались с готовностью встретиться с Комитетом налогоплательщиков, и в последний момент для законного противодействия Совет принял некоторые важные поправки, которые устранили право произвольного ареста полицией и смягчили некоторые другие грубые вмешательства в права личности.

Народный комитет был вынужден принять эти несовершенно уступки. Время для противодействия законопроекту истекло. Ни один богатый или обеспеченный житель не проявил ни малейшего беспокойства по поводу этой меры. Один высокопоставленный лондонский чиновник заметил мне: "Если ваши горожане действительно считают этот законопроект таким плохим, то им ничего не остается, как засунуть руки в карманы и собрать деньги на противодействие ему". Это замечание показывает, как мало богатые люди, облеченные властью, знают об условиях жизни в фешенебельном городе с ночлежками. Работа по пересмотру этого билля - работа, неизбежно незавершенная, - была проделана бургезами со скромным достатком и перегруженными личными заботами, а время, необходимое для этой общественной работы, было украдено у сна. Не было ни возможности отозвать билль, на который уже были потрачены большие государственные деньги, ни собрать крупные суммы, необходимые для законного противостояния ему.

Таким образом, городу был навязан новый законопроект о корпорациях самого ретроградного характера - законопроект, который значительно усиливает чиновничью или бюрократическую организацию, устраняет контроль плательщиков над расходами, играет на руку централизованному правительству, устанавливает защитные пошлины на предметы первой необходимости и досадно вмешивается различными способами в законную личную свободу жителей.

Последняя "битва при Гастингсе", состоявшаяся в 1885 году, закончилась поражением.

Это знакомое повествование о недавнем опыте одного из наших маленьких городов теперь приводится с практической целью.

Похоже, что подобный ход событий происходит во всех наших городах, больших и малых. Без контроля это пренебрежение общественным долгом и бездумное подчинение официальному формализму должно неуклонно ухудшать наш национальный характер. Остановить его может только добровольная организация людей, которые будут решительно бороться за теократический принцип прав человека против эгоистичного демагогизма партийных разборок. Самый очевидный факт в истории - это Божественное нравственное управление миром. Нация, погрязшая в эгоизме и похоти, всегда вырождается и погибает, а на смену ей приходят новые расы. Это великий урок веков. Мы не понимаем его только потому, что метод действия Творческой Силы гораздо грандиознее и надежнее, чем методы нашего индивидуального действия. Но все самое сильное и благородное в нашей человеческой

природе может быть лишь слабым отражением того, что неизмеримо сильнее и благороднее во Всемогущей Творческой Силе. Внимательное изучение наших собственных человеческих потребностей, измеряемых и ограничиваемых потребностями всех других человеческих существ, является основой всякого роста. Это взаимное ограничение и управление правами человека с помощью его обязанностей - Теократия. Только она может быть постоянной формой правления, ибо праведное демократическое правление неизбежно должно быть теократическим.

Если церкви еще не могут понять, что образование народа в его муниципальной жизни - насущная потребность века, если политические партии слишком коррумпированы или корыстны, чтобы усвоить этот урок, то помощь должна прийти из других источников. Возможно, женщины-плательщики, еще не запутавшиеся в политике партий, и мужчины, поднявшиеся над ними, услышат Божественный голос, который обращается к ним, и смогут разжечь маленький священный огонь, который вырастет в маяк, освещающий нацию.

Сейчас необходимо рассмотреть вопрос о том, каким образом во всех наших муниципалитетах могут быть постепенно созданы организации домохозяев для взаимного обучения и законной критики.

Неофициальная организация, достаточно приспособленная для того, чтобы оперативно реагировать на любой внезапный призыв муниципалитета, действительно приобретает жизненно важное значение. В центре таких организаций должны стоять три-четыре искренних, бескорыстных человека (настоящее теократическое братство), которые будут тщательно изучать муниципальные или социальные вопросы, планировать и инициировать работу по постепенному просвещению, особенно среди женщин-избирателей и наших малоимущих плательщиков. Я особенно упоминаю женщин, потому что ничего не было сделано для их просвещения относительно новых обязанностей, возложенных на них в 1867 году. Примечательно, что когда за последнее время в реестр было внесено еще 2 000 000 мужчин, самые активные усилия Кобденского клуба и других организаций были сразу же направлены на обучение этих новых избирателей по партийной моде, но не было предпринято никаких усилий для непосредственного обучения сотен тысяч женщин, которым в 1867 году было предоставлено право голоса в муниципалитете, краеугольном камне нашей политической системы.

Есть вопросы политики, имеющие большое и важное национальное значение, которые должны быть изучены объединенными домохозяевами. Мало кто знает, какими должны быть прямые действия и косвенное влияние городского совета - его обязанность противостоять посягательствам центрального правительства; его обязанность поощрять интерес и действия бургомистров к их собственным учреждениям и сокращать число безответственных чиновников; его обязанность рассматривать общественный кошелек как торжественное доверие и требовать тщательного изучения муниципальных счетов.

Отмена устаревших практик, рассмотрение изменений или приспособление к современным потребностям муниципальных правил требуют внимания со стороны домохозяев.

Мало кто из бургезов знает, что десять прихожан имеют право назначить любого из своих собратьев представлять их в городском совете в течение трех лет. В настоящее время выдвижение кандидатов происходит втайне от партийных клитик, и эта практика никогда не была предусмотрена нашей Конституцией. Эту злонамеренную практику можно напрямую пресечь благодаря предусмотренной свободе независимых действий. Я уже упоминал о праве требовать опроса на любом уставном собрании, где есть серьезные возражения

против любой предложенной меры, - важнейшей гарантии муниципальной свободы, которая, очевидно, неизвестна большинству плательщиков.

Мне нет необходимости касаться важных вопросов выбора опекунов бедных, членов школьных советов и других должностных лиц, которые должны избираться жильцами, поскольку ко всем им применима одна и та же критика. В настоящее время ко всем этим важным выборам царит безразличие, если только не возникает острая борьба на партийной почве. Однако вопросы, действительно жизненно важные для нашего национального благосостояния, связаны с этими, казалось бы, незначительными моментами в нашем муниципальном хозяйстве, и я полагаю, что безразличие, которое сейчас ощущается по отношению к выборам в район, если оно не стимулируется партийными распрями, проистекает из незнания этих более важных отношений.

Именно в надежде на то, что это великое муниципальное образование начнется на широком плане, вне партийных разборок, я и решился обратиться к этому эпизоду из личного опыта.

Те, кто глубоко верит в нравственное управление этим миром и хочет помочь в установлении истинной теократии, должны искать истину во всех источниках. К нашим современным пророкам, Герберту Спенсеру, Джону Рёскину и многим другим искателям истины следует прислушиваться; не как к богам, но как к людям, которые, несмотря на человеческую ограниченность, тем не менее через зло и добро никогда не отступают от неуклонного бескорыстного поиска истины - людям, которые способны ясно видеть великие аспекты Божественной истины, и которые могут освежить и направить нас в нашей более скромной, но провиденциальной задаче. Такие люди часто являются самыми верными последователями нашего Господа в этом девятнадцатом веке.

Всем женщинам-избирательницам, всем нашим более бедным плательщикам я настоятельно рекомендую создать союз для изучения муниципальных прав и обязанностей и надеюсь, что мои скромные, но искренние усилия в этом направлении найдут сочувствие и руководство у всех тех провидцев истины, которые в состоянии помочь нам.

ССЫЛКИ:

[22] В этом квартале в нашем маленьком городке было получено от четырех до пятисот повесток о наложении штрафов.

АДРЕС
ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ОТКРЫТИИ
ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА
ЖЕНСКОГО МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА
ПРИ

Нью-Йоркского лазарета, 126, Вторая авеню

2 ноября 1868 года

ОБРАЩЕНИЕ

Наш факультет любезно настоял на том, чтобы я произнесла первые слова, с которыми наш новый колледж обращается к своим друзьям, и я вынуждена подчиниться их желанию, хотя мне хотелось бы, чтобы какой-нибудь более компетентный человек показал широкое значение тех принципов, которые заложены в нашей работе.

Истинный рост происходит медленно (по нашим меркам) и бесшумно. Крошечный саженец пробивается вверх с невидимой и бесшумной силой; так и мы работали - молча. И все же самый настоящий рост имеет свои яркие фазы развития. Мы с радостным предвкушением наблюдаем за первой нежной зеленью распускающейся листвы; позже мы наслаждаемся восхитительным цветением яблонь в мае.

Именно в 1853 году в гостиной на Университетской площади (как помнят двое или трое из присутствующих) был заложен маленький росток медицинского учреждения для женщин, который медленно рос, пока в 1857 году не превратился в небольшую больницу. Многие из присутствующих здесь сегодня вечером вспомнят открытие больничных палат на Бликер-стрит и сердечные слова поддержки, сказанные тогда. Они вспомнят того благородного молодого священника, срубленного в своей многообещающей юности, который спешил со своих неотложных обязанностей в далеком городе с коврой дорожкой в руках, решив от всей души поприветствовать нас, потому что благое дело было непопулярно.

Теперь дерево превратилось в колледж, и друзья снова собрались вокруг, чтобы порадоваться его обещанию принести большую пользу.

Потребовалось пятнадцать лет терпеливой работы - работы верой, потому что путь был очень темным, - чтобы заложить фундамент колледжа. Большинству людей это показалось странным, ведь за это время появилось множество женских колледжей; сотни женщин получили диплом врача; некоторые из них стали уважаемыми практиками, а некоторые заработали большие суммы денег. Многие из первых друзей лазарета умерли, а некоторые были обескуражены его медленным ростом.

Основать бедный колледж очень просто. Наше либеральное Законодательное собрание выдает хартию любому, кто попросит об этом, и всегда можно собрать аудиторию с речами и музыкой, чтобы засвидетельствовать вручение пергаментных свитков заученного вида классу хорошо одетых студентов; но хартия и диплом не обязательно гарантируют достойное образование врача. Основать действительно хороший колледж - задача огромной сложности, и до сих пор она была невозможна из-за отсутствия профессиональной помощи - квалифицированных преподавателей и достаточного количества клинической базы. К этой трудности добавилась еще одна - нехватка средств.

Вот уже пятнадцать лет мы стоим перед этими двумя перпендикулярными скалами - деньгами и мастерством - и всеми возможными способами пытаемся взобраться на них. Все сочувствуют нам в том, что касается первой трудности, но в то же время организаторы обычных благотворительных предприятий вряд ли могут осознать дополнительную трудность, связанную с принципиальным попрошайничеством. Люди готовы отдать деньги

на благотворительность или народный энтузиазм, но очень редко - на принцип, еще реже - на такую непопулярную идею, как обучение женщин медицине.

Однако мало-помалу мы закладывали один камень на другой, пока не обрели фундамент, достаточный для того, чтобы на нем стоять. Он, конечно, небольшой, но прочный, и мы все чувствуем большую надежду на преодоление первой большой трудности.

Что касается второго препятствия - отсутствия профессиональной поддержки, - то мне достаточно обратиться к проспекту нашего колледжа, чтобы понять, как счастливо мы наконец-то смогли преодолеть эту вторую трудность. Как это удалось сделать, я не знаю. Мы так привыкли быть "презираемыми и отвергаемыми", что поощрение, приветствие, успех кажутся безотчетными. Это как дышать новой и восхитительной атмосферой, которая, тем не менее, странная и похожая на сон; и почти страшно проснуться от шока и снова обнаружить вокруг холод, мрак и борьбу.

Но, каковы бы ни были причины, поддержка, оказываемая сейчас становлению Колледжа, является теплой и сердечной. Если мы оправдаем ожидания мудрых и опытных врачей, которые одобрили и посоветовали создать эту школу, профессиональная помощь будет увеличена до той степени, которая может потребоваться студентам.

Итак, мы приступаем к этой работе под самым благоприятным предлогом, и нас побуждают взяться за нее настоятельные просьбы женщин-медиков из всех уголков страны. С востока и запада, от Калифорнии до Мэна, приходят одинаковые искренние выражения заинтересованности в создании надежного плана образования, одинаковая надежда на то, что другие женщины не смогут приступить к работе в условиях несовершенной подготовки, с которой им пришлось столкнуться. Список прекрасных женщин-врачей, которые записались в стипендиаты Колледжа, показывает доверие, которое испытывают к этому начинанию наши уважаемые коллеги.

Мы постарались следовать предложениям наших самых опытных преподавателей медицины и включили в наш план обучения следующие особенности:

1. Трехлетний курс обучения в колледже.
2. Большая доля времени, отведенного на преподавание и практические занятия, чем на чтение лекций.
3. Постепенная последовательность обучения.

В данный момент я останавлиюсь только на одном из них - трехлетнем курсе колледжа. Для сведения тех, кто не знаком с медицинским обучением, замечу, что законодательные органы, предоставляя школе право присваивать степень доктора медицины, требуют, чтобы эта степень присваивалась только тем, кто изучал медицину в течение трех лет. Три года, таким образом, являются обязательным сроком обучения, и никакая степень не является законной, которая присваивается при меньшем сроке обучения. Но при обычном обучении большая часть этого времени уходит на частное чтение, а колледж отвечает за обучение только в течение двух зимних сессий по пять месяцев каждая, то есть в течение десяти месяцев из тридцати шести, требуемых законом. Оставшиеся двадцать шесть месяцев могут быть проведены с пользой, а могут и не быть; это зависит от интеллекта, решимости и возможностей каждого отдельного студента. Профессия очень хочет, чтобы обучение в колледже было более интенсивным и требовало посещения колледжа в течение части каждого из трех лет обучения. Многие колледжи добавили весенние и осенние курсы, но

посещение студентов не является обязательным, и кажется невозможным удлинить курс обучения в колледже без совместных действий.

Для женщин существует так мало возможностей для полезной учебы, что эти драгоценные двадцать шесть месяцев в значительной степени потрачены впустую. В то же время на всех, кто вводит женщин в медицину, лежит большая ответственность за то, чтобы они были готовы достойно выполнить это доверие. Медицина - профессия ученая и конфиденциальная, и в ее ряды должны приходить самые высокообразованные, самые безупречные по характеру люди. Эта благороднейшая профессия, как и все высокое, подвержена худшим злоупотреблениям. Добро, которое женщины могут совершить в медицинской практике, также является мерой зла, которое они могут причинить. Образование, долгое и тщательное, должно быть защитой общества в этом вопросе. По многим причинам женщины особенно подвержены большому соблазну - невежеству и поверхностному подходу к практике. Колледж должен предвидеть эту опасность и обеспечить длительное и тщательное обучение, которое только и может отличить достойного кандидата от недостойного. Такое образование, отсеивая некомпетентных, даст искренней студентке те преимущества в виде тренировок, основательных знаний, профессиональной поддержки, без которых женщины приступают к практической работе в медицине в условиях жесточайшего дефицита.

Поэтому мы предлагаем принять самый передовой план обучения и разработали прогрессивный курс обучения, который потребует для своего завершения посещения колледжа в течение трех зимних сессий по пять месяцев каждая, которые, как мы надеемся, в конечном итоге можно будет продлить до восьми месяцев. Таким образом, мы сможем не только предоставить каждой студентке дополнительный семестр систематического обучения со всеми теми преимуществами больничной практики, которые присущи только крупному городу, но и держать ее под влиянием колледжа в течение оставшейся части каждого года, направляя промежуточные исследования и формируя гораздо более точное знакомство, чем это было бы возможно в противном случае, с квалификацией каждого кандидата на выпуск.

Применяя этот план, мы вынуждены столкнуться со многими трудностями. Вначале мы должны ожидать меньшего количества учеников из-за дополнительных расходов, ведь какой бы низкой ни была цена за обучение, необходимо покрывать дополнительные расходы на пансион. Кроме того, в самом начале своей карьеры студентка не в состоянии оценить огромные преимущества такого расширенного обучения, и у нее, естественно, возникает соблазн пойти туда, где легче всего получить диплом. Однако мы уверены, что через несколько лет основательное образование, которое дает наш колледж, и отличие, которое дает его диплом, привлекут к нему лучших студентов со всех уголков нашей страны.

Есть еще одна особенность нашего колледжа, о которой я должен упомянуть, поскольку чувствую в ней глубокий и особый интерес: это введение гигиены в наш курс в качестве важного и обязательного предмета.

Кажется странным, что профилактика болезней не должна была всегда занимать мысли и учения блюстителей общественного здоровья, по крайней мере, так же полно, как и лечение болезней, и все же я считаю, что это первый колледж в Америке, где была основана кафедра гигиены. Рассмотрим вопросы, связанные с развитием здоровой человеческой организации - здоровой расы. Физическое и нравственное воспитание; наследование и передача качеств; особенности индивидуальной конституции; природа и влияние климата, почвы, пищи и обычаев; предотвращение эпидемий; муниципальные правила наших городов и т. д. - все эти предметы непосредственно и неизбежно входят в компетенцию кафедры гигиены.

Безусловно, каждый студент, получающий степень Doctor, должен быть досконально знаком со всем, что известно науке на сегодняшний день по этим вопросам. Как иначе он сможет выполнить свое самое благородное предназначение - заботу о здоровье людей и общества? Для специалиста с узким кругом обязанностей такие знания, возможно, не столь важны; но для семейного врача, надежного друга и советчика из года в год, для врача с общественным духом, желающего принести наибольшую пользу своей мудростью и опытом, эти исследования незаменимы, и его посвящение, его первый импульс и интерес к этим знаниям, несомненно, должны быть даны в его колледже.

Есть одна область этой темы, которая, как мне кажется, должна сильно волновать сердца женщин-врачей, и которая, я надеюсь, через них привлечет внимание каждой вдумчивой женщины в нашей стране - я имею в виду ужасающую смертность маленьких детей. Дети рождаются, чтобы жить, а не умирать. Во всех растущих организациях есть удивительная сила жизнеспособности - гораздо более пропорциональная, чем в стариках или даже взрослых; и все же, несмотря на это благодетельное положение природы, мы уничтожаем наших маленьких детей почти в пять раз быстрее, чем других членов нашего социального тела. Если бы каждая женщина в нашем городе могла слышать ежедневные стоны этих умирающих младенцев, могла чувствовать, что каждый день толпы убитых матерей плачут над безвременными могилами, и что ее собственные юбки не очищены от пролития невинной крови, мы бы увидели армию искренних соратников, стремящихся спасти это множество беспомощных детей.

Младенчество и раннее детство - особая обязанность женщин, и как они выполняют это поручение? Не стоит оглядывать хорошо обставленный дом, сияющие улыбками лица счастливых детей и спрашивать: "Разве я сторож брату моему?" Каждый является сторожем брата своего в той мере, в какой, зная, что зло можно излечить, он воздерживается от того, чтобы внести свой вклад в его излечение. Если бы женщины нашего города решили спасти этих детей, они могли бы быть спасены. Год за годом смертность могла бы уменьшаться благодаря санитарным знаниям, распространяемым женщинами, и санитарным правилам, которые они могли бы установить под своим влиянием, пока из своего маленького круга они не смогли бы с радостью смотреть на яркое облако свидетелей за окном - тысячи полезных жизней, спасенных для их домов и их страны благодаря их помощи!

Это предложение, имеющее важное практическое значение, придаст силу великому принципу, заложенному в нашем колледже - научному обучению женщин.

Интерес к природным объектам, тщательное, всестороннее наблюдение за ними, энтузиазм в бескорыстных и безличных целях - вот основные принципы научного исследования, которые с живительной силой войдут в умственное развитие каждой девушки, которые возродят жизнь женщин.

Наука - это не жесткая сухая вещь, как некоторые себе представляют; это искреннее изучение этого удивительного мира вокруг нас. Она принимает форму каждого отдельного ума. В узкой и лишенной воображения натуре она будет казаться жесткой и сухой; в теплой и любящей натуре она выльется во все формы благотворного действия. Это может произвести самые благотворные изменения в отношениях, которые все мы считаем самыми священными, - в отношениях матери и ее детей.

Огромная сила привычки, уступающая лишь изначальному типу конституции и часто превосходящая даже изначальные наклонности, тем не менее формируется молчаливой

работой влияний, час за часом и день за днем, которые невидимы и не поддаются измерению; которые кажутся абсолютно бесполезными, если брать их по пунктам, в долгосрочном счете, и все же в совокупности они спасут или погубят тело и душу. Мать может привить любовь к чтению или любовь к одежде; она может сформировать привычку к упражнениям на свежем воздухе или привычку к сплетням не по установленным предписаниям или даже формальным правилам, а по своим собственным вкусам, неизбежно формирующим вкусы ее детей, и естественным образом вытекающим в эти внешние условия, которые неизбежно отражают правящий дух или привязанности человека. Если бы мать проявляла искренний интерес к чудесам полей и лесов, морей и небес, какую сокровищницу восхитительного общения можно было бы найти в разнообразных окрестностях нашего города! Материнская любовь, соединенная с широкими вкусами и знаниями, никогда не утомляла бы детей в их непрекращающихся вопросах; чем старше ребенок, тем ближе и влиятельнее было бы общение. Отдых на берегу моря или в горах, столь расточительный сейчас в безделье и легкомыслии, мог бы стать богатым урожаем восхитительных знаний, почерпнутых из сокровищ земли и воды.

Именно из-за того, что энтузиазм к естественным наукам будет иметь огромное значение для женщины, ценность для индивидуальной жизни, для дома и для общества, я думаю, что этот колледж будет обязан своим наибольшим интересом. Из того факта, что это медицинский колледж, он будет черпать свою практическую эффективность в воспитании вкуса к науке.

Одна дама, ныне всемирно известная, однажды сказала мне перед началом своей благородной карьеры: "Мы, англичанки, можем изучать все, что угодно под солнцем, что пожелаем получить. Нет ни малейшего препятствия на пути к тому, чтобы мы стали образованными в любой степени; но любая попытка обратить эти знания на пользу, работать с ними, встречает жесточайшее сопротивление, подвергается насмешкам, издевательствам, неодобрению". И все же величайший стимул к учебе, естественные задачи учебы лежат в какой-то благородной карьере".

Именно благодаря этой склонности человеческого разума облекать свои знания в определенную форму наш медицинский колледж, имеющий широкое практическое применение, может оказаться столь ценным центром научных исследований. По мере того как он будет становиться старше и сильнее, он будет распространяться на такие сопутствующие отрасли, как ботаника, зоология, сравнительная анатомия, которые образуют так много точек соприкосновения для профессионалов и непрофессионалов. В связи с ним будут естественно формироваться классы для медсестер, санитарных врачей, для ботанических и других экскурсий. Практической пользе колледжа нет предела, если дух, одушевляющий его, будет искренним, правдивым и разумным.

Итак, мы приступаем к работе в колледже со светлой надеждой, которая простирается за стены колледжа в дома и города вокруг; в высшую цивилизацию будущего, так же как и настоящего.

Наш замечательный преподавательский состав, в полном соответствии с этими взглядами, начинает свою терпеливую и кропотливую работу с неизменным энтузиазмом, который признает трудности на нашем пути, но твердо намерен их преодолеть. Они разделяют широкие и либеральные взгляды современной медицины. Они не принадлежат ни к какой "пате", ни к какой узкой и фанатичной секте. Они - члены того великого католического сообщества науки, которое, начиная с "Отца медицины" и далее, во все века и страны, в самых разных практических формах, искало истину путем наблюдения, эксперимента и спокойной дедукции; доказывало все и держалось за то, что хорошо.

Мы приглашаем всех к сотрудничеству в этой благородной работе. Особенно мы приглашаем к сотрудничеству женщин. Объединенные действия имеют огромное значение в таком трудном деле, как это. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы примирить различные интересы. Принципы не должны быть принесены в жертву. Колледж должен быть честной и искренней попыткой дать женщинам самое высокое образование, которое может дать современная наука. Именно на этой основе должно происходить объединение. Эта школа - единственная, которой доверяет профессия, единственная, которую она одобрила. Она заложила свой широкий фундамент пятнадцатью годами терпеливой работы и быстро вырастет в здание благородных пропорций, если все дружные помощники объединятся в его строительстве.

РЕЛИГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Лекция, прочитанная в 1871 году

РЕЛИГИЯ ЗДОРОВЬЯ

Слова "Религия здоровья" имеют глубокий смысл для врача, который всю свою жизнь посвятил облегчению физических страданий. Я попытаюсь изложить то, что, как мне кажется, подразумевают эти слова.

Повиновение Божественному закону - высшая мудрость человеческой расы.

Там, где Божьи законы ясно видны, начертаны неизменными символами, настолько ясными, что каждый человек, готовый их прочесть, может это сделать, там мудрость, счастье, а может быть, и просто здравый смысл расы - в том, чтобы им повиноваться. Первый урок, который должен глубоко усвоить каждый из нас, - это подчинение закону. От этой неумолимой судьбы никуда не деться. Хотя каждый человек рождается со свободной волей, его тип - план и модель его бытия - также рождается вместе с ним. Этот тип ограничивает природу, но он же и является путеводителем; это перст Провидения, указывающий ему дорогу в великой пустыне творения; это Божественный порядок, согласно которому каждый может свободно расти и расширяться телом и душой до самых прекрасных пропорций. Истинная свобода заключается в добровольном выборе этого типа, в полном принятии всех его условий и в стремлении раскрыть свои возможности. Воля может отказаться от этого типа, может отрицать законы, управляющие им, может искать свободу в незаконном отвержении Божественного порядка, но вскоре она будет остановлена бесконечными препятствиями, а упорство в неравной борьбе закончится лишь деградацией и самоуничтожением.

Мы узнаем Божественный закон, когда видим, что он существует из века в век неизменно, неся в своем исполнении порядок и красоту; при нарушении - наказание, разлад, опустошение. Эти законы велики по замыслу и благотворны по своим последствиям - одинаково, наблюдаем ли мы чудо родительской любви или исследуем чудеса небес; облачаем ли мы их в теплые человеческие одежды, необходимые простому, любящему сердцу, или облачаем в четкую точность научных формул, необходимых для правдивого ума.

Если в существовании окружающего нас материального мира и есть какой-то закон, который все могут четко распознать, так это неизменный метод развития человека от младенчества до старости. Существует определенный план, согласно которому младенец проходит через детство и юность в мужественность, а затем через пожилой возраст переходит в старость.

Этот план не меняется ни в одну эпоху, ни в одной расе или стране. Он одинаков как для самого низкого дикарского племени, так и для самой культурной расы. Никакие наши усилия не могут изменить эту неизменную последовательность человеческой жизни.

Это удивительный факт. Он настолько обычен, что мы почти не замечаем его. И все же он замечателен, потому что настолько распространен - настолько распространен, что является универсальным. Он возвышается, по нашему мнению, до достоинства Закона.

Почитание этого единства жизни возрастает тем больше, чем тщательнее изучается этот странный факт, называемый человеческим телом, чем полнее мы понимаем, что же это такое, что остается неизменным из века в век. Мы говорим о теле так, будто это одна простая вещь, которую можно использовать как инструмент, а потом отложить в сторону; но его сложная структура - это целый мир. Как машина, оно представляет собой образец компактности и изобретательности, и никакое человеческое мастерство не может приблизиться к его совершенству. Он живет двойной жизнью - как для себя, так и для нашего использования. В своей собственной жизни он выполняет тысячу любопытных операций, необходимых для его роста и поддержания, совершенно независимо от нашего желания или сознания. В нем есть обширные мануфактуры, полные сложных и тонких механизмов для производства сахара, молока, кислот, щелочей, солей; в нем есть склады железа, извести и других химических веществ; есть магазины, где он хранит запасы на случай нехватки; в нем есть рафинеры и мусорщики; аппараты для обогрева и вентиляции; в нем постоянно работают насосы и винты, а также более совершенный электрический аппарат, чем когда-либо изобретенный. Всеми этими удивительными операциями руководит разум, работающий по определенному плану и объединяющий эти многообразные энергии для одной цели - поддержания в течение определенного периода здорового человеческого тела. Помимо самостоятельного существования, тело обладает жизнью связи, с помощью которой оно приспособлено к использованию в индивидуальном и социальном существовании. Способности к передвижению, активные органы чувств, способность чувствовать, удивительная человеческая рука и еще более удивительный человеческий мозг - все это относится к другому использованию тела в качестве инструмента для выражения интеллекта и эмоций.

Не менее примечательна и система общих неизменных законов, которыми управляется эта живая структура. Первый закон, который мы замечаем в человеческом росте, - это преобладание физического развития над умственным. Мы замечаем, что физическое развитие, хотя и не отделяется от умственного, всегда опережает его. Об этом свидетельствуют удивление и восторг, с которыми родители встречают первый признак пробуждающегося интеллекта у маленького ребенка, первую улыбку, первый признак наблюдательности. Это пробуждающийся разум. Но каждая физическая функция, необходимая для жизни, идеально выполняется с первого момента рождения, так же идеально, в соответствии с ее потребностями, как она будет выполняться на протяжении всей жизни. Это первенство физической жизни сохраняется на протяжении всего периода роста, хотя оно все меньше поражает нас с годами, когда разум постепенно овладевает телом, что должно быть условием взрослой жизни. Мозг - это последняя часть тела, которая прекращает свой рост. Все остальные органы прекрасно сформированы, каждая кость укрепилась, физическая организация завершена, а ум с его необходимым органом

выражения все еще растет. Я ставлю этот важный факт на первое место среди правил, управляющих человеческой экономикой, потому что он бьет ключом по образованию; и только благодаря глубокому пониманию этого принципа мы сможем с пользой изменить наши нынешние системы образования.

Каждый возраст имеет свой особый способ существования; таким образом, существуют законы роста, зрелости и упадка. Есть великие факты роста путем упражнения или использования; необходимость поддерживать справедливое распределение сил между различными частями, чтобы одна не росла за счет другой; чередование действия и отдыха, необходимое в каждой части экономики; разнообразная жизнь различных функций, которые придают каждой индивидуальность и особое правило; разновидности расы, темперамента, индивидуальных особенностей - все это лишь слегка указывает на масштабы и разнообразие этих неизменных законов, по которым формируется наша человеческая природа. Их важность можно осознать более полно, остановившись на одном или двух из них.

То, что можно назвать балансом сил или справедливым распределением сил в различных частях нашей физической и психической природы - в соответствии с каждым индивидуальным типом, - необходимо для совершенства организации - это, по сути, мера здоровья. Оно достигается и сохраняется путем должного осуществления всех функций нашей природы. Чтобы выяснить, в чем заключается это должное осуществление, мы наблюдаем, что различные функции человеческого существа подчиняются различным законам постоянного или периодического действия. Чем выше объект функции, тем шире ее сфера действия, тем дольше требуются интервалы отдыха и тем более непосредственно она подчиняется разуму; она выводится из-под контроля автоматической вегетативной жизни тела и ставится под руководство центральной инстанции - Разума-Совести. Так, мы видим легкие, единственным объектом которых является физическая жизнь человека, дышащие день и ночь непрерывно, с чередованием отдыха и действия каждое мгновение. Пищеварительный аппарат, с более длительными интервалами отдыха и более широким кругом объектов, связанных с приготовлением и приемом пищи. Органы чувств с их огромной пользой как для человека, так и для общества, каждую ночь погруженные в дремоту. Так, шаг за шагом, план поднимается к высшим функциям человеческой природы - тем, которые касаются расы, - которые, прежде всего, находятся под властью разума и не подчиняются тому закону постоянного действия, который управляет низшими функциями.

Не менее интересен и тот закон нашей природы, который определяет рост путем упражнений. Современная наука убедительно доказала, что руководящий орган человеческого тела, мозг, имеет отдельные части своей структуры, предназначенные для обслуживания различных способностей ума. Таким образом, интеллектуальные, эмоциональные и двигательные способности работают через соответствующие части высокоорганизованного мозга. Каждая из способностей развивается благодаря упражнениям. Не только умственные способности становятся сильнее, но и их физический орган выражения в мозге, с его зависимостями в остальном теле, становятся больше и сильнее, с более богатым кровоснабжением и большей способностью к мгновенному действию. Такое состояние физического органа влияет на разум, которому доставляет большее удовольствие действовать в определенном направлении, когда он видит, что мозг так чутко реагирует на его импульсы. Если правильное распределение сил нарушается в человеке из-за пренебрежения к важным частям нашей природы, возникает антагонизм способностей, одна часть развивается за счет другой. Так, эмоциональное может разрушить интеллектуальную жизнь в человеке, который подвергается чрезмерному возбуждению страстей, особенно если тип его натуры не является в значительной степени

эмоциональным. Другие способности быстро теряют свою силу. Страдает интеллект, теряется рассудительность, возникает спутанность сознания, которая на самом деле является разновидностью безумия. Те органы тела, которые наиболее тесно связаны с возбужденной частью мозга, также вовлекаются в процесс, и их функции могут быть полностью нарушены. Автоматическая сила человеческого тела также может взять на себя чрезмерный контроль над теми, кто поддается фантазиям и капризам и ведет неестественный и малоподвижный образ жизни. Существует антагонизм между этой автоматической силой и жизнью отношений, или мозговой жизнью человека. Чем больше теряется баланс сил в человеческом мозге - разум перестает быть контролирующей силой, - тем больше становится сила этой инстинктивной жизни тела, тем больше ее способность отвечать каждое причудливое предложение и даже возбуждать эти предложения. Таким образом, человек может стать спортом своих собственных неуравновешенных способностей и жертвой всех видов болезненных галлюцинаций.

Такая сложная организация (как человеческое тело), предназначенная для столь разнообразного использования и в то же время черпающая элементы своего существования из внешнего мира, должна испытывать сильное влияние всех обстоятельств, которые ее окружают. Определенные физические и психические условия необходимы для роста человека, для его здоровья. Поэтому вопросы питания и одежды, дренажа и вентиляции, человеческого жилища, упражнений и занятий приобретают равную важность и достоинство, как необходимые для осуществления великого неизменного плана жизни.

Таким образом, мы оказываемся лицом к лицу с великим неизменным фактом, который касается каждого человека в каждый момент жизни, - неизменным Божьим законом человеческого роста. Этот закон мы призваны изучать, повиноваться ему, и послушание ему стоит на первом месте в ряду человеческих обязанностей. Послушание может быть оказано только путем изучения объектов физической жизни, ее структуры, ее условий, ее правил. Ее изучение, рассматриваемое таким образом, становится священным, а невежество - преступным.

Глупость и порочность нашего практического пренебрежения к великим законам человеческого роста можно измерить наказаниями в виде страданий, болезней и преждевременной смерти, связанных с этим пренебрежением. Это становится еще более поразительным, если обратить внимание, прежде всего, на огромную силу принципа жизненной силы, сильную тенденцию к жизни и сопротивлению вредным влияниям, которой мы все обладаем. В истории человеческой расы нет ничего более примечательного, чем ее огромная способность к адаптации. Разбросанные по всей поверхности земного шара, в самых разных условиях, люди по-прежнему живут и процветают. Города Куэнса и Кито, расположенные на высоте 9 600 футов над уровнем моря, имеют большое и процветающее население; то же самое можно сказать о городах Голландия и Новый Орлеан, которые лежат ниже его уровня. В штольнях глубочайших шахт, на глубине многих сотен футов под поверхностью земли, живут толпы рабочих, лишенных света, дышащих воздухом гораздо более сгущенным, живущих под гораздо более сильным давлением, чем в обычной атмосфере. С другой стороны, научные наблюдатели надолго поселились на гребне Пичинчи, на высоте 14 826 футов. Агассис провел несколько недель в исследованиях на Юнг-Фрау. Гей Люссак достиг на своем воздушном шаре самой большой высоты, когда-либо достигнутой человеком, - 28 000 футов. Все могут вспомнить захватывающие рассказы об арктических путешествиях, где термометр показывал 91° ниже нуля. Сравните это с палящим солнцем Индии, где наблюдается 120° по Фаренгейту; где стекло трескается от жары. Широкий диапазон температур - более 200°, и все же тепло человеческого тела сохраняет

свое устойчивое и необходимое количество, никогда существенно не изменяясь в двух крайних точках. Подобные иллюстрации способности человеческой природы приспосабливаться к неестественным условиям могут быть взяты из всех других элементов, необходимых для жизни.

Несмотря на эту удивительную силу жизнеспособности, которая может выдерживать такие экстремальные колебания физических условий и переносить огромные лишения, тщательное наблюдение по всей нашей стране представляет собой страшный отчет о смерти, болезнях и физическом вырождении, вызванном нашими собственными социальными механизмами - устройствами и привычками, настолько разрушительными для человеческой организации, что они пересиливают даже эту великую способность к адаптации.

Это видно по статистике наших городов, по состоянию нашего крестьянского населения, по нашему социальному и бытовому опыту.

Статистика всех наших крупных городов демонстрирует огромное и неестественное уничтожение жизни, происходящее в этих центрах цивилизации, где можно найти высочайшее медицинское мастерство, которое свободно предоставляется как бедным, так и богатым. Естественный уровень смертности в настоящее время составляет 17 на тысячу - то есть, при самых благоприятных условиях, как среди высших классов в наших самых здоровых городах, в самых здоровых сельских районах, во всем мире ежегодно умирает 17 человек из каждой тысячи, более низкая смертность является исключительной; но вместо естественного уровня 17 на тысячу смертность в наших главных городах (1868) была следующей: Бристоль, 23; Лондон и Бирмингем, 24; Дублин, 25; Эдинбург, 27; Ливерпуль, 29; Глазго, 30; Манчестер, 32. Это означает, что только в Лондоне в год, когда не было особых болезней, погибло более 21 000 человек, которые должны были жить. На Британских островах армия из 176 516 жизней была сметена без необходимости. И это еще не все: гораздо большая часть населения постоянно болеет в одно и то же время; в Лондоне, по подсчетам, около 78 000 человек, из которых треть страдает от болезней, которые можно предотвратить. В этом подсчете не учитываются те немощные, больные люди, которые никогда не бывают здоровы более чем наполовину, которым не хватает сил и энергии для ежедневного выполнения обязанностей. Показано, что во всей Англии средняя продолжительность жизни людей составляет сорок один год - не более половины срока жизни, который, казалось бы, должен быть естественным для нашей расы. Из тех, кто умер в течение года, более 134 000 были в зрелом возрасте; но еще более примечательны случаи смерти в возрасте до двадцати пяти лет: более 242 000 погибли в детстве и юности. Повальное истребление детей в нашей цивилизованной стране поистине ужасает. Из 233 515 смертей всех возрастов 94 804, или 40-60 процентов, приходится на детей в возрасте до пяти лет.

Чтобы полностью понять серьезность этих данных, необходимо отметить три факта: во-первых, смертность в стране всегда занижена; во-вторых, население городов растет гораздо быстрее, чем население деревень; в-третьих, смертность увеличивается прямо пропорционально плотности населения.

В доказательство этих трех положений позвольте мне привести недавние свидетельства наших самых выдающихся статистиков:

"Везде, где население растет, количество смертей занижается из-за избытка молодых людей, из-за чего смертность кажется ниже, чем она есть на самом деле. Смертность в Лондоне по статистике кажется гораздо меньше, чем на самом деле; она снижается двумя способами: большим притоком людей в возрасте, когда смертность низкая, и отъездом и возвращением пациентов в страну, чтобы умереть, например, как больные. Причины болезней в Лондоне чрезмерно активны, что видно, например, по смертности детей мужского пола в возрасте до пяти лет, которая составляет около 8 процентов. (т.е. 80 на 1000), в то время как в некоторых более здоровых районах она не превышает 4 процентов". И снова: "Из 20 066 224 человек, зарегистрированных в Англии в 1861 году, почти 11 000 000 проживали в городах, а 9 000 000 - в деревнях и сельской местности вокруг городов. Общее население Лондона и 71 крупнейшего города Англии составляло более 7 667 622 человек, а население деревни и более мелких городов - более 12 398 602 человек, так что в этих 72 городах проживает почти восемь двадцатых населения. Общий прирост населения Англии с 1801 по 1861 год составил более 11 173 688 человек, и половина этого прироста пришлась на эти 72 города. Таким образом, становится очевидным, что городское население растет гораздо быстрее, чем сельское". Население страны сейчас почти такое же, как в 1801 году. По закону, который в настоящее время является довольно постоянным, смертность быстро увеличивается с ростом плотности населения. В самых тонких районах смертность составляет около 15 на 1000 человек; в самых плотных районах она колеблется от 28 до 33. Это соотношение является постоянным законом: где на квадратную милю приходится 179 человек, там смертность составляет от 17 до 19; где плотность населения варьируется от 3 000 и выше, смертность колеблется от 26 до 33; таким образом, при наших нынешних условиях существует постоянная связь между плотностью населения и его смертностью. В этой связи нет необходимости; наши города можно сделать почти такими же здоровыми, как эти сельские районы, где смертность составляет от 17 до 20 человек". О том, в каких условиях растут большие массы нашего населения, другой выдающийся врач пишет: "Они порождают особые болезни, деморализуют население и в течение нескольких поколений полностью уничтожают телосложение людей. Невозможно пройти по центральным улицам (этого большого города) и не заметить, что вы соприкасаетесь с населением, ужасно деградировавшим как по своим физическим, так и по моральным качествам; населением, одни только внешние характеристики которого сразу же наталкивают вас на мысль о глубине деградации вредных привычек, растущих на протяжении многих поколений, в результате этих мероприятий". "Тысячи и сотни тысяч людей воспитываются таким образом".

Переходя от городов к сельскохозяйственному населению, где мы вправе ожидать наиболее полного сохранения здоровья, мы обнаруживаем положение вещей, которое поражает наблюдателя до ужаса. Земледельцы составляют костяк нации. Я внимательно наблюдал за ними в Америке и научился считать их правящей силой нации; независимые, вдумчивые, проявляющие рассудительность и здравый смысл. Снова и снова я видел, как коррумпированные или недобросовестные голоса жителей больших городов отменялись или подавлялись большинством сельских жителей. Состояние крестьян, обрабатывающих землю по всей нашей стране, представляет собой ужасный контраст с этой картиной. Лихорадка, порожденная крайним несчастьем, кажется, является эндемическим заболеванием среди них, истощая их силы и одурманивая их разум, когда она не убивает; они искалечены ревматизмом и уничтожены золотухой; их жалкие домики сырые, темные, тесные и переполненные; их жалкие заработки не могут обеспечить их достойным жильем, пропитанием и другими жизненно необходимыми вещами.

Позвольте мне процитировать свидетельство высокопоставленных лиц, данное в течение года: "До десяти человек часто теснятся в спальном помещении площадью не более 12 футов";

"внешние стены слишком тонкие, комнаты слишком маленькие, нет вентиляции, полы из кирпича или плитки"; "коттеджи часто строятся в болотистой местности, у застоявшейся воды или у подножия холмов, где нет свободной циркуляции воздуха; место выбирается по причине малой ценности земли и ее бесполезности для сельскохозяйственных целей"; "они не в состоянии платить справедливый процент за приличный коттедж". Если в горной долине открывается новая шахта, 200, 300 или 400 коттеджей строятся очень быстро, и они становятся жилыми задолго до того, как высохнут. Фундамент, как правило, строится просто на дерне, который просто переворачивается, и на этот дерн ставится флаг. Нет никакого дренажа; в таких домах в одной долине могут жить от 40 000 до 50 000 человек". По всей Англии есть множество деревень, где люди пьют загрязненную воду". Я не видел в Англии места в худшем состоянии, чем эта деревня. Я видел много местных деревень в Южной Африке, но ни одна не была так плоха, как эта! Подобными свидетельствами о физическом состоянии населения нашей страны - населения, состояние которого является самым верным мерилom силы нации, - можно было бы заполнить тома.

Нет такой опасной ошибки в национальной жизни, как отказ от честного труда. Если условия труда вредны и отвратительны, будь то изнурительные часы работы, нездоровые рабочие места, убогие жилища или тоскливое однообразие труда, работники любого пола неизбежно будут искать облегчения от безнадежной каторги в возбуждении порочных поблажек.

Наш социальный опыт присоединяет свои свидетельства к этой статистике города и страны, чтобы показать, насколько широко распространено это разрушение здоровья. Каждая домохозяйка знает, как трудно найти здоровую прислугу; девять десятых из тех, кто подает заявление о приеме на работу, страдают от какой-либо хронической формы болезни, которая, если бы они принадлежали к другому классу общества, поместила бы их в список постоянных инвалидов. Нет более частой причины нездоровья домашней прислуги, чем сырые и бессолнечные помещения, в которых они проводят так много времени, из-за пагубной практики строительства жилых домов, как в городе, так и в деревне, без подвала под всем домом, осушенного и вентилируемого из стороны в сторону. Ни одно помещение не пригодно для жилья, если под ним нет шестифутового погреба, сухого, с достаточной сквозной вентиляцией. Кажется удивительным, что в таком влажном климате, как наш, где повсеместно распространены ревматизм и золотуха, эта необходимость не осознается.

Часто думают, что санитарные знания означают главным образом вентиляцию, питание и дренаж; что они применимы только к низшим классам, и что мы должны ждать действий правительства, чтобы построить лучшие дома и решить гигантский вопрос нищенства. Это глубокое заблуждение. Здоровье зависит от соблюдения всех законов нашей сложной природы; это относится как к разуму, так и к телу. Ухудшающее влияние, которое исходит изнутри, заслуживает большего страха, чем то, которое приходит извне. Нервная система (по психическим или физическим причинам) может быть полностью разрушена, в результате чего человек превращается в руины. Чувства (по психическим или физическим причинам) могут стать настолько жадными и раздражительными, что благородная доля природы будет утрачена. Истеричный, слабый человек - это нездоровый человек; столь же нездоровым является грубый, жестокий человек. В любом случае здоровье, в истинном значении этого слова, основательно подорвано. Те слои общества, которые могут позволить себе все физические приспособления, которые может приобрести богатство, часто, в силу своего рода страданий, более опасны для здоровья, чем трудящиеся классы. Мне достаточно упомянуть о распространении роскоши, задержке брака, хрупком потомстве от неподходящих союзов, чтобы показать, как неразрывно слиты разум и тело во всем, что касается здоровья.

Высший авторитет в этой области так излагает уроки своего великого труда о здоровье: "Гигиена основана на физической и моральной совершенности человека, доказательством которой она является". Здоровье можно описать двумя словами - нравственность, компетентность".

Общее ухудшение здоровья, преобладающее во всех классах и у обоих полов, наиболее ярко проявляется среди женщин. Оно подтверждается ростом нервных и специальных заболеваний, распространением золотухи, общей хрупкостью конституции и неспособностью переносить неизбежные тяготы жизни.

Здоровье массы образованных женщин - предмет серьезной национальной заботы. Эти женщины составляют сердце нации, они формируют ее семейную жизнь, они создают общество, они оказывают беспредельное влияние на низшие классы. Если здоровье матери подорвано, семейное счастье разрушено; так что если здоровье этого класса народа ухудшено, благосостояние нации под угрозой как в настоящем, так и в будущем.

Молодые родители вступают в тяжелые обязанности семейной жизни в плачевном неведении относительно своих обязанностей по отношению друг к другу и к своим детям. Как родители, они обязаны в первую очередь обеспечить правильные условия для здоровья младенца, ребенка и юноши, пока они не покинут родительский кров. Каждый возраст требует различных условий, которые постоянно усложняются по мере того, как потребности разума возрастают пропорционально физическим потребностям. Те условия, которые обеспечивают идеальное здоровье младенца, не будут достаточными для здоровья пятнадцатилетнего мальчика или девочки. Как слабый желудок ухудшает настроение, так и бездействующий или испорченный разум вредит телу. Чтобы учесть потребности каждого возраста, необходимы всесторонние знания, и такими знаниями должны обладать все родители.

Если искать причину этого разрушения и ухудшения жизни, как это кратко изложено, то мы находим ее во всеобщем невежестве или пренебрежении Божественными законами человеческого роста. Мы находим это пренебрежение и непослушание одинаково среди богатых и бедных, образованных и необразованных, религиозных и мирских, в индивидуальной жизни, в бизнесе. Лихорадки бедняков, истерия роскошных, несварение желудка у ученых, опустошение наших шахтерских районов - все это в равной степени свидетельствует о пренебрежении к удивительной организации, созданной Богом, и о безразличии к условиям, которые Он четко определил как необходимые для ее благополучия.

Одна из важнейших проблем современности - как воплотить санитарные знания, которыми мы обладаем, в жизнь нации, чтобы более высокий уровень здоровья был достигнут нынешним и последующими поколениями.

Решение этой великой проблемы должно быть найдено во многих направлениях. Оно должно быть найдено в силе законодательных действий, в широком влиянии образования и в силе социального объединения.

Роль, которую должно играть законодательство в укреплении здоровья нации, требует серьезного рассмотрения. Законодательство - это человеческая имитация, или видимое представление, величайших фактов во Вселенной-Законе, и оно черпает из этого представительного характера свою огромную силу в формировании ума и привычек народа; ибо, как Божественные законы человеческой организации ограничивают ее силы и направляют ее способы действия, так и человеческие законы, которые управляют народом,

определяют его образ мыслей и его отношения друг к другу. Законодательство, таким образом, не только представляет собой жизнь нынешнего поколения, но и является самым мощным воспитателем подрастающего поколения. Каждый закон содержит в себе эту скрытую силу, которую так часто упускают из виду. В каждом законодательном акте, будь то самое пустяковое деревенское постановление или самый серьезный международный вопрос, за фактами, побудившими к принятию закона, скрываются принципы, и именно отношение, которое законодательство принимает к этим скрытым принципам, накладывает на него печать добра или зла, делает человеческий закон послушным или непослушным Божественному закону.

Здоровье нации - важнейшая забота мудрого правительства. Ни одно другое учреждение не может действовать с такой обширной и объединенной властью. Но при решении такого вопроса, как здоровье нации, необходимо проявлять мудрую осторожность. Человеческие органы очень несовершенны, и многое еще предстоит узнать о том, как правильно решать важнейшие вопросы законодательства в области здравоохранения. Если власти вводят подачу чистой воды в деревню, страдающую от брюшного тифа, они поступают справедливо. Они разбираются с причинами. Путем тщательного расследования они собрали ряд фактов, доказывающих, что нечистая вода вызывает брюшной тиф. В этом действии, заключающемся в подаче хорошей воды, заложено множество принципов. Так, они уничтожают причину большого зла; выражают одобрение этой хорошей вещи - чистой воды; воспитывают в людях любовь к ней; показывают им на собственном опыте, какие блага она приносит. Таким образом, своим законодательством они оказывают послушание Божественному закону. Но совсем другое дело, если они пытаются регулировать деревенский джин-шоп. Джин, как напиток, всегда плох, независимо от того, фальсифицирован он или нет, и в борьбе с величайшим злом, поразившим нашу страну, - проклятием пьянства - законодательство должно придерживаться того же курса, что и в случае с брюшным тифом: оно должно терпеливо и настойчиво накапливать факты, которые покажут, что порождает эту опасную болезнь пьянства.

Божественный закон вознаграждает хороших (*то есть* послушных) и наказывает плохих (*то есть* непослушных), быстро, уверенно, неумолимо, независимо от того, какой ценой или болью; и человеческий закон никогда не должен медлить со злом, ни прямо, ни косвенно санкционировать его, иначе он теряет свой характер закона и становится просто слепой или ошибочной целесообразностью. В борьбе со злом законодательство обязано исследовать причины зла и бороться с ними. Здесь кроется превосходство законодательной власти над индивидуальными усилиями - она способна накопить тот массив разнообразных фактов, с помощью которых можно четко установить причины и направить на них внимание общества. Только на этой прочной основе можно разработать мудрые законодательные меры; только таким образом можно разумно решать великие вопросы национального здоровья.

Наше английское правительство, опережая все другие страны, учится признавать эту великую функцию законодательства и постепенно накапливает такое количество фактов, которое сделает возможными понятные меры мудрого государственного управления. Однако масса народа должна стать достаточно разумной, чтобы поддерживать такие меры. Трудности, которые сейчас стоят на пути улучшения здоровья из-за отсутствия этого интеллекта, немыслимы для тех, кто не рассматривал этот вопрос. Независимо от того, является ли предлагаемое улучшение здоровья большим или малым - будь то восстановление прекрасной горной реки, чьи искрящиеся воды превратились в черный источник загрязнения, или болото, которое необходимо осушить, или бедный коттедж, который нуждается в притоке свежего воздуха - всегда существует одинаковое противодействие и

заблуждение. Так, недальновидный взгляд на расходы вызовет яростное сопротивление мелких плательщиков и невежественных фермеров даже против самых необходимых мер - мер, которые быстро уменьшат процент бедных и повысят благосостояние местности. Для выполнения законов о здравоохранении назначаются некомпетентные или плохо оплачиваемые люди, либо робкие люди, боящиеся возбудить недоброжелательство в округе. Таким образом, законы становятся мертвой буквой, а против улучшений возбуждаются судебные иски, что приводит к издевательствам и даже уничтожению местных советов по здравоохранению. Крупные собственники огораживают участки, передают свои владения агентам и тем самым пренебрегают обязанностями, которые неотделимы от прав. То же самое невежество, которое противостоит таким бесконечным препятствиям на пути создания санитарных улучшений, часто разрушает самые лучшие планы, когда они осуществляются, и доказывает, если это необходимо, что народ должен быть обучен ценить законы, прежде чем могут быть достигнуты цели, для которых эти законы были предназначены.

В настоящее время много путаницы возникает в результате применения законодательства, не основанного на здоровых принципах. Об этом свидетельствуют нынешние законы, регулирующие жизнь городов: "В недавнем издании законов, затрагивающих вопросы здравоохранения и санитарии, приводится текст пятнадцати законов, касающихся здоровья, профилактики заболеваний, неприятностей, местного самоуправления, канализации и подобных тем; двенадцать законов объединяют положения о городах, землях, рынках, полиции, кредитах, пекарнях и т.д. Дополнительных законов о здравоохранении и местном самоуправлении насчитывается двадцать девять, в то время как законы, рассматриваемые в работе, затрагивают не менее 296 общих публичных статутах, которые автор помещает в указатель как упоминаемые в тексте. Ни один юрист не сможет разобраться в этих законах иначе, как путем глубокого исследования, и уж тем более не сможет человек, которому нужно заботиться о собственном бизнесе".

Нельзя переоценить санитарные исследования, проводимые Тайным советом и другими правительственными органами, труды Королевской комиссии, назначенной для изучения положения бедных, и т. д.; но никто не чувствует сильнее, чем те, кто осуществляет эти меры, необходимость усилий в других направлениях - направлениях, где необходимо сотрудничество каждого члена общества, а именно: в образовании, в домашней и социальной жизни.

В настоящее время мы обладаем достаточными санитарными знаниями, чтобы реформировать физическое и моральное состояние человеческой расы, если бы они распространялись повсеместно и их правила применялись систематически. Научные исследования и знание гигиенических законов намного опережают практику повседневной жизни. В пределах нашей досягаемости находятся знания, которые, если их применить, спасут жизни десятков тысяч людей вокруг нас, сохраняют эту армию больных в бодром здравии и сделают наши дома теми драгоценными центрами облагораживающего влияния, какими они должны быть. Однако мы не имеем возможности распространять и применять на практике те основательные знания, которые открыли нам научные наблюдения. Поэтому первая обязанность, которая лежит на всех нас, - это попытка обеспечить всеобщее распространение санитарных знаний. Как каждый человек на Британских островах должен уметь читать и писать, так и каждый человек должен быть научен тому, что здоровье - это долг, и показано, как его обеспечить. Санитарное обучение (разумеется, варьируя его стиль) должно быть введено в каждой школе и колледже королевства - в общей школе, в Оксфорде и Кембридже в равной степени, в каждом цикле лекций, будь то в Королевском институте или

в Музее Южного Кенсингтона, в каждом Институте рабочего, в каждой медицинской и каждой теологической семинарии.

Прежде всего, конечно, важно, чтобы врачи и медики в целом были тщательно обучены санитарным знаниям. Авторитет, которым они обладают, и возможности прививать эти знания в семьях, где остро ощущается опасность болезни, обеспечат им большой успех в качестве миссионеров здоровья, чем любому другому классу общества. Но медиков не учат тому, что их долг - в равной степени предотвращать болезни и лечить их; и поэтому их внимание не заостряется на том, чтобы наблюдать и осуждать многочисленные привычки в семейной жизни, которые имеют тенденцию порождать болезни. В наших медицинских школах существует всего две кафедры гигиены, и посещение этих лекций не является обязательным - то *есть*, не является необходимым для получения степени. Каждый практикующий преподаватель знает, что нагрузка на учебу настолько велика, что студент всегда пренебрегает всем, что не является абсолютно необходимым для его успеха. Одним из самых полезных изменений, которые можно было бы внести в медицинское образование, было бы создание гигиены как первоклассной кафедры, равной по важности с анатомией, и тщательный экзамен по ее учению был бы обязательным условием для получения любой степени, дающей право на посещение больных. Почти столь же важным является введение санитарного образования в теологических семинариях. Духовенство, как правило, кажется печально невежественным в отношении законов здоровья. Мощное и законное влияние, которое они оказывают, было бы более ценным, если бы оно не было таким односторонним. Если бы священнослужители по всей стране, которые управляют огромной армией посетителей приходов, могли показать этим посетителям прямую и положительную связь между чистой кровью (созданной из пищи, света и воздуха) и чистыми мыслями, какая революция произошла бы в каждой деревенской деревне! Но духовенство само должно быть обучено таким знаниям, ибо необходимо не просто интеллектуальное согласие, а глубокое осознание этого. Те же знания необходимы и нашим школьным учителям. Никто не может руководить воспитанием молодежи, если не понимает разницы между молодыми и старыми и не приспособливает воспитание к природе ребенка, а не к своей собственной. Вид занятий, их разнообразие, частые движения и перемены, устройство школьных комнат, неограниченный приток свежего воздуха, игровая площадка и т. д. - все это должно основываться на знакомстве с санитарными знаниями, что будет надлежащим предметом для экзаменов и аттестаций.

Воспитание детей и молодежи в духе здоровья - тема, которой особенно озабочены женщины. Это большая тема; она требует не только введения во всех наших школьных классах и колледжах основательного санитарного образования, подходящего для разных возрастов, но и привития любви к этим знаниям и привычки применять их на практике. Но это еще не все: наша великая потребность - образование в области здоровья - подразумевает укрепление и улучшение здоровья с помощью образования. Недостаточно, чтобы курс обучения, установленный для детей и молодежи, не причинял им вреда, необходимо также, чтобы он приносил им положительную физическую пользу; они должны быть сильнее, лучше и ярче за часы, проведенные в техническом образовании, иначе в плане обучения что-то не так. Если занятия вызывают головную боль, вялость, бездействие функций, если они делают детей бледными, тихими, бездуховными, значит, занятия вредны; они нанесли детям вред, каким бы незначительным ни казалось злое воздействие каждый день; и этот вред нельзя исправить, отправив их играть и повторяя один и тот же процесс изо дня в день. Нельзя исправить ошибку, постоянно совершая ее, а затем пытаясь исправить.

Нельзя не подчеркнуть, что если план воспитания, принятый в отношении детей, не приносит им положительного физического блага во всех его деталях, то он приносит им и положительный физический вред; он не может быть нейтральным. Это справедливо и в отношении молодежи в колледже или школе-интернате. Здесь действует тот же принцип: если курс обучения не приносит положительной пользы телесной организации, он приносит положительный вред. Перегруженный мозг нельзя вправить катанием на лодках и игрой в крикет. Правила, которые применяются к полностью сформировавшейся организации взрослого человека, не применимы к растущему юноше, и можно четко показать, сколько морального, а также физического вреда возникает из-за того, что мы не признаем радикального различия между юношеской и взрослой природой.

Поэтому образование в области здоровья, а не просто теоретическое обучение - это то, что нам нужно, чтобы сделать наших детей сильнее; и это требует такого трепетного отношения к здоровью со стороны педагогов, что они должны постоянно стремиться к тому, чтобы каждая часть обучения укрепляла как физическую, так и умственную природу.

В поисках лучших средств для санитарного воспитания молодежи мы пришли к выводу, что необходима определенная подготовка, прежде чем можно будет дать что-то похожее на полное и непосредственное гигиеническое воспитание. Эта подготовка должна быть заложена в детстве. Знания о строении и функциях человеческого тела необходимы; однако молодые женщины обычно с отвращением относятся к физиологическим занятиям, к которым они не были подготовлены. Все упоминания о телесных функциях им неприятны. Они так и не научились уважать законы своей организации, и от темы физического строения отворачиваются как от очень неприятной или очень скучной. Вкусы детей, однако, имеют совершенно иной характер; интеллект, проявляющийся в неутомимом любопытстве и непрекращающихся вопросах, преобладает в детстве, и тогда может сформироваться вкус к любому исследованию. Дети получают элементы сравнительной и человеческой анатомии и физиологии, научатся обращаться с костями и изучать строение не только без отвращения, но и с огромным интересом; и таким образом они могут быть подготовлены к более полному обучению, которое они должны получить в юности. Необходимо сделать все возможное, чтобы развить вкус к естественной истории и науке, который скрыт почти в каждом ребенке. Их любовь к животным указывает на этот вкус, и уход за ними следует поощрять и направлять. Учебник по физиологии в каждом школьном классе должен быть приятно написан, хорошо напечатан и снабжен большим количеством иллюстраций. Должны быть яркие, хорошо нарисованные картинки, чистые и свежие образцы, полки и маленькие ящики для коллекций.

К интеллектуальной подготовке, которая приводит к формированию вкусов, необходимо добавить формирование здоровых жизненных привычек. Эти привычки следует формировать, не объясняя их причин. Детей не следует учить рассуждать о вопросах здоровья. Им совершенно не хватает силы соизмерения, которая необходима для разума, и они рискуют стать болезненно совестливыми или ипохондричными, если их заставляют рассуждать о таких практических вопросах. Очень важно, чтобы они рано ложились спать, ели простую пищу, жили на свежем воздухе и много занимались спортом на свежем воздухе, но нежелательно, чтобы они слишком рано узнавали, почему они так поступают. Время для рассуждений об этих привычках еще не пришло, но здоровые привычки, сформированные в раннем возрасте, постепенно станут частью их натуры. Привычки к самоконтролю и послушанию правилам также являются важной частью нравственной гигиены детства; они готовят природу к разумному послушанию закону, которое должно прийти в более поздние годы. Не следует беспокоить детей неважными соблюдениями. Наставления, которые

необходимо дать им, произведут большее впечатление, если они не будут слишком многочисленными; правила, изложенные в них, должны быть мудрыми; дети доверчивы, и их доверием никогда нельзя злоупотреблять. Если, повзрослев, они научатся признавать мудрость требуемого послушания, они избегут того опасного скептицизма, который так часто посещает молодых людей, обнаруживших, что их интеллектуальные и нравственные наставники обманули их юношеское доверие. Интеллектуальные вкусы, здоровые привычки и послушание законам, сформированные таким образом в детстве, подготавливают юношу к тому полному обучению здоровью, которое адаптировано к периоду, когда развивается разум.

Для воспитания молодежи в духе здоровья - то есть физической силы, а также санитарных знаний и привычек - срочно необходим учебный колледж. Приобретение знаний, энтузиазм в изучении и практическое воплощение их в жизнь должны идти рука об руку. Несомненно, можно постепенно вносить изменения в обычный план семейного и школьного обучения. Но если при существующей системе школьной дисциплины мы попытаемся обучать юных леди законам здоровья, нам придется столкнуться с непреодолимыми препятствиями, не только с полным безразличием ко всем предметам здоровья и отвращением ко многим темам, связанным с ним, но и с ослабленными силами от запущенного или неправильно направленного детства, и с витальными вкусами от замены искусственных возбуждений на естественные здоровые удовольствия; Кроме того, невозможно найти необходимое количество учителей, вдохновленных тем уважением к Божественным законам, которое дало бы им понимание вопросов здоровья и истинного порядка образования. Такое сочетание трудностей делает задачу воспитания в духе здоровья почти безнадежной, если только человек не будет помещен в новую образовательную атмосферу, где полностью изменятся предметы и методы воспитания. Образование в области здоровья должно подготовить тело, частью которого является мозг, к хорошо сбалансированной силе, дающей полную власть над различными способностями и силу для удовлетворения требований будущей жизни. Для выполнения этой работы необходимо искреннее сотрудничество человека; такое образование не может быть навязано извне: оно должно быть принято по собственной воле. Чтобы победить равнодушие и вызвать энтузиазм, необходимы все смешанные мотивы, действующие на человеческую природу: большие и красивые здания и площадки; симпатии множества людей; стимул в виде почестей и наград; растущая перспектива утверждения в жизни. Все мотивы, которые действуют на юношей, стимулируя их рвение к жизни в колледже, необходимы и молодым женщинам. Природы если не идентичны, то строго параллельны. Общие правила, применимые в одном случае, применимы и в другом, и успех в образовании может быть достигнут только тогда, когда оно адаптировано к одной общей человеческой природе.

Образование в области здоровья будет наилучшим образом достигнуто, если уделять особое внимание следующим предметам: Во-первых, практическое изучение естественных наук, включая зарисовки с натуры. Во-вторых, практическое изучение гигиены, включающее в себя устройство и ведение дома и домашнего хозяйства. В-третьих, непосредственная тренировка телесных сил в точности, ловкости и силе.

1. Важность практического изучения естественных наук в воспитании молодежи вряд ли может быть слишком настоятельно подчеркнута. Любовь к природе, подкрепленная знанием природы, дает занятие, развлечение, умственное и физическое развитие наилучшего рода; она является противовесом против болезненного влияния моды и рассеянности; она препятствует преждевременному развитию функций; она создает основу для интеллектуального общения между полами и окажет неоценимую помощь матери в

воспитании ее детей. Сила привычек, сформированных в детях их родителями, уступает только исходному типу конституции и часто пересиливает даже исходные наклонности; эти привычки, тем не менее, формируются в результате молчаливой работы влияний, час за часом и день за днем, которые невидимы и не могут быть измерены, которые кажутся неважными, если брать пункт за пунктом в длинном счете, и все же в совокупности они формируют тело и душу. Мать может привить любовь к чтению или любовь к одежде, она может сформировать привычку к упражнениям на свежем воздухе или привычку к сплетням, но не с помощью предписаний или даже формальных правил, а благодаря своим собственным вкусам, неизбежно формирующим вкусы ее детей, и естественным образом вытекающим в те внешние формы, которые отражают господствующий дух или привязанности человека. Если мать проявляет искренний интерес к чудесам полей и лесов, моря и неба, какую сокровищницу восхитительных бесед можно найти в каждой загородной прогулке! Материнская любовь, соединенная с широкими вкусами и знаниями, никогда не устанет от непрекращающихся детских вопросов; чем старше ребенок, тем ближе и влиятельнее будет общение. Отдых на берегу моря или среди гор, который так часто проходит в безделье и легкомыслии, может стать богатым урожаем восхитительных знаний, почерпнутых из сокровищ земли и воды.

Именно на изучении наук и искусств на свежем воздухе следует настаивать в работе с молодыми людьми, развивая способности к наблюдению, а не к запоминанию, которые заставляют упражнять мышцы и органы чувств. Руководящий принцип санитарного воспитания - следовать порядку природы и ставить укрепление физических сил не независимо от умственных, а впереди них. Если порядок будет обращен вспять, и незрелому разуму будет позволено тиранить незрелое тело, и нарушать пропорцию работы природы, отводя слишком много творческой силы исключительно стимулу разума, истинные отношения разума и тела никогда не будут восстановлены, взрослый человек никогда не получит той готовой и способной услуги, которую тело должно оказывать разуму. Таким образом, подчеркивая первостепенную важность некоторых отраслей обучения, особенно в образовании девочки, мы не хотим исключить все остальные. Многие достижения, а также различные отрасли знаний могут быть преподаны таким образом, чтобы способствовать физическому и психическому здоровью, и все занятия могут быть так организованы и подчинены, чтобы быть безвредными. Принцип, на котором здесь настаивают, заключается в том, что в воспитании молодежи должны преобладать и лидировать те занятия, которые наиболее полно требуют проявления физической и умственной природы в процессе их выполнения.

2. Непосредственное изучение гигиены включает в себя столь широкий круг глубоко интересных тем, что трудно отобразить всю ее важность в сжатом очерке. Создание здорового счастливого дома (что, по общему мнению, является законной работой женщины) требует всесторонних знаний. Устройство и обустройство дома, приспособленного к климату, почве и потребностям семьи, включая дренаж, вентиляцию, отопление, экономию труда; ведение домашнего хозяйства в соответствии с индивидуальными потребностями и интересами общества, включая вопросы питания и отходов, домашнее обслуживание, мелкую торговлю, уход за больными и профилактику болезней, занятия и развлечения - эти и многие другие темы относятся непосредственно к созданию благородного христианского дома. Это темы, в которых мужчины и женщины имеют непосредственный личный интерес. Их можно преподавать в выпускных классах с большим количеством иллюстраций. Для продвинутых студентов следует добавить изучение экономических музеев, упражнения в осмотре домов и кварталов и т. д. Необходимо использовать все методы, чтобы запечатлеть факты в памяти и возбудить личный интерес. Для этого полезно ввести систему поощрений,

будь то призы или почетные грамоты. Кажется, нет причин, по которым почетные степени, стипендии и гранты не должны присуждаться за овладение знаниями, имеющими отношение к здоровью человечества, а также за выдающиеся успехи в классических и математических исследованиях.

3. Третьим предметом образования в области здоровья является непосредственное культивирование различных телесных сил в силе, ловкости и грации. Эта культура предполагает пристальное внимание к слабым местам в здоровье каждого отдельного ученика - тем склонностям к болезням, которые существуют в настоящее время у каждого человека. Все наверняка заметили, что одна и та же болезненная причина, примененная к полудюжине людей, вызывает различные эффекты, в зависимости от индивидуальных особенностей; так, поток холодного воздуха, подаваемый при перегреве организма, может вызвать катар, бронхит, невралгию, ревматизм, кишечное расстройство, в зависимости от индивидуальной восприимчивости. Жизненная сила молодости маскирует, но не лечит слабые наклонности, если только эти наклонности не известны, и буйная жизненная сила не направлена специально на их излечение. Однако этот период жизни особенно благоприятен для такого лечения. Природа никогда больше не предоставит столь ценной возможности переделать конституцию. Доктор здоровья или профилактической медицины, который должен ознакомиться с конституцией каждого студента и определить, насколько упражнения должны быть изменены в соответствии с индивидуальными особенностями, является незаменимым членом факультета любого колледжа, который берется за обучение в области здоровья. При такой наблюдательности и осторожности современная гимнастика и упражнения в различных формах станут бесценной частью образования. Мышцы тела можно тренировать так же тщательно, как и органы чувств. Как глаз и рука в живописи или ухо и рука в музыке требуют долгой и тщательной практики для приобретения мастерства, так и великое множество нежных или сильных мышц в человеческом теле требуют тщательных упражнений для привлечения разнообразных сил, которые им принадлежат. Обычные движения в жизни не вызывают и половины этих сил. Как большинство людей проходит через всю жизнь с несовершенным использованием своих легких, из-за стеснения одежды и сидячих привычек, которые ослабляют грудные мышцы, так и с другими органами, результатом чего является несовершенное мускульное действие и ослабленное здоровье.

Принципы образования, заложенные таким образом, следующие: постоянное соблюдение порядка роста человека, выбор занятий, которые будут выполнять этот порядок, привычки и организация жизни в колледже, которые будут его выполнять, непосредственное обучение необходимым условиям здоровья и тщательная тренировка тела. Это дает образованию величайший из всех объектов - использование, которое, если его правильно понимать, включает в себя самую высокую и постоянную культуру, на которую способен человек. Если бы наши прекрасные морские побережья были усеяны такими колледжами, с их чудесными игровыми площадками, дважды в день омываемыми волнами Атлантики, предоставляющими бесконечные сокровища для жаждущих собирателей, энтузиазм к полезным для здоровья занятиям рос бы в юношеских умах, и более сильное поколение формировало бы более благородное общество.

Создание правительством санитарных учреждений и перестройка системы образования - не единственные средства, с помощью которых мы должны стремиться подчиняться Божественным законам, заложенным в нашей природе. Каждый класс общества, каждое учреждение - словом, вся наша социальная жизнь - должны быть заново рождены в идее здоровья. Обычаи, которым мы все следуем, будь то богатые или бедные, стандарты, по которым мы измеряем жизненный успех, и средства, с помощью которых мы стремимся его

достичь, - все это противоречит идее здоровья. Часы, которые мы проводим, наша одежда, наша пища, волнения и нагрузки жизни, одинаково вредны как для ума, так и для тела. Чем глубже мы вглядываемся в структуру и состояние общества, тем серьезнее становятся последствия всеобщего пренебрежения законами человеческого роста. Практическая жизнь сегодня - жестокий враг для чистой, полной энтузиазма молодежи; чистота и энтузиазм в равной степени разрушаются развращенным и неверным обществом, в которое они попадают. Мы проповедуем один стандарт права, а практикуем другой. Мы требуем от наших детей сверхчеловеческих усилий, когда, окруженные соблазнами, говорим им, чтобы они не впадали в дурные привычки; мы требуем невозможного, когда ожидаем, что они, как социальные существа, будут поступать правильно, когда общество поступает неправильно. Поэтому распространение санитарных знаний среди всех слоев взрослого общества так же необходимо, как и перестройка системы образования. Именно благодаря постепенному распространению этих знаний могут сформироваться объединения людей, которые будут достаточно сильны, чтобы покончить с некоторыми бессмысленными и вредными обычаями, которые сейчас пронизывают общество.

Этот принцип объединения может обладать огромной и все возрастающей силой, направленной на благо. Отступление одного человека от устоявшихся обычаев - это эксцентричность, но объединение пятидесяти человек с той же целью будет иметь большое влияние, а сто решительных мужчин и женщин образуют социальную силу в государстве. Отрадно осознавать, какой силой может обладать такая группа людей, решивших выполнять "Законы здоровья" в своей повседневной жизни!

Однако я осмелюсь предложить лишь одну форму объединения, полезность которой, как мне кажется, сразу же станет очевидной.

Я имею в виду создание Национального общества здоровья.^[23] Такое общество, кажется, очень нужно - нужно, чтобы объединить, направить и придать импульс усилиям отдельных людей; сформировать хранилище информации, к которому все могли бы обратиться; помочь законодательству о здоровье, рассматривая этот великий предмет с точки зрения семьи и воспитывая в обществе разумную оценку мудрых законодательных мер; атаковать такое большое и растущее зло, как некуриительный дым; предложить улучшения в образовании и привлечь все благотворительные учреждения к миссионерской работе в области здоровья. Каждая другая тема, представляющая интерес для человека, представлена каким-либо обществом, более или менее активным, которое берет на себя социальную сторону каждой конкретной работы и отстаивает ее требования. Характерным для общего пренебрежения, с которым относятся к здоровью, является тот факт, что до сих пор не было создано ни одного национального общества мужчин и женщин для продвижения этой жизненно важной темы - здоровья.

Такое общество должно распространить свои филиалы в каждый город и деревню страны и сформировать корпус членов-корреспондентов не только по всему королевству, но и за рубежом. Оно могло бы с большой пользой для себя способствовать широкому применению той прекрасной системы обучения, которую заложил мистер Твайнинг из Твикенхема. Этот джентльмен посвятил свою жизнь распространению санитарных знаний. Создав на своей территории музей бытовых искусств, открытый для публики, он написал серию лекций, которые читает хранитель музея и иллюстрирует его библиотекарь, причем иллюстрации к каждой лекции изобретательно упакованы в маленькую коробку; он щедро посылает это маленькое учреждение в любое место, которое примет меры для доставки лекций. Такая система, варьирующая лекции и иллюстрации, может быть применена в каждой маленькой деревне в Англии, потому что в каждом месте обязательно найдутся две молодые леди или

джентльмены, которые будут читать подготовленные таким образом лекции. Если бы Общество здоровья занималось только тем, что постоянно поддерживало в рабочем состоянии такой простой план обучения, как этот, оно бы сделало работу, приносящую огромную пользу. Однако нет предела практическим предложениям, которые могут быть представлены общественности, влиянию, которое может быть оказано на семейную жизнь, или санитарным учреждениям, которые могут быть сформированы энергичным Обществом здоровья.

Таким образом, я попытался показать:

1. Что существуют законы, управляющие ростом человека в соответствии с неизменным планом.
2. Что пренебрежение изучением и соблюдением этих законов приводит к индивидуальным страданиям во всех слоях общества и национальному вырождению.
3. Что подчинение должно осуществляться через законодательство, образование и социальную жизнь.

Только когда мы научимся признавать, что Божий закон для человеческого тела так же священен, как и Божий закон для человеческой души, а может быть, и един с ним, мы начнем понимать Религию здоровья.

ССЫЛКИ:

[23] В том же году (1871) на собрании в гостиной, проходившем в доме доктора Блэкуэлла, было создано Национальное общество здоровья, офис которого находится по адресу: 53, Berners Street, London, W.-Editor.

БИЛЛИНГ И СЫНОВЬЯ, ЛТД, ТИПОГРАФИЯ, ГИЛДФОРД.

Примечания транскриптора

Стр. 57: "теории бактериологии" заменено на "теории бактериологии".

Стр. 127: "признанный авторитет" заменено на "признанный авторитет".

Стр. 178: "herioc efforts" заменено на "heroic efforts".

Стр. 208: "they will save" заменено на "they will save"